

М. А. Михайловъ.

Женщины,

ИХЪ ВОСПИТАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ
ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ.

ЖЕНЩИНЫ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Джонъ Стюартъ Милль
ОБЪ ЭМАНСИПАЦІИ ЖЕНЩИНЪ.

УВАЖЕНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Прудонъ о женщинѣ.—Мишле о любви.

ЕЛИЗАВЕТА БЛЕКВЕЛЬ и ЖЕННИ д'ЭРИКУРЪ

(ВЪЗЪ СОВРЕМЕННОКА 1858—1866 ГГ.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ П. А. КАРТАВОВА.

1903.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются

слѣдующія изданія

П. А. Картавова,

Уманецъ, С. И. — Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки.

Изъ ревелской старины.

Замокъ Фалль подъ Ревелемъ.

Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи.

Эстонскіе полувѣрцы.

Изъ Эстонскихъ сагъ.

Латышская этнографическая выставка въ Ригѣ.

Съ портретомъ князя С. В. Шаховскаго и 12-ю рисунками Спб. 1899. Цѣна 1 рубль.

Рышковъ, В. А. — Женнхи. Романъ. Спб. 1900 г. Цѣна 1 р. 25 к.

" " — Разказы. (Первая книжка). Спб. 1900 г. Цѣна 1 р.

" " — Разказы. (Вторая книжка). Спб. 1903 г. Цѣна 75 к.

Массонъ, Ф. — Влюбленный Наполеонъ. Марія Валевская, пер. съ франц. Спб. 1898. 2-е изд. Цѣна 35 коп.

Картавовъ, М. В. — Думы и муки. Стихотворенія. Спб. 1898. Цѣна 75 к.

Картавовъ, П. А. — Историческія свидѣнія о гербовой бумагѣ въ Россіи. Вып. I. 1699—1799. Съ 40 снимками. Спб. 1899 г. 5 руб. (Напеч. 100 экз.).

Картавовъ, П. А. — Библиографическія извѣстія о рѣдкихъ книгахъ. О рѣдкихъ книгахъ. Изданія, относящіяся къ Цесаревичу Константину Павловичу, 14-му Декабря 1825 г. и Еми. Иоанну Антоновичу. Провинціальныя изданія XVIII ст. Изданія Петра Богдановича и малоизвѣстныхъ типографій. Указы о типографіяхъ. Библиографическія замѣтки и т. п. Спб. 1898 г. 2 вып. Цѣна 2 р. 50 к.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ РѢДКОСТИ: Кн. I.

1) Философъ живущій у хлѣбнаго рынку. Спб. 1792.

2) Егорушка или челов. самъ собою довольный. Спб. 1797.

Новая перепечатка, Спб. 1903 г. Цѣна 30 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ ВТОРАЯ КНИГА:

3) Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ докторствомъ. Спб. 1774 г.

4) О болѣзняхъ богатыхъ и свѣтскихъ людей. Спб. 1803.

ВЫПИСЫВАЮЩЕ ОГЪ ИЗДАТЕЛЯ:

С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. № 7.

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЬ.

М. А. Михайловъ.

ЖЕНЩИНЫ,

ИХЪ ВОСПИТАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ.

ЖЕНЩИНЫ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Джонъ Стюартъ Милль

ОБЪ ЭМАНСИПАЦІИ ЖЕНЩИНЪ.

УВАЖЕНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Воспоминанія о Михайловѣ

⊗ Н. В. и Л. П. ШЕЛГУНОВЫХЪ ⊗

СПБ.

ИЗДАНИЕ П. А. КАРТАВОВА.

1903.

523¹/₃₆

Ж Е Н Щ И Н Ы

ИХЪ ВОСПИТАНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ.

(Посв. Л. П. Шелуновой).

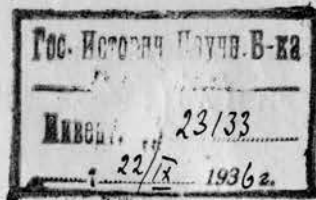
Coupez le câble:

Sievès.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Недовольство настоящимъ складомъ создало не мало самыхъ разнорѣчивыхъ общественныхъ теорій, которыя частью рухнули, какъ чуждыя жизни, частью приняты жизнью „къ свѣдѣнію.“ Полная перестройка общества невозможна безъ передѣлки основанія его, семьи; это сознавалось иногда смутно, иногда ясно всѣми общественными новаторами; на этомъ сознаніи выросли идеи и о такъ называемой эмансипаціи женщины, скоро нашедшія путь въ общество, какъ слишкомъ заинтересованное въ этомъ вопросѣ.

Сомнѣнія въ непогрѣшительности вѣками утвержденныхъ неравныхъ семейныхъ отношеній, неравныхъ общественныхъ правъ мужчины и женщины, и первые шаги общества къ женской эмансипаціи кажутся мнѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ характеристическихъ явленій нашего вѣка. Шаги эти нетверды, самыя понятія о томъ, что такое и въ чемъ должна состоять эмансипація, не получили еще достаточной ясности и опредѣленности въ умахъ не только большинства, но и людей передовыхъ. Тѣмъ не менѣе однако

движеніе совершается, мало по малу подтачивая старые предрассудки и готова тотъ новый общественный порядокъ, въ которомъ уравниваются въ известной степени права и отношенія, теперь такъ спутанныя.

Въ какой мѣрѣ зависитъ благоденствіе общества отъ уравниенія правъ мужчины и женщины? Какъ можетъ совершиться это уравниеніе? Что служить ему помѣхой въ современныхъ понятіяхъ и нравахъ? Какъ должна сложиться семья, чтобы стать прочнымъ залогомъ дѣйствительныхъ успѣховъ общества, а не задержкою ихъ, какою она является большею частью въ наше время? Вотъ вопросы, на которые я старался отвѣтить въ предлагаемыхъ замѣчаніяхъ.

Въ огромной грудѣ книгъ, посвященныхъ разбору вопроса о положеніи женщинъ, при видимомъ желаніи подвинуть разрѣшеніе вопроса, онъ до сихъ поръ оставался все таки неуясненнымъ. Подъ новыми словами и фразами скрывались тѣ же старыя рутинныя понятія, противъ которыхъ, какъ могло казаться съ перваго взгляда, ратовали авторы. Если же и дѣйствительно говорилось что нибудь новое, то говорилось лишь вполнину. Но полуслова, какъ и полумѣры, допуская примиреніе стараго съ новымъ, мало подвигаютъ дѣло впередъ.

Печальный разладъ, замѣчаемый въ наше время въ семьѣ, лицемѣріе, вѣдрившееся въ семью вслѣдствіе этого и нравственно растлѣвающее общество, замѣчаемый на каждомъ шагу антагонизмъ между членами семьи, — всѣ эти мрачныя явленія объясняютъ противосемейственную реакцію, поднятую во Франціи социальными философами. Не менѣе понятно и сочувствіе, пробужденное въ обществѣ ихъ системами. „Чувство свободно; оно не поддается никакому произвольному руководству; нѣтъ такихъ цѣпей, которыхъ явно или тайно оно бы не сломало“. Эти мысли, понятныя вполнину, очень льстили неразвитости массы, называющей себя образованною частію общества. Ухватившись за нихъ, какъ за непогрѣшительный догматъ, но не имѣя въ то же время силы сокрушить въ жизни несомѣстныя съ этими идеями, упроченныя вѣковою давностью формы, общество ринулось въ хаосъ наглаго и необузданнаго разврата.

Одна крайность вызываетъ неминуюемо другую. Замѣтное паденіе нравственности, произведенное во Франціи односторонне усвоенными идеями объ эмансипаціи женщинъ, должно было вызвать реакцію, какъ и всѣ реакціи, крайнюю и одностороннюю. Не обращая вниманія на тѣ благія приобрѣтенія, которыя движеніе къ освобожденію слабѣйшей до сихъ поръ половины человѣчества все-таки, вмѣстѣ съ временнымъ зломъ, доставило жизни и обществу, реакціонеры принялись осуждать не злоупотребленія свободы, неизбѣжныя при ея новости, а самый принципъ ея. Они готовы видѣть идеаль семейнаго общества у племенъ, остающихся еще на низшихъ ступеняхъ развитія, и, оставивъ при насъ всѣ завоеванія науки, обратить домашній бытъ нашъ въ такъ-называемое „естественное состояніе“. Не говоря уже о томъ, что такой фатализмъ несомѣстимъ съ настоящимъ сильнымъ развитіемъ мысли, не говоря уже о странности движенія впередъ и вспять въ одно и тоже время, спросимъ: у какихъ дикарей, на какихъ невѣдомыхъ островахъ, оторванныхъ отъ всего міра моремъ и невѣжествомъ, найдется это счастливое „естественное состояніе“, о которомъ такъ складно говорится въ книгахъ? Гдѣ „естественное состояніе“ чловѣка не есть упорная борьба съ роковыми силами природы? Эта-то борьба, на первыхъ порахъ столь тяжкая, должна была поневолѣ поставить женщину, какъ мать и кормилицу, въ нѣсколько зависимое отъ мужчины положеніе. Отъ зависимости (мы видимъ это къ несчастью даже въ наше цивилизованное время) не труденъ переходъ къ полному подчиненію. У племенъ дикихъ, по рассказамъ путешественниковъ, на женщину, какъ на рабыню и служанку, падаетъ вся труднѣйшая сторона жизни; охота, рыболовство, будучи средствами существованія, служатъ въ тоже время забавой мужчинъ. Развитіе общественности и благосостоянія, позволяя женщинѣ сложить съ себя отчасти тяжелыя обязанности, сдѣлало изъ нея мало по малу, вмѣсто служанки, госпожу въ домѣ, но госпожу для всѣхъ кромѣ мужа, для котораго она стала теперь если не работою въ смыслѣ работницы, то работою въ смыслѣ исполнительницы его желаній и прихотей. Лишенная всякихъ общественныхъ правъ еще при самомъ возникновеніи общества,

женщина поневолѣ принуждена была прибѣгать ко всѣмъ ухищреніямъ для пріобрѣтенія себѣ прочнаго положенія чрезъ союзъ съ мужчиной. Вотъ изъ какой доисторической дали идетъ гнуснѣйшій изъ женскихъ пороковъ, для котораго къ счастью нѣтъ названія на русскомъ языкѣ,—кокетство, и животный взглядъ мужчины на женщину, какъ на игрушку его чувственности. Неужто же теперь, при такомъ рѣшительномъ сознаніи несостоятельности семейныхъ отношеній, обращаться за исправленіемъ ихъ въ философію, выведенной изъ быта какихъ нибудь австралійскихъ дикарей?

Причины чисто временныя (именно, заботы первобытныхъ племенъ о безопасности своего потомства) поставили женщину въ тѣ рабскія отношенія, которыя становятся возмутительными въ наше время. Долгая и ожесточенная борьба съ внѣшними природными условіями упрочила эти отношенія. Но протестъ, хотя глухой, вѣроятно всегда существовалъ въ угнетенной половинѣ. Иначе какъ объяснить возникновеніе въ самыхъ раннихъ періодахъ человѣческаго развитія этихъ жестокихъ и деспотическихъ законовъ, ограждающихъ съ такимъ постояннымъ упорствомъ ревнивыя права мужчины? Но никакіе законы, какъ бы ни были они сильны и грозны, не заставляютъ человѣческую личность считать себя отъ рожденія обреченною на рабство. Стремленіе къ личной свободѣ—не исключительно человѣческое свойство, и отказываться въ этомъ свойствѣ женщинѣ, стараться не выпускать ее изъ тѣхъ путей, которыми она связана теперь, значитъ ставить ее ниже безсловесныхъ животныхъ.

Чуть не до этого и доходитъ дѣло. И кто же является партизаномъ такого взгляда въ наше время? Философъ, всѣ силы котораго направлены были на сокрушеніе всего настоящаго порядка вещей, какъ неудовлетворяющаго ни требованіямъ разума, ни желаніямъ свободы. Третій томъ книги Прудона Sur la justice поразилъ и возмутилъ своею ретроградною философіей даже ту часть общества, которая живетъ донинѣ, вполне удовлетворяясь, въ началахъ, проповѣдуемыхъ авторомъ. Поражаться и возмущаться, собственно говоря, было нечего. Прудонъ, предлагая обществу свою систему, могъ ему сказать: „твоя отъ твоихъ!“ Не сущность его словъ возмутила всѣхъ, а самыя слова, и тонъ этихъ

словъ. Зачѣмъ то, о чемъ до сихъ поръ говорилось тономъ петиметра или отеческимъ тономъ ментора, высказано тономъ конскаго заводчика? Нужды нѣтъ, что мы во глубинѣ души вполне раздѣляемъ ваши мнѣнія и рады, что они выражены такъ послѣдовательно и обстоятельно; все-таки лучше было бы, еслибъ въ насъ не предполагали такихъ взглядовъ. Ужъ если высказывать ихъ, такъ высказывать наполовину: ужъ если являться въ публику орангутангомъ, такъ хоть газомъ себя прикрыть, если нельзя надѣть черный фракъ, лакированные башмаки и палевыя перчатки.

Книга Прудона замѣчательна не только какъ реакція пробудившемуся во Франціи стремленію къ преобразованію семейныхъ отношеній; она еще болѣе знаменательна тѣмъ, что показываетъ, какъ глубоко сидятъ еще въ чловѣкѣ нашего времени корни деспотизма и кулачнаго права. Во Франціи, въ половинѣ XIX вѣка, издается трактатъ, ничѣмъ почти не отличающійся отъ какой нибудь „книги о злонаправныхъ женахъ, зѣло потребной, а женамъ досадной“, которая считалась кодексомъ семейной мудрости у нашихъ прадѣдовъ, наравнѣ съ „Домостроемъ“, рекомендующимъ, какъ извѣстно, въ случаѣ непослушанія жены, „сойма рубашку, плеткою вѣжливенько постегать, за руки держа“, и проч. Прудонъ не рекомендуетъ, правда, плетки; но это не достоинство въ его книгѣ, а скорѣе недостатокъ: такимъ пропускомъ нарушается отчасти логичность его выводовъ. Есть впрочемъ и еще пунктъ разности между новымъ французскимъ философомъ и нашими древними славяно-греко-россійскими любомудрами. Любомудры эти, разсуждая о томъ, какое „естество“ у женщины, злое или доброе, были прочно и непоколебимо убѣждены, что женщина—существо вполне подчиненное мужчинѣ, не имѣющее никакого права на свободу мысли и дѣйствій. Новые же философы, видя въ жизни все болѣе разрастающееся противорѣчіе этой завоевательной теоріи, принуждены доказывать всякими правдами и неправдами то, что было у нашихъ книжниковъ доказаннымъ убѣжденіемъ. Они не хотятъ—не говоримъ: поворотиться ходу жизни,—а вникнуть въ его смыслъ, и, въ испугѣ отъ временнаго, преходящаго зла, норовятъ уложить жизнь въ старыя рамки и водворить прежній уставъ, преж-

нюю тишь да гладь, да божью благодать. Но ихъ посеидоновское Quos ego! не утомить волнь общественнаго моря.

Прудонъ въ своей книгѣ высказалъ до послѣднихъ крайностей деспотическія основанія того семейнаго устройства, съ которымъ, какъ со всякою старою дрянью, какъ со старымъ халатомъ и старыми сапогами, трудно вдругъ разстаться современному человѣку. Послѣ автора „Экономическихъ Противорѣчій“ нечего прибавить къ его кодексу домашнихъ и семейныхъ законовъ; дальше въ этомъ направленіи идти нельзя. Прудона можно пожалуй и поблагодарить за его смѣлость выговорить наконецъ то, что всѣ антагонисты женскаго движенія или высказывали до сихъ поръ слабыми намеками, или стыдливо затаивали въ себѣ. Эта откровенность облегчаетъ споръ людямъ противныхъ убѣжденій; имъ теперь во всей тонкости извѣстны и мнѣнія, и чувства стороны, задерживающей движеніе къ реформѣ семьи и отношеній между двумя полами. Теперь нечего ни угадывать, ни подозрѣвать: все ясно, какъ божій день.

Это не то, что тѣ двусмысленныя, а часто и просто-напросто бессмысленныя апогеи, которыми обыкновенно отвѣчаютъ на „утопіи“ инаго семейнаго порядка,—апогеи, которыя можно толковать какъ угодно, и pro и contra. Эта эластичность и сдѣлала ихъ особенно ходячими въ обществѣ, и онѣ обращались въ немъ до того, что потеряли всякое обличіе. Скажите, кто не повторяетъ, какъ попугай, хоть бы слѣдующихъ истинъ, считая ихъ непогрѣшительнымъ выводомъ изъ какой-то очень будто бы разумной и святой философіи: „Роль женщины—роль преимущественно матери, воспитательницы будущихъ полезныхъ гражданъ обществу; поэтому всѣ интересы ея должны быть сосредоточены подъ домашнею кровлей; домъ—это исключительное поприще ея дѣйствій. Воспитаніе не должно увлекать ее за предѣлы этой законной ея сферы; занятія изящными искусствами, полезными руководльями наполнять досуги, остающіеся ей отъ заботъ матери и хозяйки дома“. Фразы эти очень красивы; но не на каждомъ ли словѣ въ нихъ противорѣчіе? Послѣдняя фраза, напримѣръ, предполагаетъ непремѣннымъ качествомъ въ женщинѣ отчужденіе отъ общественныхъ интересовъ, а стало быть и равнодушіе къ

нимъ. Первая фраза, наоборотъ, требуетъ отъ нея полнаго знанія общественныхъ нуждъ и сочувствія къ нимъ. Иначе какой же гражданинъ обществу можетъ быть воспитанъ ею? Воспитаніе будетъ хорошо только въ матеріальномъ отношеніи. Разумѣется, никто не замѣнитъ ребенку ни груди, ни ласкъ, ни любви матери; но вы хотите развитія въ немъ нравственныхъ началъ? У всякаго вѣка своя нравственность. Нравственные доблести героическихъ временъ кажутся намъ безобразіемъ: вѣдь и чувство хоть бы личной мести было когда-то нравственнымъ чувствомъ. Нравственные понятія движутся и развиваются вмѣстѣ съ обществомъ и жизнью, а не стоятъ на мѣстѣ. Требуя, чтобы женщина вносила въ воспитаніе дѣтей нравственныя начала, мы должны предполагать въ ней развитіе въ уровень съ требованіями времени. Но откуда же такое развитіе, если мы отрѣшимъ ее отъ участія въ движеніи общества? Никакія изящныя искусства, никакія съ дѣтства втолкованныя правила морали не спасутъ ее, безъ прямого соприкосновенія съ успѣхами общества, отъ нравственнаго застоя. Любить можно только то, что хорошо знаешь; служить можно только тому, что любишь. Ограничивая жизнь женщины стѣнами ея дома, нечего требовать отъ нея служенія общественной пользѣ. Материнскую любовь, которая, при широкомъ развитіи нравственномъ и умственномъ, была бы такою великою общественной силой, вы обрекаете быть тѣмъ, правда теплымъ, но тупымъ и эгоистическимъ чувствомъ, какимъ является она у низшихъ животныхъ. Не силы на житейскую борьбу воспитываетъ такая любовь, а страхъ передъ жизнью.

Посмотрите, не съ особеннымъ ли упорствомъ останавливается женщина на принципахъ и понятіяхъ, мало по малу отживающихъ уже свой вѣкъ въ обществѣ, останавливается только потому, что они кажутся ей безопасны своей прочностью? Не женщины ли были всегда главными хранительницами преданія? Эта робкая цѣпкость къ старому, какому бы то ни было, но уже утвержденному до насъ, эта неподвижность мысли, осужденной не выходить изъ узкихъ предѣловъ битой колени, отражаясь на воспитаніи, отражаются и на ходѣ общества. Не только въ большинствѣ, но даже часто и въ лучшихъ членахъ его замѣчается печаль-

ный внутренний разлад. Мысль, выработанная наукой и опытом жизни, говорит одно; чувство, воспитанное дома, в сферѣ, далекой от жизни, влечетъ въ другую сторону, заподозривая самую законность несогласной съ нимъ мысли. Предразсудокъ живетъ въ обществѣ оттого, что живуче въ насъ чувство домашнего очага, отъ котораго мы несемъ въ жизнь этотъ предразсудокъ. Откуда же быть тутъ равновѣсію въ жизни, отъ котораго зависитъ разумный и прямой ходъ? И не только обиденный быть нашъ полонъ этихъ жалкихъ и малодушныхъ колебаній, не спасена отъ нихъ и болѣе свѣтлая, болѣе разумная сфера—сфера чистаго знанія.

Только коренное преобразование женскаго воспитанія, общественныхъ правъ женщины и семейныхъ отношеній—представляется мнѣ спасеніемъ отъ нравственной шаткости, которою, какъ старческою немочью, больно современное общество. Практическіе философы, плодящіеся, словно грибы, въ гнили и плесени настоящаго общественнаго зданія, не любятъ никакихъ коренныхъ преобразованій, вѣроятно по чувству самосохраненія; но имъ бояться нечего: не только сами они, но и многія ихъ поколѣнія найдутъ себѣ удобную и питательную почву, прежде чѣмъ совершится преобразование, о которомъ я говорю...

Въ предлагаемыхъ замѣчаніяхъ я мало касаюсь исторической стороны вопроса о воспитаніи, объ общественномъ и семейномъ положеніи женщинъ. Предполагая обработать въ болѣе широкихъ размѣрахъ исторію женскаго элемента въ человѣчествѣ, я считаю нужнымъ сказать пока, что мысли, высказываемыя мною теперь, основаны на внимательномъ ея изученіи. Характеръ всей исторіи женщинъ, начиная со временъ патриархальной грубости и кончая нашимъ просвѣщеннымъ и утонченнымъ временемъ, одинъ. Это постоянное и упорное тяготѣніе къ господству стороны болѣе сильной физически, и постоянный, не менѣе упорный протестъ стороны физически слабѣйшей, протестъ, проявлявшійся и въ домашнемъ, и въ общественномъ быту, и въ искусствѣ, и въ наукѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ областяхъ жизни,—протестъ, вынудившій съ теченіемъ времени не мало уступокъ у противной партіи, но все не смолкающій отъ этихъ уступокъ.

I.

На предположенія о необходимости уравнивать общественныя и семейныя права женщины и мужчины, на требованія одинаковаго для обоихъ образованія, большинство отвѣчаетъ прежде всего сомнѣніями: возможно ли еще привести въ исполненіе эти предположенія и согласиться на эти требованія? Какъ для доказательства совершенной неспособности негровъ къ свободному человѣческому развитію плантаторы невольничьихъ штатовъ находятъ Агассизовъ, такъ и у защитниковъ настоящаго общественнаго порядка нѣтъ недостатка въ ученыхъ философахъ и законодателяхъ, которые, какъ за прочную основу благоденствія общества, ухватываются именно за неравенство правъ и неравенство образованія, когда дѣло идетъ о женщинахъ. Многіе самые радикальные эмансипаторы, самые пылкіе жрецы свободы, проповѣдующіе, какъ путь къ лучшему общественному устройству, равное для всѣхъ пользование благами жизни и знанія, останавливаютъ свою проповѣдь, доходя до общественнаго и семейнаго положенія женщины, или, наперекоръ общимъ положеніямъ своимъ, пускаются толковать о невозможности даровать женщинамъ равныя права и равное образованіе съ мужчиной...

И по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеніяхъ —

строить такой приговоръ: женщина ниже мужчины въ физическомъ отношеніи, ergo—должна быть подчинена ему; женщина ниже мужчины въ умственномъ отношеніи, ergo—должна быть подчинена ему; женщина ниже мужчины въ нравственномъ отношеніи, ergo—должна быть трижды подчинена ему. Подчиненіе невозможно при равенствѣ правъ и образованія; стало быть: не давать женщинамъ ни такихъ правъ, ни такого образованія.

Говорить все это голословно нельзя: если теперь не убѣдить никого кулаками, то не убѣдить никого и громкимъ крикомъ. Надо дѣйствовать сообразно съ духомъ времени, облечь свою животность и наклонность къ кулачному праву въ утонченныя формы современной цивилизаціи, вооружиться наукой, взять подъ мышку исторію всѣхъ вѣковъ и народовъ, и только на основаніи такъ называемыхъ научныхъ данныхъ рѣшить, что протестъ противъ насилія, который начинаетъ довольно громко высказывать угнетенная до сихъ поръ половина человѣчества, дикъ, нелѣпъ, ни на чемъ не основанъ; что и физиологія, и исторія обрекаютъ женщину на ту пассивную, рабскую роль, какую она занимала и занимаетъ въ обществѣ.

Говорить въ защиту женщинъ—пока значитъ ничто иное, какъ доказывать, на основаніи почти тѣхъ же фактовъ, на которые опираются и противники женской эмансипаціи, возможность и женщинѣ быть гражданкою умственного и нравственного міра, составляющаго въ настоящую минуту исключительную привиллегію мужчинъ.

Первая и главная помѣха умственному и нравственному развитію женщины—это, по общественному мнѣнію, самое физическое устройство ея и лежащая на ней обязанности матери и кормилицы. Одного этого пункта было бы, кажется, достаточно, при правильномъ фактическомъ доказательствѣ его справедливости, чтобы успокоиться на нынѣшнемъ положеніи дѣла и предоставить женщинѣ исключительно ту роль, какую играетъ самка у большей части низшихъ животныхъ; родила, вскормила — и все тутъ? Но этимъ противники женскаго освобожденія, какъ я уже сказалъ, не ограничиваются. Они утверждаютъ, что и самый умъ у женщины совсѣмъ не таковъ, какъ у мужчины, что и нравственность ея не такова. Изъ этого, разумѣется, ужъ прямо выходитъ, что никакъ не слѣдуетъ давать воли ни тому, ни другой; иначе выйдетъ чортъ знаетъ какой хаосъ, вмѣсто той прелестной, гармонической семьи, вмѣсто того милаго, образцоваго общества, какія существуютъ теперь.

Разобрать въ подробности эти мнѣнія о тройномъ препятствіи, полагаемомъ самою природой женщины ея равному съ мужчиной воспитанію и образованію, — мнѣнія о физи-

ческомъ, умственномъ и нравственномъ несовершенствѣ ея, необходимо прежде, чѣмъ говорить объ иномъ, лучшемъ строѣ семьи, который представляется нашимъ соображеніямъ. Только коренная реформа въ женскомъ воспитаніи можетъ вести насъ къ этому строю и упрочить его, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить и благосостояніе и порядокъ общества.

Итакъ, изъ физическихъ свойствъ женщины, полагающихъ главную преграду ея умственному развитію вровень съ мужчиной, называютъ прежде всего сравнительную слабость ея организма и падающій на нее актъ рожденія.

Я не стану, разумѣется, увѣрять, что физическая сила въ женщинѣ равна мужской силѣ. Но спрашивается, что за важное значеніе имѣетъ вообще физическая сила человѣка при настоящемъ развитіи общества? Наука съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе устраняетъ ее, подчиняя намъ разнообразныя силы природы. Но если бѣ людямъ и до сихъ поръ приходилось сражаться со сказочными Змѣями Горыничами и таскать на спинѣ камни для возведенія пирамидъ, то и въ этомъ случаѣ какая физическая сила могла бы требоваться для занятій хоть бы математикой, химіей, исторіей или даже для непосредственнаго участія въ гражданской дѣятельности? Для того, чтобы снять съ полки древній фолиантъ или навести астрономическій инструментъ, силы нужно гораздо меньше, чѣмъ на одинъ кругъ вальса. Занятія химіей нисколько не утомительнѣе занятій кухонныхъ, которыя вѣдь считаются же доступною женщинамъ спеціальностью. Наконецъ, одна бессонная ночь среди шаманскаго круженія бала едва ли не стоитъ цѣлой недѣли усидчиваго кабинетнаго труда.

Едва отнятая отъ груди, дѣвочка начинаетъ получать уже иное воспитаніе, чѣмъ мальчикъ. А между тѣмъ извѣстно каждому, что до наступленія половой зрѣлости они ничѣмъ почти не отличаются другъ отъ друга, и только эта зрѣлость нарушаетъ существовавшее между ними равновѣсіе физическихъ силъ. Что же мѣшаетъ учить въ это время дѣвочку тому же и такъ же, чему и какъ учатъ мальчика? Что мѣшаетъ стараться о томъ, чтобы она привыкла цѣ-

нить и полюбила умственный труд? Нѣтъ, для систематическаго покоренія ея вѣчной опеке мужчины, необходимо убить въ ней всякую самостоятельность мысли. Мальчику даютъ въ руки книгу, дѣвочкѣ — куклу.

При жалобахъ на слабость женскаго организма, мѣшающую будто бы развитію ума, заботятся ли по крайней мѣрѣ о здоровомъ физическомъ воспитаніи? Какъ извѣстно, мы въ этомъ случаѣ вовсе не похожи на спартанцевъ. Физическое воспитаніе дѣвочки совсѣмъ не таково, какъ воспитаніе мальчика. вмѣсто того, чтобы развивать силу и укрѣплять организмъ, оно своею балующею исключительностью, только расслабляетъ, дѣлаетъ женщину дѣйствительно какимъ-то беззащитнымъ въ физическомъ отношеніи существомъ.

Изнѣженность, сообщаемая этимъ исключительнымъ воспитаніемъ, постоянная бездѣльность мысли и рядомъ съ нею идущее несоразмѣрное развитіе воображенія ускоряютъ и самую половую зрѣлость. Первые явленія этой зрѣлости застаютъ женщину большею частью еще совершеннымъ ребенкомъ, и самая зрѣлость эта кажется какою-то аномаліей, болѣзнию.

Статистическія данныя, собранныя Бриеромъ де-Буамономъ и Рациборскимъ объ эпохѣ менструаціи при разныхъ условіяхъ климата и воспитанія, ясно показываютъ, что зрѣлость половая находится въ прямой зависимости отъ умственнаго и нравственнаго развитія. Здоровое развитіе ума полагаетъ преграду преждевременному и вредному развитію чувственности, и дѣлаетъ невозможнымъ аномальное появленіе признаковъ зрѣлости въ то время, когда самой зрѣлости еще нѣтъ, или когда самое существованіе ея не имѣетъ должной цѣны. Правильная организація и здоровое сложеніе дѣтей возможны лишь при дѣйствительной, а не фиктивной зрѣлости матери. Это фактъ, всѣми признанный.

А между тѣмъ все женское воспитаніе направлено у насъ словно нарочно на то, чтобы готовить искусственно-зрѣлыхъ женщинъ чуть не въ тринадцать лѣтъ. И до сихъ поръ, несмотря на возгласы наши о томъ, какъ далеко ушли мы впередъ отъ какихъ нибудь персидскихъ, турецкихъ нравовъ, сплошь встрѣчаются женщины, у кото-

рыхъ физическое развитіе и ростъ остановлены тѣмъ, что онѣ готовятся быть матерями. Какого же здоровья можно тутъ ждать отъ дѣтей? Это скороспѣлые плоды, истощающіе дерево и пользующіеся изъ него слабыми соками.

Въ наше время дѣтское образованіе все болѣе и болѣе упрощается. Элементарныя познанія приобрѣтаются уже безъ того тяжкаго труда, который обуславливалъ необходимость ферулы и розогъ. Даже если предположить въ дѣвочкѣ относительную слабость организма въ сравненіи съ мальчикомъ, чего въ сущности нѣтъ, то и тутъ равномѣрное съ нимъ ученіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ нанести физическаго вреда и помѣшать будущей женщинѣ стать здоровой матерью и здоровой кормилицей своего дитяти.

А между тѣмъ даже въ тѣхъ первоначальныхъ познаніяхъ, безъ которыхъ мужчина не можетъ шагу ступить въ жизни, чтобы не оказаться дуракомъ, отказываютъ женщинѣ, или передаютъ ей ихъ въ дѣтствѣ такъ, что она привыкаетъ мало по малу видѣть въ нихъ не что либо существенное для жизни, а какую-то ненужную для себя заботу, которая минуетъ вмѣстѣ съ дѣтскою порой. Учасъ вмѣстѣ съ братьями, дѣвочка замѣчаетъ постоянное отчужденіе себя отъ ихъ интересовъ. На ея уроки смотрятъ сквозь пальцы; ей говорятъ: „это для тебя лишнее!“ „это тебѣ не нужно!“ Она старше своихъ братьевъ, зрѣлѣе пониманіемъ; а между тѣмъ къ ней несравненно менѣе требовательны, чѣмъ къ нимъ. Нечего и говорить, что при такомъ взглядѣ невозможно не только мало-мальски серьезное образованіе, но даже и охота учиться. Во всѣхъ азбукахъ говорится, что „плоды ученія сладки, а корень его горекъ“. Въ то время, какъ мальчика часто противъ воли заставляютъ сосать этотъ горькій корень, дѣвочкѣ постоянно говорятъ: „не сладко, такъ брось!“ Какъ ни много успѣховъ сдѣлала метода элементарнаго образованія, горечи въ первыхъ урокахъ осталась еще довольно, и пріохотить къ труду, пробудить любознательность, заставить полюбить знаніе — составляетъ все-таки главную задачу современнаго воспитателя. Только въ женскомъ воспитаніи задача эта отодвигается на второй планъ, если не забывается совсѣмъ.

Такое небреженіе оправдываютъ обыкновенно тѣмъ, что женщина въ зрѣломъ возрастѣ, если только она удовлетворяетъ главному своему назначенію — быть матерью, не имѣетъ и времени посвящать себя интересамъ науки или общества. Тутъ начинаются обыкновенно выкладки и расчеты, изъ которыхъ прямымъ слѣдствіемъ выходитъ знаменитая аксіома г. Мишле (въ его книгѣ „Любовь“), что „женщина есть существо больное“. Дѣйствительно, при томъ направленіи воспитанія, какое дается въ дѣтствѣ женщинѣ, всѣ фізіологическія явленія принимаютъ въ ней мало по малу характеръ паталогическій.

Риль, въ книгѣ своей „Семейство“, говоритъ, что противоположность двухъ половъ проявляется окончательно лишь при высшей степени цивилизаціи, что не только у дикихъ и полуварварскихъ народовъ, но даже и въ сельскомъ населеніи образованныхъ націй въ женщинѣ замѣчается много мужскихъ, а въ мужчинѣ много женскихъ элементовъ. Это дѣйствительно такъ; но эта противоположность половъ никакъ не можетъ считаться разумнымъ и должнымъ явленіемъ. Напротивъ, разумность остается въ этомъ случаѣ на сторонѣ дикихъ и полуварварскихъ народовъ. Не будучи вовсе поклонникомъ буколическаго „etat de la nature“, я однакожъ позволяю себѣ думать, что и на такъ называемыхъ высшихъ степеняхъ цивилизаціи не мало вопіющихъ несправедливостей и готтентотскихъ дикостей, и что, несмотря на высоту нашего гражданскаго величія, намъ можно бы кое-чему поучиться у какихъ нибудь ароваковъ, или эскимосовъ, гдѣ женщины благополучно родятъ и выкармливаютъ здоровыхъ дѣтей, исполняя въ тоже время труднѣшій сравнительно съ мужчинами работы.

Снимите „табу“, наложенное для женщины на общечеловѣческіе интересы, перестаньте смотрѣть на первые уроки ея съ гигиенической точки зрѣнія госпожи Простаковой, и мало по малу расчеты и выкладки ваши, доказывающіе постоянную, несомнѣстную съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности, болѣзненность женщины, потеряютъ свою убѣдительность.

Расчеты и выкладки эти сводятся въ настоящее время на слѣдующія цифры:

По наступленіи половой зрѣлости, у женщины въ каждомъ мѣсяцѣ восемь дней должны быть причислены къ праздникамъ. Въ эти дни болѣзненное состояніе (опять-таки болѣзнь вмѣсто фізіологическаго явленія!) не позволяетъ женщинѣ ничѣмъ заниматься. Такимъ образомъ, на годъ приходится празднаго времени девятисто шесть дней. Не мало?

Затѣмъ, беременность отнимаетъ у женщины девять мѣсяцевъ, возстановленіе силъ послѣ родовъ — сорокъ дней, кормленіе новорожденнаго грудью — отъ года до пятнадцати мѣсяцевъ.

Предположимъ, что у женщины будетъ четверо дѣтей съ двухлѣтними промежутками; вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, которыя должны быть посвящены ею материнскимъ обязанностямъ.

Ни одинъ изъ самыхъ упорныхъ противниковъ женской эмансипаціи не можетъ, однакожъ, не признать, что женщина на время беременности и кормленія грудью не превращаются же въ такое тупое и бессмысленное существо, чтобы оставаться совершенно чуждою всякой дѣятельности, кромѣ своихъ материнскихъ заботъ. Это признаетъ и Прудонъ.

Но, дѣлая такую уступку, онъ тѣмъ не менѣе доходитъ до заключенія, что женщина все-таки на все это время не можетъ обойтись безъ пособія мужчины. „Если же мужчина (говоритъ онъ), будь это отецъ, братъ, мужъ или любовникъ, остается въ сущности единственнымъ производителемъ, поставщикомъ и кормильцемъ, какъ можетъ онъ подчиниться контролю и управленію женщины? Какимъ образомъ существо не трудящееся, живущее трудомъ другаго, будетъ управлять трудомъ въ теченіе своихъ постоянныхъ родовъ и беременностей? Устраивайте, какъ хотите, отношенія половъ и воспитаніе дѣтей, вы все-таки придете къ убѣжденію, что женщина своею органическою слабостью и своимъ *интереснымъ положеніемъ*, въ которое не приминетъ попасть, лишь бы на то было желаніе мужчины, неизбѣжно и по праву должна быть исключена изъ всякаго управленія политическаго, административнаго, ученаго и промышленнаго“.

Тонъ ироніи, всюду господствующій въ книгѣ Прудона, когда онъ говоритъ о предоставленіи женщинѣ иныхъ правъ, чѣмъ права домашняго животнаго, сильно подрываютъ вѣру въ его безпристрастіе. Не много нужно проникательности, чтобы замѣтить въ этомъ тонѣ раздраженіе авторитета, человѣка, власть имѣющаго,—на дерзость подчиненныхъ... Это иронія американскаго плантатора, которому говорятъ, что его забитый негръ можетъ пользоваться одинаковымъ съ нимъ правомъ голоса.

Даже при томъ состояніи семьи и общества, какое мы видимъ теперь, едва ли кто-либо, за исключеніемъ такихъ непреклонныхъ систематиковъ, какъ Прудонъ, можетъ отрицать важность участія женщины въ разрѣшеніи многихъ существенныхъ вопросовъ жизни, хоть бы на примѣръ вопроса о воспитаніи. Не большая ли свобода, данная женщинѣ въ новыхъ европейскихъ обществахъ, вывела насъ изъ того жалкаго прозябанія, въ которомъ чахнутъ народы восточные? Но остановиться на этой, преимущественно внѣшней свободѣ, искуено прикрывающей печальные остатки того же азіатскаго рабства, значить остановиться на полдорогѣ. А съ тѣми экономическими основаніями, на которыхъ утверждаетъ Прудонъ необходимость подчиненія женщины мужчинѣ, нетрудно двинуться и вспять. Не разбирая пока, въ какой мѣрѣ женщина неспособна ко всѣмъ, численнымъ французскимъ философомъ, родамъ дѣятельности, спросимъ только: такъ какъ и физиологическія явленія хотять во что бы то ни стало подчинить законамъ труда и капитала,—къ какой категоріи труда, производительной или непроизводительной, слѣдуетъ отнести трудъ ношенія въ своей утробѣ и потомъ кормленіе ребенка? Или это даже и не трудъ, а праздность, за которую, какъ возмездіе, слѣдуетъ не только лишеніе права на голосъ въ обществѣ, но и полнѣйшее лишеніе свободы.

Мужская и женская половина человѣчества никогда не выйдутъ изъ указанной имъ самою природою взаимной зависимости; но въ томъ-то и бѣда, что масса подъ зависимою понимаетъ еще до сихъ поръ не разумное равновѣсіе, а подчиненіе одной и преобладаніе другой стороны. И вотъ—страхъ потерять власть, заставляетъ мужскую по-

ловину искать оправданія своему господству и подчиненности женщинъ въ самой ихъ натурѣ.

Я уже сказалъ, что исключительное воспитаніе женщинъ и небреженіе о развитіи въ нихъ мысли, ведутъ лишь къ тому, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно какими-то больничными субъектами. Цифра 8, приведенная мною выше, значитъ у Прудона, Мишле приводитъ еще высшую цифру для ежемѣсячныхъ досуговъ женщины. У него, кажется, женщина и недѣли въ мѣсяцъ не бываетъ здорова. Если совершенствованіе пойдетъ такими быстрыми шагами, то надо ждать, что менструація скоро сдѣлается смертельною, или по крайней мѣрѣ такую же опасною, какъ на примѣръ тифъ, болѣзнь. Женщина той низшей степени цивилизаціи, гдѣ господствуетъ замѣненное Рилемъ смѣшеніе половъ, не мало посмѣялась бы и надъ восьмидневнымъ срокомъ Прудона, не говоря уже о трехнедѣльныхъ страданіяхъ женщины Мишле. Отчего бы ужъ кстати не обречь родильницу на неподвижное лежанье въ постели въ теченіе всего періода сорокадневнаго очищенія. Вѣдь продолженъ уже многими акушерами и девятидневный срокъ послѣ родовъ до двѣнадцати и болѣе дней. Въ неизбалованныхъ же роскошью классахъ женщина сплошь начинаетъ работать въ четвертый день по произведеніи на свѣтъ младенца.

Я не скажу ничего новаго и необыкновеннаго, если поставлю необходимымъ условіемъ здоровья беременной женщины—вести тотъ самый образъ жизни, какой она вела до начала беременности, за исключеніемъ, разумѣется, тяжкаго труда, и противоестественныхъ при этомъ усилій. Если въ такъ называемыхъ образованныхъ классахъ беременныя женщины позволяютъ себѣ носить тугіе корсеты и танцовать чуть не до упаду на балахъ, что положительно вредно, то какъ понять возгласы людей, допускающихъ и то и другое, о вредѣ умственныхъ занятій во время беременности.

И въ этомъ случаѣ, какъ вообще въ большей части сужденій о женщинахъ, слѣдствіе принимается за причину. Дѣйствительно, общество наше представляетъ не мало примѣровъ, когда умственные занятія во время беременности служатъ ко вреду здоровья женщины. Но что же это доказываетъ? Одно только: что предшествовавшее воспитаніе пре-

вратило для женщины всякій умственный трудъ въ какую-то непривычную пытку. Не точно ли такъ крестьянину, умѣющему плохо читать по складамъ, легче вспахать десятину, чѣмъ прочитатъ десятокъ разгонистыхъ страничекъ?

Въ этомъ же отчужденіи отъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ лежитъ причина тѣхъ ненормальныхъ нравственныхъ явленій, которыя принимаются обыкновенно за неизбѣжныя слѣдствія беременности. Скука, странная прихоти, чрезмѣрная раздражительность—все это не можетъ быть объяснено одними физиологическими измѣненіями въ организмѣ. Если эти явленія и дѣйствительно неизбѣжны, то на иной, высшей степени умственного и нравственного развитія, чѣмъ какого достигаетъ обыкновенно женщина въ наше время, они по крайней мѣрѣ значительно бы умѣрились. Перевѣсь воображенія надъ мыслью, начинающійся съ дѣтства, есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ приобретаемой ими силы.

Партизаны гігіеническаго взгляда на женщину, считая единственно важнымъ фактомъ ея жизни рожденіе и кормленіе дѣтей и предписывая ей поэтому во всѣхъ другихъ родахъ дѣятельности самую мелкую и жалкую роль, и не замѣчаютъ того, что предписываемая ими дисциплина служить не къ пользѣ, а во вредъ тому, что считается ими главною цѣлью всего женскаго существованія.

Повторяю—не органическая слабость и не періодическая беременность устраниаютъ женщину отъ участія въ политической, административной, ученой и промышленной дѣятельности, а съ дѣтства ложно-направленное, отличное отъ мужскаго, исключительное воспитаніе. Въ низшихъ классахъ общества, и преимущественно въ сельскомъ населеніи, гдѣ (за исключеніемъ свойственной невѣжеству грубости) гораздо болѣе сходства въ воспитаніи обоихъ половъ, существуетъ между ними гораздо большее равновѣсіе и въ правахъ, обязанностяхъ и образѣ жизни. Тамъ женщины не отстраняются ни отъ участія въ физическомъ трудѣ, ни отъ дѣятельности болѣе или менѣе общественной. И при всемъ этомъ катастрофы, довольно обыкновенныя въ классахъ высшихъ, гдѣ женщина ограждена, кажется, отъ всѣхъ вредныхъ

вліяній, случаются съ женщинами изъ простонародья несравненно рѣже.

Французскій врачъ Руссель, написавшій классическую во французской литературѣ, хотя и наполненную предразсудками, книгу о женщинѣ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ („Système physique et moral de la femme“), говоритъ между прочимъ вотъ что объ образѣ жизни простонародныхъ женщинъ во время беременности:

„Онѣ извлекаютъ большую себѣ пользу изъ труда, къ которому обязываетъ ихъ общественное положеніе; онѣ находятъ въ немъ для себя потребное и необходимое упражненіе, отстраняемое отъ себя по ложнымъ соображеніямъ женщинами богатыми; ибо осторожность запрещаетъ во время беременности лишь чрезмѣрныя усилія“.

„Одно изъ великихъ благъ труда (продолжаетъ Руссель далѣе), это то, что онъ спасаетъ насъ отъ господства страстей: онѣ зрѣютъ и кипятъ въ спокойствіи и праздности. Смущая вообще жизненныя отправления, онѣ не менѣе пагубны и для того отправления, которое служитъ сохраненію рода. Въ нихъ источникъ большей части случающихся выкидышей: оттого-то эти случаи болѣе обычны тамъ, гдѣ окружающее общество, или положеніе въ немъ женщины способствуетъ сильной игрѣ страстей. Выкидыши въ сельскомъ населеніи происходятъ почти всегда отъ чрезмѣрныхъ усилій или паденій, рѣдко бывають они слѣдствіемъ нравственныхъ причинъ. Животныя, будучи еще болѣе охранены отъ этого вліянія, выкидываютъ лишь вслѣдствіе насилій челоѣка“.

Заключимъ эти выписки еще одною цитатой.

„Самки животныхъ (говоритъ авторъ „Системы“) и женщины съ организмомъ не искаженнымъ нѣгой, не болѣны во время плодоношенія. Беременность — болѣзнь лишь для тѣхъ женщинъ, обезсиленнымъ органамъ, которымъ тягостно каждое отправление, лишь для тѣхъ хрупкихъ и нѣжныхъ созданий, для которыхъ и каждое пищевареніе есть краткая болѣзнь. Въ прочія достигаетъ обыкновенно предѣла беременности, не чувствуя никакой хворости, кромѣ неизбѣжной при этомъ состояніи тягости“.

Все это вполне справедливо и справедливо не въ отноше-
 нии только къ физической, но и къ нравственной сторонѣ жен-
 ской жизни, хотя о послѣдней и нѣтъ рѣчи. Праздность мысли
 вредна не менѣе праздности тѣла. Она такъ же способствуетъ
 развитію и пагубныхъ страстей, и томительнаго чувства недо-
 вольства собою и всѣмъ окружающимъ, и болѣзненной вслѣд-
 ствіе этого воспримчивости, раздражительности. Одна физиче-
 ская дѣятельность не можетъ же вполне поглотить жизни жен-
 щины. Указывая на женщинъ низшихъ сословій, Руссель
 находитъ болѣе приличнымъ ихъ образъ жизни во время
 беременности, но, упоминая объ ихъ участіи въ физическомъ
 трудѣ, онъ забываетъ сказать, что и нравственная, и ум-
 ственная жизнь ихъ идетъ въ то же время своимъ чередомъ,
 безъ всякихъ огражденій и ограниченій. Сфера мысли и
 дѣятельности поселанки тѣснѣе, можетъ быть, чѣмъ у жен-
 щины изъ высшихъ и болѣе зажиточныхъ классовъ; но это
 не значитъ еще, что тамъ полный сонъ и застой умствен-
 ный и нравственный, который такъ желательно водворить
 многимъ между женщинами съ большими средствами къ
 жизни, а стало быть и съ болшею возможностью для вся-
 каго развитія. Кромѣ того, упрекая послѣднихъ (какъ это
 дѣлаетъ Руссель) въ томъ, что онѣ отстраняютъ отъ себя
 всякій физическій трудъ, намъ слѣдовало бы опредѣлить
 сначала, въ чемъ долженъ состоять физическій трудъ жен-
 щины въ тѣхъ классахъ общества, гдѣ довольство позво-
 ляетъ ей не брать на себя черныхъ и тяжелыхъ работъ?

До сихъ поръ я имѣлъ въ виду тѣхъ женщинъ, кото-
 рые удовлетворяютъ своему половому назначенію—быть ма-
 терями; но нельзя же не вспомнить, что независимо отъ
 неизбежныхъ физиологическихъ аномалій, самое устройство
 нашего общества вовсе не обезпечиваетъ женщинѣ эту долю.
 Что остается ей тогда? Жизнь безъ цѣли, безъ дѣла, безъ
 пользы, какое-то медленное умиранье. Вѣрнымъ застрахо-
 ваніемъ отъ такой жалкой судьбы было бы дѣльное и прочное
 умственное образованіе, которое открыло бы женщинѣ путь
 и къ полезной общественной дѣятельности.

Да и самыя заботы материнскія не обнимаютъ собою
 всей жизни женщины. Прежде чѣмъ стать матерью, жен-
 щина не можетъ же вся погрузиться въ нянченье, общи-

ванье и одѣванье куколь, въ видѣ приготовленія себя къ
 будущему воспитанію своихъ дѣтей. Будь это такъ, слѣдо-
 вало бы женщину считать ниже безсловесныхъ животныхъ,
 которымъ не для чего любить сначала куколь, чтобы по-
 любить потомъ дѣтей своихъ. А время увяданья, когда спо-
 собность дѣторожденія уже истощилась, материнскія обя-
 занности кончены и дѣти давно живутъ самостоятельною и
 независимою жизнью? Что можетъ быть печальнѣе и въ то
 же время возмутительнѣе этой праздно дремоты, въ кото-
 рую женщина осуждена погрузиться въ старости.

Въ отвѣтъ на всѣ эти упреки и требованія многіе не
 прочь возразить: „что-жь? Попробуйте давать женщинѣ со-
 вершенно равное съ мужчиной образованіе? Мы противъ
 этого не споримъ; вѣдь результатъ всѣхъ стараній о жен-
 скомъ просвѣщеніи будутъ за насъ же. Опытъ приведетъ-
 таки къ убѣжденію, что женщина не способна къ такому
 умственному развитію, какъ мужчина, у нея и мозгъ совсѣмъ
 иначе устроенъ. Были, правда, исключенія изъ общаго пра-
 вила; но исключенія ничего не доказываютъ. Сами женщины
 съ этимъ согласны, умнѣйшія изъ женщинъ, какъ напри-
 мѣръ, г-жа Сталь, Рахель Фарнгагенъ и др.; Жоржъ Зандъ
 прямо говоритъ, что женщина отъ природы дура („la fem-
 me est imbécile par nature“). Но что такое женскій умъ,
 женская гениальность даже въ помянутыхъ исключеніяхъ?
 Это умъ, это гениальность только относительно общаго мел-
 каго уровня женскихъ способностей, а никакъ не въ срав-
 неніи съ умомъ и гениемъ мужчинъ. Мы готовы пожалуй
 съ вами согласиться, что физическія препятствія въ при-
 родѣ женщины не представляютъ существенной важности
 для ея образованія и для расширенія ея правъ; но будетъ
 ли отъ этого какая польза для общества? Посмотрите на
 опытъ вѣковъ“.

Посмотримъ.

II.

Какъ въ исторіи наукъ и искусствъ, такъ и въ исторіи
 обществъ и государствъ, на каждой страницѣ встречаемъ
 мы имена женщинъ, какъ дѣятельныхъ участницъ, въ ко-

торой нибудь изъ этихъ сферъ. Стало быть женщины никогда не были чужды ни умственному, не соціальному движенію человѣчества. Какъ же послѣ этого обвинять ихъ въ крайней ограниченности умственныхъ способностей.

Не говоря о женщинахъ, стоявшихъ во главѣ государствъ, или усердно и съ успѣхомъ служившихъ церкви (здѣсь они могли дѣйствовать подъ мужскимъ вліяніемъ, не самостоятельно), сколько женщинъ посвящали большую часть своей дѣятельности искусству или наукѣ! Нѣтъ знанія, которое осталось бы совершенно незнакомою для женской мысли областью. Между женщинами есть знаменитыя естествоиспытательницы, путешественницы; математика, медицина, филологія насчитываютъ въ числѣ своихъ дѣятелей также не мало женщинъ. Менѣе занимались женщины философіей и исторією; но и здѣсь есть нѣсколько уважаемыхъ женскихъ именъ. Про изящныя же искусства, которыя испоконъ-вѣку считались приличною женщинамъ спеціальною, и говорить нечего. Живописица, музыкантша, а тѣмъ паче писательница, романистка и поэтесса не перечтешь.

Но для многихъ это-то именно участіе женщинъ въ прогрессѣ жизни и знанія служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ сравнительной неспособности, ихъ умственного безсилія передъ мужчинами. „Гдѣ, спрашиваютъ обыкновенно, — гдѣ въ этомъ безконечномъ спискѣ женскихъ именъ, хоть одно такое, какъ имена напимѣръ, Бэкона, Гумбольдта, Лапласа въ наукѣ, какъ имена Данта, Рафаэля, Моцарта въ искусствѣ? Гдѣ великія женскія открытія? гдѣ полезныя женскія изобрѣтенія? гдѣ данное женщиной новое направленіе общественной мысли? гдѣ начатый женщиною новый періодъ въ искусствѣ, въ наукѣ?“

Дѣйствительно, женщины занимаютъ тутъ второстепенное мѣсто, но не второстепенная-ли роль принадлежала имъ и въ жизни, и не втѣсняла ли ихъ самая эта роль и въ болѣе тѣсную сферу умственной дѣятельности? Едва ли станеть кто отрицать неоспоримый фактъ, имѣющійся у всѣхъ на глазахъ съ первыхъ доступныхъ исторіи временъ и до нашей просвѣщенной поры, — фактъ, что женщину постоянно обрекали на исключительное служеніе домашнимъ интересамъ и всѣми мѣрами старались сдѣлать чуждою какъ инте-

ресамъ общества, такъ и интересамъ науки. Едва ли кто не знаетъ, что воспитаніе ея стояло всегда не только вдали отъ жизни общественной въ обширномъ смыслѣ этого слова, но даже и въ совершенномъ противорѣчій съ современными требованіями общества, что къ образованію не только равному съ мужчиною, не только необходимому для первоначальнаго нравственнаго воспитанія своихъ дѣтей, (а это воспитаніе всегда вмѣняли въ обязанность матери), но даже просто сообразному хоть бы съ ограниченою чредой домашняго быта и неизбѣжному для этой чреды, у женщины были отрѣзываемы всѣ законные (sic) пути, что для выхода изъ своего пассивнаго положенія ей приходилось отчаянно бороться со всевозможными препятствіями и въ утвердившихся правахъ, и въ предписаніяхъ дѣйствующей морали и дѣйствующаго закона. Самыя исключенія изъ общей порабощенной массы, самыя тѣ женщины, имена которыхъ служатъ лучшимъ залогомъ возможности широкаго женскаго образованія, не могли, при всѣхъ тяжелыхъ усиліяхъ своихъ, вполне освободиться отъ вѣковыхъ узъ предразсудка и несправедливости. Нужна не совсѣмъ обыкновенная сила ума, чтобы понять высокую цѣну для жизни того, о чемъ съ дѣтства втолковывалось намъ, какъ о чемъ-то ненужномъ и бесполезномъ (по крайней мѣрѣ лично для насъ). Нужна не совсѣмъ обыкновенная сила воли, чтобы во-преки прочно утвержденному порядку взяться за дѣло, признанное чуждымъ нашимъ способностямъ, и взяться за него небезплодно; нужно полное отрѣшеніе отъ всего своего прошлаго, не только перевоспитаніе, но почти перерожденіе. Если такое перевоспитаніе и возможно, то уже въ года зрѣлаго сознанія, когда дѣйствительно могутъ явиться помѣхой материнскія обязанности женщины. Все дѣтство, вся лучшая, цвѣтущая пора молодости были потрачены даромъ; наука все это время оставалась запечатлѣнною книгой; самая жизнь показывалась только съ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ сторонъ. Счастье еще, если голосъ общей жизни настолько доходилъ до слуха, что можно было не оступѣть окончательно въ однихъ чисто животныхъ инстинктахъ, не потерять всякую нравственную восприимчивость, и найти въ себѣ хоть изрѣдка, хоть слабый отзывъ интересамъ общечеловѣческимъ!

Гдѣ же вина женской природы, что ни одно изъ этого множества женскихъ именъ, вписанныхъ въ исторію общества, науки и искусства, не можетъ стать по значенію своему наравнѣ съ вышеназванными мужскими именами? Если и даровитѣйшія представительницы женскаго элемента въ наукѣ и литературѣ, въ обществѣ и государствѣ, грѣшатъ подѣ часъ узкостью сужденій, непрактичностью взглядовъ и дѣйствій, то не лучше ли источника этихъ недостатковъ поискать опять таки не въ совершенствѣ перваго воспитанія, трудности приобрѣтенія общедоступныхъ для мужчины знаній, и наконецъ въ невольничьемъ положеніи посреди общества? Вы хотите видѣть между женщинами Галилеевъ и Гумбольдтовъ, а запираете отъ нихъ двери коллегій, университетовъ, академій, закрываете отъ нихъ плотною завѣсой даже міръ и природу, и обращаете ихъ какъ къ единственному кладезямъ мудрости и просвѣщенія, къ пансіонамъ и институтамъ, гдѣ не дается понятія и объ азбукѣ науки и преподается превратное понятіе о жизни. Вы хотите видѣть между женщинами великихъ художниковъ, имена которыхъ опредѣляютъ вѣкъ, когда они жили и дѣйствовали; а жизнь, эту единственную и твердую почву искусства позволяете имъ наблюдать лишь издали. Чѣмъ шире сфера, изученная и воспроизведенная художникомъ, тѣмъ важнѣе и прочнѣе его значеніе; гдѣ же доступна женщинѣ такая сфера? Выходя на поприще литературы, женщины болѣею частью сходны съ тѣми высоко-даровитыми, но лишенными правильнаго и строгаго образованія личностями, которыя выдѣляются изъ темной массы народа и называются обыкновенно „самоучками“. „Только мужчина созерцаетъ все въ мірѣ; женщина удовлетворяетъ лишь подробности“, говоритъ г-жа Неккеръ-де-Сосюръ, сваливая вину на природныя способности женщины. То же утверждаютъ многіе философы и писатели, опять-таки принимая слѣдствіе за причину и забывая, что на основаніи приводимыхъ ими доводовъ можно утвердить вѣчное невольничество негра. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ гени, вышедшіе изъ этой среды? Таковъ ли уровень умственныхъ способностей тамъ, какъ въ сословіяхъ свободныхъ? И неужто это мѣшаетъ намъ признавать важность просвѣщенія, свободы и человѣческихъ правъ для негра?...

Послѣ этой параллели я считаю лишнимъ спорить противъ мнѣнія, что если единожды устроился такой порядокъ, если женщина съ незапамятныхъ временъ находится въ подчиненіи мужчинѣ, то, значить, лучшей доли она и не стоитъ. Скажу только, что этотъ порядокъ, устроился въ тѣ незапамятныя времена, когда высшимъ и лучшимъ даромъ была для человѣка физическая сила, защищавшая его жизнь и свободу. Но вѣка проходили не даромъ, и право сильного перестаетъ считаться правомъ. Къ послѣднимъ печальнымъ остаткамъ его слѣдуетъ причислить ходячія истины, что у женщины умъ „растительный“, неспособный къ логикѣ, къ правильному ходу мысли, что „идеи ея безсвязны, сужденія бессмысленны“, что „химеры принимаетъ она за дѣйствительность, изъ простыхъ аналогій выводитъ правила“; что „она не понимаетъ сама себя, да и не способна понимать“; что „какъ въ дѣлѣ продолженія племени ей нужно оплодотворяющее сѣмя мужчины, такъ и мысли ея сообщается дѣятельность лишь силою мужской мысли“; что „у женщины есть и пониманіе, и память, и воображеніе, но нѣтъ производительной способности въ умѣ“; что „будучи способна усвоить (и то лишь до нѣкоторой степени!) найденную истину, женщина сама лишена всякой инициативы“; что „человѣчество не обязано женщинамъ ни одною идеей нравственной, политической или философской“, что „оно подвигалось въ наукѣ безъ ихъ содѣйствія“!

На языкъ менѣе положительный и ясный, но зато болѣе успокоительный для обѣихъ сторонъ это переводится такъ: „Природа дала мужчинѣ мощную силу и дерзкую отвагу, мятежныя страсти и гордый, пытливый умъ, дикую волю и стремленіе къ созданію и разрушенію; женщинѣ дала она красоту вмѣсто силы, избыткомъ нѣжнаго и тонкаго чувства замѣнила избытокъ ума, и опредѣлила ей быть весталкою огня кроткихъ и возвышенныхъ страстей, и какая дивная гармонія въ этой противоположности, какой звучный, громкій и полный аккордъ составляютъ эти два, совершенно-различные инструмента! *Воспитаніе женщины должно гармонизировать съ ея назначеніемъ, и только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея виднью, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться съ миломъ, простодушномъ не-*

значит: въ этомъ смыслѣ ея односторонность въ ней достоинство; мужчинѣ открыть весь міръ, всѣ стороны бытія“ (*).

„Вы стоите за умъ женщинъ, говорятъ мнѣ: а не болѣе ли мужчинѣ склонны онѣ къ идеализму, къ мистицизму? вообще не остаются ли онѣ преимущественными хранилищами предрасудковъ и нелѣпыхъ вѣрованій?“ Да развѣ не этими же качествами характеризуется всякое умственное неразвитіе—какъ въ женщинѣ, такъ и въ мужчинѣ? Дайте ей средства къ образованію, расширьте поприще ея дѣятельности, и явленія, кажушіяся вамъ теперь существенными, превратятся въ чисто случайныя.

Но работа мысли, отвѣчаютъ на это, несовмѣстна съ материнскими отправлениями и обязанностями. „Женщина (утверждаетъ Прудонъ) лишена способности разсужденія въ продолженіе нѣкоторой части своего существованія; любовь отнимаетъ у нея разсудокъ; во время менструацій и беременности она не владѣетъ своею волей“. Мы уже видѣли изъ приведенныхъ выше расчетовъ Прудона и Мишле, что они принимаютъ за норму печальныя искаженія женской природы, произведенныя во Франціи неестественнымъ и дикимъ воспитаніемъ. Вотъ и еще подтвержденіе. Какъ и отчего любовь непременно должна отнимать разсудокъ? Что это за ужасная болѣзнь менструація, что во время ея женщина собой не владѣетъ? Конечно, если, взявъ ума, развивать въ женщинѣ „избытокъ нѣжнаго и тонкаго чувства“ и открывать ей только „прекрасныя стороны бытія“, а относительно всего остальнаго оставлять ее „въ миломъ, простодушномъ незнаніи“, то любовь какъ разъ превратится въ безуміе, и жизнь женщины будетъ представлять еще и не такія прелести. Далѣе: „у кормилицы излишнее возбужденіе мозга измѣняетъ качество молока и вскорѣ уничтожаетъ его. Это видно въ Парижѣ, гдѣ женщины, вслѣдствіе множества общественныхъ отношеній, дѣлъ и заботъ,

(*) Я нарочно привелъ эти риторическія и дѣтски-несостоятельныя фразы Бѣлинскаго; нынче о нихъ вспомнили по случаю изданія его сочиненій, и тычуть ими въ глаза, какъ вѣковѣчной истиной, только оттого, что ихъ написалъ Бѣлинскій, не разбирая, что онѣ относятся къ самой первой порѣ его литературной дѣятельности.

не могутъ, при всемъ желаніи и при счастливѣйшемъ расположеніи, выдерживать трудъ кормленія грудью“. Но развѣ *излишнее* возбужденіе мозга есть *непрерывное* условіе дѣятельности ума? И не оттого ли только всякая, очень обыкновенная для мужчины и вовсе для него не утомительная работа мысли сопряжена у женщины съ особеннымъ напряженіемъ головы, что работа эта совершенно непривычна избалованному съ дѣтства праздностью и бездѣйствіемъ мозгу? Примѣръ Парижа въ этомъ случаѣ вовсе не убѣдительно. Упоминаемая Прудономъ общественныя отношенія, дѣла и заботы могли бы правильнѣе назваться просто суетой, которая дѣйствительно способна нанести существенный вредъ физическому благосостоянію не только женщины, но и мужчины, и даже мѣшать здоровому развитію самой расы; но неужто эта суета: съ ненасытной жаждой къ пріобрѣтенію, съ болѣзненно-раздраженнымъ воображеніемъ, и какимъ-то безумнымъ тщеславіемъ, ищущимъ удовлетворенія лишь въ крайней пустотѣ и мишурности жизни,—неужто эта суета есть сама по себѣ нормальное явленіе? Обращаясь снова къ населенію сельскому, мы видимъ, что женщина, кромѣ лежащихъ на ней подчасъ тяжелыхъ физическихъ трудовъ, не изъята тамъ и отъ такого же (сравнительно) „множества общественныхъ отношеній, дѣлъ и заботъ“. Но съ дѣятельностью этой женщина знакомится тамъ раньше, исподволь, а не переходитъ къ ней разомъ, какъ это водится въ болѣе „развитыхъ“ и болѣе зажиточныхъ классахъ, изъ хлопотъ баловства, нѣги и бездѣйствія.

Требуя для женщины равнаго съ мужчиной образованія, я вовсе не желаю видѣть въ каждой женщинѣ ученаго, философа, историка, математика, и проч., и тѣмъ менѣе дипломата, политика, купца, администратора въ нынѣшнемъ смыслѣ этихъ словъ. Я думаю только, что воспитаніе должно быть для всѣхъ одинаково въ томъ смыслѣ, что дѣло его развивать способности, а не убивать, расширять область мысли,—а не стуживать, и что нѣтъ такого человѣческаго существа (если только оно не какой нибудь несчастный уродъ), для котораго были бы вредны какія бы то ни было стороны человѣческаго вѣдѣнія и которому полезно было бы относительно нѣкоторыхъ предметовъ „оставаться въ ми-

ломъ, простодушною незнаніемъ. Надо или признать справедливость этого послѣдняго замѣчанія, или не требовать отъ женщины никакого иного участія въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, кромѣ кормленія грудью. Но въ такомъ случаѣ какой смыслъ будетъ имѣть семья? что будетъ связывать отца и мать ребенка между собой, кромѣ половыхъ стремленій? Не даромъ, при нарушеніи равновѣсія между женскимъ и мужскимъ развитіемъ, все болѣе и болѣе расшатываются основы семьи. А между тѣмъ противники женскаго развитія—въ то же время первые поборники семьи; такими по крайней мѣрѣ выставляютъ они себя, называя всѣхъ эмансипаторовъ разрушителями семейственной гармоніи.

Чтобы показать лучше значеніе равнаго умственнаго и нравственнаго развитія для мужчины и женщины, какъ брачной четы, считаю не лишнимъ высказать нѣсколько основныхъ, почти азбучныхъ понятій объ отношеніи семейства къ обществу. Въ нихъ ничего не будетъ новаго, но нельзя не пожалѣть, что большинство слишкомъ часто ихъ забываетъ. Я постараюсь быть краткимъ.

Основное условіе существованія и развитія человѣческаго общества есть преемственная смѣна поколѣній. Въ этомъ чередованіи жизни и смерти, въ этой преемственности лежитъ возможность обновленія какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ силъ человѣчества, возможность идти къ лучшему устройству своего быта, къ большому и большому подчиненію себѣ роковыхъ и враждебныхъ силъ природы, подъ руководствомъ приобрѣтеннаго предшествовавшими поколѣніями опыта и знанія. Въ мысли, что и въ жизни низшихъ животныхъ, у которыхъ мы видимъ болѣе или менѣе правильную общественную организацію быта, какъ напримѣръ у муравьевъ и пчелъ, также участвовалъ, если не участвуетъ, историческій опытъ,—много вѣроятнаго. Дѣйствительно, можетъ быть миллионы поколѣній пчелъ и муравьевъ рядомъ трудныхъ опытовъ и тяжкихъ усилій приготовили этотъ чинный порядокъ, который изумляетъ насъ въ устройствѣ улья, въ устройствѣ муравейника. Разумѣется, это пока одна догадка, хотъ и очень правдоподобная; только въ жизни человѣка преемственная смѣна

поколѣній является намъ непремѣннымъ закономъ его совершенствованія.

Эта постоянная смѣна всей массы членовъ общества возможна лишь при смерти однихъ, при рожденіи другихъ. Только неопредѣленный положительно одною неизмѣнною цифрой тѣхъ размѣръъ человѣческой жизни уравновѣшиваетъ эти крайнія явленія; только отсутствіе правильной періодичности въ нихъ допускаетъ возможность совершенствованія людскаго общества.

Для того, чтобы нарождающіяся поколѣнія могли усвоить опытъ и знанія отживающихъ поколѣній, необходимо достаточное количество времени для ихъ взаимнаго общенія. Эта необходимость обуславливаетъ воспитаніе новаго поколѣнія въ уровень съ тѣми началами и понятіями, которыя путемъ опыта внесены уже въ жизнь общества.

Для произведенія новаго существа, новаго члена общества, неизбеженъ союзъ двухъ половъ, мужчины и женщины. Будь человѣкъ животное не общественное, стало бытъ неспособное къ развитію,—этому союзу не нужно было бы прочности. Какъ у многихъ животныхъ низшихъ минута встрѣчи между самцомъ и самкой вполне обеспечиваетъ продолженіе рода, такъ мимолетное и случайное соединеніе мужчины съ женщиной обеспечивали бы существованіе человѣчества. Воспитанія животнаго, падающаго исключительно на мать, было бы вполне достаточно для пользованія благомъ жизни.

Но человѣкъ не только членъ известной зоологической серіи, онъ въ то же время звено общества, безъ котораго немислимо существованіе и самой этой серіи. Кромѣ воспитанія физическаго, животнаго, ему нужно воспитаніе общественное, то есть нравственное. Такое воспитаніе, чтобы не быть одностороннимъ, должно совершаться подъ согласнымъ вліяніемъ мужчины и женщины, какъ представителей обѣихъ половинъ человѣческаго общества. Изъ этого ясна необходимость болѣе продолжительнаго сожитія мужчины и женщины для воспитанія своего чада.

Такое сожитіе не можетъ быть утверждено на одномъ только половомъ влеченіи. То, что мы называемъ любовью, обуславливаетъ прочность его. Физиологія не открыла и не

угадала еще закона, управляющаго этимъ свойствомъ чело- вѣческой природы, закона парности организмовъ, если можно такъ выразиться. Но что такой законъ существуетъ, въ этомъ убѣждаетъ каждаго и личный опытъ и наблюде- ния. Пословица: *chaque vilain trouve sa vilaine*, выведена изъ жизни.

Надъ опредѣленіемъ сущности любви мудрило не мало головъ въ парикахъ и безъ париковъ; но пока физиологія не разрѣшитъ вопроса, мы въ этомъ случаѣ будемъ упраж- няться преимущественно въ словоизвигіяхъ.

Не умѣя разгадать существа любви, мы можемъ однако замѣтить нѣкоторыя характеристическія черты ея проявле- ния и по нимъ судить, каково должно быть ея участіе въ гармоніи общества. Такъ, не ежедневно ли встрѣчается фактъ неизъяснимаго влеченія мужчины къ женщинѣ, кото- раго никакъ нельзя приписать исключительно разницѣ по- ловъ? Въ значительной части случаевъ чувственность и не говоритъ вовсе. Это такое же явленіе, какъ безусловныя и безпричинныя повидимому симпатіи и антипатіи между лицами одного пола, какія мы также замѣчаемъ на каж- домъ шагу. У каждаго изъ насъ, какъ сказалъ кто-то, есть какъ будто сфера притяженія для однихъ, сфера отраженія для другихъ. Натуры такимъ образомъ враждебныя не мо- гутъ ужиться вмѣстѣ, и наоборотъ, натуры симпатическія будутъ постоянно тяготѣть другъ къ другу.

Для правильнаго и стройнаго воспитанія новаго члена, обществу нуженъ прочный союзъ именно такихъ согласныхъ натуръ. При настоящемъ извращенномъ положеніи обще- ства подобныя сближенія рѣдки, хоть и не невозможны. Мы ходимъ какъ въ туманѣ. Укорененные предрасудки, различія сословій, состояній, исповѣданій, раздѣльное вос- питаніе, неравенство образованія, все это отрѣзываетъ вся- кіе пути къ правильному сближенію. Все почти зависитъ въ этомъ отношеніи отъ случайности.

При той степени цивилизаціи, до которой челоѣчество достигло теперь, для полной прочности союза, для полной гармоніи между мужемъ и женою, для вполне разумнаго и здраваго воспитанія новыхъ поколѣній, мало однакожь однихъ этихъ природныхъ, внѣ воли нашей лежащихъ условій. На-

туры въ существѣ своемъ могутъ быть вполне симпатичны, взаимно влечься другъ къ другу, и въ то же время чув- ствовать нарушеніе этой внутренней, глубокой симпатіи, вслѣд- ствіе разности своего общественнаго, нравственнаго разви- тія. Препятствія, служащія, какъ сказано, помѣхой для сближенія въ нашемъ обществѣ согласныхъ, парныхъ на- туръ, нарушаютъ гармонію союза и такихъ паръ. И въ тѣхъ счастливыхъ случайностяхъ, которыя намъ попадаются из- рѣдка въ жизни, мы не видимъ прочности, какой бы желали.

Неравенство образованія, неравенство общественныхъ и семейныхъ правъ мужчины и женщины вносятъ въ ихъ отно- шенія деспотизмъ и рабство. Любовь, соединившая ихъ на- рушена этими враждебными отношеніями, и на воспитаніи дѣтей отражается дисгармонія жизни воспитателей. Кто изъ насъ, выходя изъ семьи не несетъ на себѣ или преимуще- ственнаго вліянія отца, или исключительнаго вліянія ма- тери? Кто съ самаго дѣтства не отданъ на произволь коле- баніямъ, — чью сторону принять, отцовскую-ли, или мате- ринскую?

Вотъ на какихъ основаніяхъ утверждается необходимость расширить умственное развитіе женщинъ. Дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго выше, повторяю, что возраженія противъ способности ихъ къ такому развитію свидѣтельствуетъ только о томъ небреженіи, въ какомъ оставалось и къ несчастію, остается до сихъ поръ женское воспитаніе. Не смотря одна- ко-жь на всѣ вольныя и невольныя старанія отодвинуть жен- щину какъ можно дальше отъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ жизни, исторія представляетъ намъ столько замѣчательныхъ и достопамятныхъ въ ходѣ цивилизаціи жен- щинъ, что сомнѣваться въ возможности, а тѣмъ болѣе пользѣ расширенія образованія и общественныхъ правъ женщи- ны — нельзя.

Мнѣ невольно приходятъ на память нѣсколько шу- тливыхъ строкъ умнаго Мерсье въ его „Картинѣ Парижа“. Сквозь шутку чувствуется глубокая правда этого замѣчанія. Говоря о постыдной зависимости, заставляющей мужчину стараться о невѣжествѣ женщины, Мерсье прибавляетъ: „Мужчина постоянно боится какого бы то ни было преиму-

щества надъ собою женщины; ему хотѣлось бы, чтобъ она пользовалась лишь въ половину своимъ существованіемъ. Онъ цѣнитъ скромность женщины, или лучше сказать, уничиженіе ея, какъ одно изъ лучшихъ ея качествъ; а такъ какъ *у женщины больше природнаго ума, чѣмъ у мужчины*, то ему не по нраву эта проницательность, это быстрое пониманіе... Мужчина всегда будетъ больше цѣнить красоту, чѣмъ умъ женщины, потому что послѣднимъ можетъ пользоваться всякій“.

Въ сущности каждаго строгаго мужскаго сужденія объ умѣ и нравственныхъ качествахъ женщины непременно открываются, вглядываясь, тѣ непохвальныя побужденія ревниваго желанья господства, и тѣ животныя поползновенія, надъ которыми смѣется Мерсе.

Даже соглашаясь съ мнѣніемъ, что виною физической слабости женщины не столько ихъ организація, сколько родъ жизни, указанный имъ обществомъ, что малое ихъ значеніе въ наукѣ зависитъ преимущественно отъ дурнаго ихъ воспитанія, даже признавая все это, рѣдкій мудрецъ не кончитъ такимъ замѣчаніемъ, достойнымъ развѣ какого-нибудь восточнаго владѣльца многолюднаго гарема: „Какъ бы то нибыло, счастье женщинъ будетъ всегда зависѣть отъ *впечатлѣній, производимаго ими на мужчинъ*, и едва ли тотъ, кто ихъ дѣйствительно любитъ, будетъ особенно доволенъ, видя ихъ марширующими съ ружьемъ въ рукахъ, или учающими съ высоты кафедръ, а тѣмъ паче съ трибуны, гдѣ обсуживаются интересы цѣлой націи“.

Такъ, слово-въ-слово, говоритъ Кабани въ своихъ „Rapports du physique et du moral de l'homme“, книгѣ, изъ которой, не прибавивъ ничего новаго отъ себя, взялъ Прудонъ свои доводы физическаго и умственнаго несовершенства женщинъ.

Не слышна ли въ этой заботѣ о пріятномъ впечатлѣніи женщины на мужчину та развращающая философія, деспотизма, которая положила печальную тѣнь и на нравственный характеръ женщины? А между тѣмъ, извративъ, въ угоду своей чувствительности, лучшія нравственныя качества женщины, мужчины еще настолько непослѣдовательны

что порицаютъ дѣло рукъ своихъ и обвиняютъ женщинъ въ какой-то будто-бы прирожденной безнравственности!

Эти обвиненія еще сильнѣе и еще несправедливѣе, чѣмъ разобранныя обвиненія женщинъ въ физическомъ и умственномъ несовершенствѣ. Къ нимъ-то мы и обратимся.

III.

Въ чемъ же, по мнѣнію современныхъ старовѣровъ, заключается это прирожденное нравственное несовершенство женщины, мѣшающее ей занимать въ обществѣ и въ семействѣ равное съ мужчиною мѣсто? Они окончательно рѣшили, что женщина лишена всякой инициативы, что всѣ хорошія общественныя качества приобрѣтены ею лишь подъ вліяніемъ мужчины. Оставьте ее внѣ этого вліянія, и она дѣлается существомъ вполне безнравственнымъ. Въ ней самой нѣтъ сознанія силы и разума, сознанія, которое одно образуетъ нравственный характеръ, внушаетъ отвагу, даетъ энергію волѣ, заставляетъ отвращаться отъ лжи, ненавидѣть несправедливость, дѣлаетъ противнымъ всякое подчиненіе и всякое преобладаніе.

Все это хорошо на словахъ; но такъ ли выходитъ на дѣлѣ? Женщина (мы это видимъ и въ прошедшемъ и въ настоящемъ) находится въ постоянномъ подчиненіи у мужчины. Но дѣйствительно ли чувство справедливости, присуще одному мужчине, установило такія отношенія? Я уже говорилъ, что подчиненіе и зависимость, два совершенно различныя понятія, постоянно смѣшиваются большинствомъ, что на первыхъ порахъ челоѣчества, когда каждый шагъ его на землѣ былъ опасностью и борьбой, когда физическая сила была главнымъ обезпеченіемъ самаго существованія, зависимость между мужчиной и женщиной была вполне неизбѣжна и отвѣчала требованіямъ справедливости. Если, даже при полномъ равенствѣ физическихъ силъ между обоими полами, какое мы видимъ у низшихъ животныхъ и какое вправѣ предположить въ первобытномъ челоѣкѣ, мужчина и имѣлъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ извѣстные

сроки преимущество передъ женщиною въ дѣлѣ охраненія племени, то въ этомъ преимуществѣ не могло быть ничего обиднаго, деспотическаго. Въ другихъ случаяхъ, въ другіе сроки такое преимущество принадлежало женщинѣ. Если мужчина, будучи защитникомъ женщины во время ея беременности, во время родовъ и кормленія грудью ребенка, и чувствовалъ порой свое важное значеніе для дитяти и матери, все-таки не могъ же онъ не сознавать великой важности участія женщины въ дѣлѣ продолженія рода. Въдѣ только инстинктивное стремленіе продлить свое существованіе въ дѣтяхъ и заставляло мужчину заботиться о безопасности своей подруги. Жизнью управлялъ еще стихійный фатализмъ. Любовь была еще вполнѣ роковою силой, крѣпко связывавшей чету, державшей въ равновѣсїи взаимныя отношенія. Она была и первою зиждительницею общества. „Любовь къ женщинѣ“, говоритъ гениальный германскій мыслитель нашего времени: — „есть основа всеобщей любви. Кто не любитъ женщины, не любитъ и человѣка“. Тоже можно сказать и о любви женщины къ мужчинѣ, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его потомствѣ.

Но съ развитіемъ общественности, съ усложненіемъ общественныхъ отношеній, взаимнѣ любви, женщину съ мужчиной стали часто соединять матеріальные интересы, домашнее равновѣсіе нарушилось, и физическая сила мужчины, дѣятельность которой не прерывалась періодически, какъ у женщины, ношеніемъ, рожденіемъ и кормленіемъ дѣтей, взяла перевѣсъ. Она продолжала еще быть главнымъ залогомъ безопасности и благоденствія.

При отсутствіи прочно связующей любви, чтобы удержать за собою власть, мужчинѣ приходилось все болѣе и болѣе ограничивать свободу женщины. Стѣсненіе ея обезпечивало притомъ большую свободу ему самому. И такимъ-то образомъ совершилось страшное и до-нынѣ несокрушимое раздѣленіе нравственности на мужскую и на женскую, вмѣстѣ съ такимъ же раздѣленіемъ и всякаго знанія и всякой дѣятельности. Что считалось если не вполнѣ законнымъ, то по крайней мѣрѣ дозволеннымъ, простительнымъ для мужчины, за то женщину наказывали и казнили изгнаніемъ, побіе-

ніемъ камнями, сожженіемъ, наказываютъ и казнятъ и теперь не менѣ жестокою казнью общественнаго мнѣнія.

И послѣ этого можно говорить, что стоитъ только оставить женщину внѣ мужскаго вліянія, она окажется существомъ вполнѣ безнравственнымъ? И послѣ этого можно цѣнить такъ высоко инициативу мужчины въ дѣлѣ устройства семейныхъ и общественныхъ отношеній? Не его ли господствующее вліяніе, низводя женщину на степень то рабы, то наложницы, породило въ ней и всѣ свойственные рабству пороки—лицемѣріе, ложь, робость и прочее?

Прудонъ насчитываетъ и еще не мало безнравственныхъ сторонъ въ характерѣ женщины; но всѣ эти пороки, такъ тщательно исчисляемые имъ, на столько же, если не гораздо больше, проявляются въ мужчинѣ. Разберемъ главные.

„Распушенность характера“, говорится въ книгѣ *De la justice*: „яснѣ всего видна въ любви женщинѣ. Говорятъ, что по какому-то инстинкту самки животныхъ выбираютъ преимущественно старыхъ самцовъ, самыхъ злыхъ и безобразныхъ: женщина, если она слѣдуетъ лишь своему влеченію, ведетъ себя такъ же. Мы ужъ не говоримъ о внѣшнихъ качествахъ въ выборѣ которыхъ женщины обличаютъ самую странную причудливость, посмотримъ, что предпочтается ими въ качествахъ нравственныхъ. Въ этомъ отношеніи женщина всегда предпочтетъ какогонибудь хорошенькаго (это не внѣшнее качество??) и милого манекена, сладенькаго любезника человѣку честному. Женщина—это сокрушеніе человѣка справедливаго *); какойнибудь волокита, негодяй можетъ всего отъ нея добиться. Преступленіе, совершенное для нея, трогаетъ ее въ высшей степени; и наоборотъ—у нея не найдется ничего, кромѣ презрѣнія, къ человѣку, способному любовь свою принести въ жертву совѣсти. Это Венера, посреди всѣхъ боговъ избирающая Вулкана, хромоногаго, заплываго жиромъ, покрытаго грязью, и потомъ утѣшающаяся съ Марсомъ или съ Адонисомъ“.

*) Вотъ эта фраза въ подлинникѣ: «La femme est la désolation du juste». Чѣмъ это хуже восклицанія знаменитаго апологета, что «женщина—врата дьявола?»

Не кажется ли вся эта сердитая тирада насмѣшкой надъ читателемъ? Надо предполагать въ немъ большую недальновидность, чтобы думать, что онъ почти вездѣ не замѣнить тутъ слово „женщина“ словомъ „мужчина“ и наоборотъ. Вся разница въ томъ, что мужчина не плѣняется наружнымъ безобразіемъ. Да и женщина, сколько мы знаемъ, не особенно его цѣнитъ безъ ума и нравственныхъ достоинствъ. Ужь если нужно было непременно брать примѣръ у Гомера, такъ не лучше ли было бы съ Олимпа спуститься на землю и обратить тутъ вниманіе на „многоумную старца Икарія дочь“ Пенелопу? Кажется, одна эта примѣрная хранительница супружескаго долга могла бы служить ходатайницей за нравственность женщинъ передъ строгимъ философомъ. Но тогда не было бы ѣдкой діатрибы противъ французскихъ *émancipées*; а онѣ пришлись видно очень со-лоно нашему мыслителю. Объ успѣхѣ въ любви волокитъ и негодаевъ, о преступленіяхъ, совершаемыхъ любви ради, мы столько читали у Поль-де-Кока и у романистовъ неистовой школы, что не чувствуемъ никакой охоты возвращаться къ этому предмету. Даже и эти не совсѣмъ-то крѣпкіе въ мышленіи господа всю бѣду сваливаютъ или на нелѣпую наивность женщинъ, тщательно воспитанную въ нихъ съ дѣтства, въ исключительной домашней сферѣ, или на развращающій воображеніе, безъ пищи чувству, романтизмъ.

Не мужчина ли наоборотъ проявляетъ въ отношеніи женщины ту безнравственность, за которую нападаетъ на нее Прудонъ? Что, даже до настоящей поры, цѣнится мужчиною въ женщинѣ болѣе всего? Чисто внѣшнія качества ея, которыя говорятъ только чувственности. Всѣ почти нравственные недостатки и пороки въ женщинѣ, льстившіе мужской похоти, или утверждавшіе мужскую власть надъ женщиной и ставившіе ее въ положеніе вполнѣ подчиненное мужчинѣ, находили въ немъ не только постоянное оправданіе, но и поощреніе. Не слышите ли вы чуть не каждый день отъ людей, которые и сами считаютъ себя развитыми и нравственными, да и другими считаются таковыми же, не слышите ли вы отъ нихъ безпрестанно, что женщина безъ кокетства не стоитъ вниманія, что это и не женщина вовсе? Говоря проще, она не заигрываетъ съ нами, не раз-

дражаетъ въ насъ животной чувственности, стало быть не можетъ быть нашею рабою; а мы хотимъ эгоистическаго наслажденія, хотимъ господства.

Гдѣ же это живущее въ душѣ мужчины чувство справедливости, томительное стремленіе къ уравнию социальныхъ отношеній, правъ и проч., эта лучшая добродѣтель его.

Женщину обвиняютъ въ полномъ отсутствіи этой добродѣтели. Говорятъ, что въ ней что-то постоянно возмущается противъ требованій равенства, что ей непременно хочется предпочтенія, что мечты ея направлены на то, какъ бы быть хоть на минуту исключеніемъ изъ числа другихъ, какъ бы поцарствовать, погосподствовать, что она понимаетъ лишь привилегіи и преимущества, а не понимаетъ права.

Опять недостатки, выросшія изъ ограниченнаго со всѣхъ сторонъ, рабскаго положенія женщины. Эти мечты, свойственныя дѣтскому неразвитію, вполнѣ понятны при постоянномъ гнетѣ со стороны мужчинъ. Человѣкъ, засаженный въ тюрьму, въ крѣпость, тоже мечтаетъ, какъ бы хоть денекъ побыть на полной свободѣ, подышать чистымъ воздухомъ, побродить по полю — надъ головой только глубокое ясное небо, подъ ногами только пышная зеленая трава...

„Oh! but to breathe the breath
Of the cowslip and primrose sweet—
With the sky above my head,
And the grass beneathmy feet“

А будь онъ на свободѣ, онъ готовъ отказаться отъ „аромата весеннихъ луговъ“, для темной, лишенной и солнца и свѣжаго воздуха рабочей комнаты, въ которой удерживаетъ его полезный по его мнѣнію трудъ.

Не такъ ли и женщина, со своими розовыми мечтами о томъ, какъ бы хоть на денекъ стать царицей (*dame, princesse, reine ou fée*), могла бы при желанномъ расширеніи воспитанія и правъ, обратить уже не мечты, а мысль свою на полезную общественную дѣятельность, соотвѣтствующую ея силамъ и способностямъ? Не видимъ ли мы женщинъ часто и теперь (и еще какъ часто)! несущими съ изумительной твердостью обязанности, наложенныя на нихъ боль-

шею частью воображаемымъ, или принятымъ на вѣру долгомъ? Чего же должно ждать отъ нихъ, когда ихъ призываетъ къ дѣлу законная дѣйствительность, когда долгъ будетъ ими указываться разумомъ и укрѣпляться въ нихъ сознаниемъ?

Но и эта энергія воли, которой не могутъ не признать даже и ратоборцы мужчинъ противъ женщинъ, объясняется ими въ другую сторону. Это, по ихъ мнѣнію, не энергія, а просто жалкая пассивность, врожденное женщинѣ чувство покорства, которое и обрекаетъ ее на вѣчное подчиненіе. Замки нашихъ теремовъ не обезпечивали однакожъ неприкосновенности ихъ обитательницъ; примѣры же этого будто бы жалкаго, пассивнаго покорства встрѣчаются лишь при большей свободѣ, данной женщинѣ.

Мнѣ кажется странно опровергать еще одно, самое грязное изъ обвиненій, взводимыхъ на женщину, именно въ томъ, что она лишена стыда, что она вся живетъ чувственностью; но нельзя оставить этихъ обвиненій не разобранными, потому что, не смотря на свою дикость, они повторяются въ болѣе и менѣе грубой формѣ очень многими. „Женщина создана для любви“. Это мнѣніе съ перваго разу и грубымъ даже не покажется; напротивъ, сколько поэтовъ повторяло его на всѣ лады, на всѣхъ языкахъ, начиная съ какого нибудь древне-индійскаго Джаядевы и кончая хоть бы какимъ нибудь русскимъ Подолинскимъ или Туманскимъ! Послѣ такого долговременнаго повторенія, послѣ всѣхъ цвѣтовъ поэзіи, которыми она окружалась, фраза даже какъ будто не представляетъ никакого особеннаго дурнаго смысла. Но стоитъ только выразиться пояснѣе, и всѣ пожалуй обидятся. Скажите: „женщина создана служить игрушкой мужской похоти“, и всѣ возстанутъ противъ такого мнѣнія, хотя оно въ сущности тоже, что и высказанное въ льстивой фразѣ: „женщина создана для любви“. Любовь въ этомъ случаѣ поставляется цѣлью жизни, а не одною изъ тѣхъ зиждительныхъ силъ, которыя организуютъ жизнь, вносятъ въ нее строй и порядокъ. Говоря, что по строгому разборѣ оказывается, будто „у женщины нѣтъ иной склонности, иной способности, кромѣ любви“, Прудонъ разумѣетъ именно чисто чувственную, не озаренную сознаниемъ любовь, то „темное

наслажденіе“, въ которомъ живутъ и безслѣдно для будущихъ поколѣній умираютъ всѣ другія животныя породы...

Alle die andern
Armen Geschlechter
Der kinderreichen
Ledendigen Erde.

„У звѣрей (говоритъ авторъ книги „О справедливости“) самка ищетъ самца и подаетъ ему знакъ; надо признаться, что тоже самое видимъ мы и въ женщинѣ, въ ея естественномъ состояніи, въ которомъ застаеъ ее общество. Вся разница между ею и другими самками та, что время любви у нея не прерывается (que son rut est permanent), и иногда длится всю жизнь. Она *кокетка*; не все ли сказано этимъ словомъ? И не лучшее ли средство понравиться ей—снять съ нея трудъ объясненія: такъ глубоко сознаетъ она свою похотливость“.

Эти слова разомъ ставятъ насъ посреди самого омута современныхъ нравственныхъ понятій. Не все ли мѣшается передъ вами въ темный хаосъ лжи и призрачности? Абсолютной справедливости, сокрушавшей неправду въ другихъ сферахъ жизни, какъ не бывало; эта справедливость оказывается вдругъ въ полномъ согласіи съ философій тѣхъ аскетическихъ мудрецовъ, которые казались уже окончательно пораженными на смерть. Нѣтъ, имъ можно еще приподняться; изъ того, что осталось живаго отъ ихъ морали, можно опять возсоздать и все остальное.

Я тоже назвалъ кокетство однимъ изъ гнуснѣйшихъ пороковъ, потому что это—ложь, стараніе придать себѣ такія достоинства, какихъ въ васъ нѣтъ, желанье слуги угодить господину; ложь притомъ корыстная, рассчитанная. Но что вызвало ее? Не постоянное ли господство мужчины, требовавшее отъ женщины безгласности, не дававшее ей никакой опоры для самостоятельнаго существованія, отнимавшее у нея всякое право на общественное значеніе, отказывавшее ей даже въ личной свободѣ.

Единожды признавъ женщину человекомъ (или и это стало въ наше время сомнительнымъ?) признавъ за нею даже сравнительно меньшія передъ мужчиной способности нравственныя, умственныя и физическія, будемъ по край-

ней мѣрѣ на столько послѣдовательны, чтобы считать порокомъ порокомъ, въ комъ бы онъ ни проявлялся. Считаю женщинъ какими-то недоконченными природою существами, проявимъ столь высокую въ насъ силу разума, столь неумышленное чувство справедливости хоть въ томъ, что найдемъ облегчительныя обстоятельства женскимъ винамъ.

Но нѣтъ! ложь овладѣла нами слишкомъ деспотически, и тоже ложь глубоко-корыстная, глубоко-разсчитанная. Мы хотимъ свиду казаться совсѣмъ не тѣмъ, что мы въ сущности. Темныя поползновенія свои мы одѣваемъ въ блестящи разумности; эгоистическія стремленія къ преобладанію маскируемъ заботами о порядкѣ общества. Правду, прямое выраженіе мысли и чувства мы готовы называть безстыдствомъ; жалкая безстрастность ставится нами въ законъ жизни, потому что съ тѣми исключительно-животными страстями, которыя владѣютъ нами, нельзя показаться на дневной свѣтъ, не утративъ невозвратно своего человѣческаго достоинства.

„Отчего, спрашиваетъ Прудонъ: *независимо отъ причинъ экономическихъ и политическихъ*, проституція несравненно значительнѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ? Отчего въ общей жизни націй, многоженство такъ часто встрѣчается, а многомужество такъ рѣдко“?

И эта доказательства безнравственности женщинъ! На свое „отчего“ Прудонъ отвѣчаетъ: „оттого, что естественное назначеніе женщины прежде всего—дѣтороженіе, и она всѣми силами существа своего стремится къ этой единственной цѣли“.

Но проституція есть лучшее средство удалиться отъ этой цѣли. Что же могло развратить женщину, кромѣ причинъ экономическихъ и политическихъ, если дѣйствительно у нея одна цѣль и одни стремленія.

О многоженствѣ нечего и говорить. Оно свидѣтельствуетъ прямо о животности мужчины, которому хотѣлось бы, чтобы у женщины былъ бы въ самомъ дѣлѣ „*ut permanant*“ и она не становилась не способною для удовлетворенія его чувственности во все время беременности и кормленія грудью ребенка. За подтвержденіемъ можно обратиться къ большей части гигіены для беременныхъ женщинъ, написанныхъ муж-

чинами: рѣдкая рѣшительно запрещаетъ продолженіе супружескихъ отношеній во время беременности; говорится обыкновенно лишь объ умѣренности. Что это, какъ ни глубочайшій развратъ?

Чтобы окончательно проститься съ мнѣніями многоупоминаемаго Прудона о безнравственности женщинъ, я выпишу заключительныя слова его разсужденія (*). Обращаясь къ защитникамъ женщинъ, онъ восклицаетъ:

„Ахъ, не говорите пожалуйста о позорномъ заточеніи, которому такъ долго подвергалась женщина, о куплѣ и продажѣ ея личности, о всѣхъ препятствіяхъ, противопоставленныхъ ея волѣ, ея движеніямъ. Факты эти окажутся лишь свидѣтельствомъ неспособности ея ума и неблагородства ея сердца. *Такъ слѣдуетъ обратиться къ этимъ печальнымъ правамъ? Нѣтъ*, говорить это—значить клеветать на оба пола. У моралиста одна цѣль: проникнуть въ *смыслъ* правовъ и учреждений. Смыслъ этотъ теперь всякому ясенъ: посмотрите на женщинъ на востокѣ и во всѣхъ странахъ полуцивилизованныхъ или варварскихъ; вспомните исторіи Сары, Ревекки, Руои, Вирсави и всѣхъ этихъ *приложихъ самокъ* (*gentes femelles*), которыя ложатся только-что взглянетъ на нихъ мужчина; вспомните, что первые законы, говоря о прелюбодѣяннн, не обращаются къ женщинамъ; перечитайте наконецъ учителей первыхъ временъ нашей эры, и вы поймете побудительную причину отверженія, такъ долго тяготѣвшаго надъ женскимъ поломъ“.

Отвѣтъ на все это есть уже въ томъ, что было сказано выше. Я замѣчу теперь только, что если брать мѣрою справедливости долговѣчность и живучесть извѣстныхъ законовъ и учреждений, то придется отдать преимущество именно тѣмъ, которые наименѣе выражаютъ человѣческое достоинство, потому-что явились и утвердились на степени

*) Я не цитировалъ бы такъ часто мнѣній Прудона, еслибъ они не повторялись иногда и у насъ. Недавно, въ сочиненіи г. Лаврова: «Очеркъ исторіи личности» было сказано: «Несмотря на краснорѣчивыя страницы, писанныя въ разные времена о семействѣ, едва ли кто такъ *высоко поставилъ его значеніе*, едва ли кто съ такою строгостью защищалъ святость брачнаго союза, какъ этотъ писатель, котораго представляютъ врагомъ всякой человѣческой связи». Мнѣ слова эти кажутся ироніей; но можетъ быть не всё увидать въ нихъ пролическій смыслъ.

животной грубости и невѣжественности человѣчества. Самое древнее изъ всѣхъ правъ—право сильнаго. Съ наименьшимъ паѳосомъ можно было бы воскликнуть: „Взгляните на ходъ человѣческаго развитія! Что торжествовало у всѣхъ народовъ полудивилизованныхъ или варварскихъ? Физическая сила. Кому принадлежать власть и господство? Физической силѣ“. Но этотъ паѳосъ никого не убѣдитъ.

Остановимся еще на поименованныхъ Прудонъ женщинахъ еврейскаго востока. Этотъ списокъ не полонъ: слѣдовало бы къ нему прибавить еще хоть дочерей Лота; хоть Фамарь. Но въ описаніи такихъ именъ ясно проглядываетъ тонкій расчетъ.

Дочери Лота напомнили бы непременно Содомъ съ его погибелью и звѣрскою животностью, какой не представляеть да и не можетъ намъ представить исторія женщинъ. Содомъ не басня, какую можно считать лесбосскую любовь женщинъ, не видя ей повторенія; содомія повторилась въ Греціи, въ Римѣ, на всемъ азиатскомъ востокѣ; отъ этого ужаса не изъять и новѣйшія общества. Прудонъ говоритъ объ этомъ порокѣ очень много въ своей книгѣ; но онъ вовсе не служитъ ему для обвиненія мужчины въ безнравственности, тогда какъ продажу Сары онъ ставитъ въ число обвинительныхъ статей противъ женщинъ.

Вѣроятно тоже побужденіе, что и въ первомъ случаѣ, заставило его умолчать о Фамари. Это преданіе очень характеристично. Оно представляеть довольно наглядно мужскую и женскую нравственность временъ, на которыя ссылается Прудонъ. Одинъ изъ мужей Фамари далъ имя другому тайному пороку, противъ котораго неустанно ратуетъ медицина нашего времени, пороку опять-таки по преимуществу мужскому. Но не на это главнымъ образомъ хотѣлъ я указать въ исторіи Фамари.

Она была бездѣтна при первомъ мужѣ, бездѣтна при второмъ, который самъ не хотѣлъ продолжать семя перваго мужа Фамари, своего старшаго брата. Свекоръ, по смерти и втораго мужа, обѣщаль женить на ней своего третьяго сына, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія; но какъ тотъ подросъ, раздумаль. Забота о продолженіи рода была тогда главною и существеннѣйшею нравственною заботой чловѣка.

Всѣ историческія и поэтическія преданія свидѣтельствуютъ объ этомъ. Фамарь сокрушалась своимъ безплодіемъ, и выдумала хитрость. Она узнала, что свекоръ ея отправляется стричь овецъ, нарядилась, покрыла себѣ лицо, чтобъ онъ не узналъ ея, и сѣла на распутиѣ, по обычаю блудницъ. Свекоръ, проходя, замѣтилъ ее, и, не узнавши, кто она, подошелъ къ ней и сдѣлалъ ей предложеніе, на которое она немедленно согласилась. Кто въ этомъ случаѣ извинительнѣе съ нравственной точки зрѣнія Прудона? Ужъ конечно не „пригожая самка“, которая ложится, только-что взглянулъ на нее мужчина; а этотъ старый самецъ, отецъ трехъ взрослыхъ дѣтей, который тоже ложится, едва взглянувши на женское платье, потому что и лица-то Фамари онъ не видалъ. Свою правоту онъ докажетъ впоследствии еще тѣмъ, что когда придуть ему сказать о беременности вдовой невѣстки, онъ скажетъ: „взять ее да съечь!“ и только тогда умиловится, какъ узнаеть, что это плодъ его собственной *шалости*.

Вообще, духомъ великой терпимости къ подобнымъ мужскимъ „шалостямъ“ пронизана большая часть законовъ древняго міра; за то рядомъ съ этой терпимостью постоянно идетъ жестокая гроза на женщинъ, позволяющихъ себѣ то, что позволено мужчинамъ. Между тѣмъ, нигдѣ въ исторіи не видимъ мы рѣзкихъ фактовъ, которые вызвали бы со стороны женщинъ такой гнетъ. Во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ, во всѣхъ древнихъ поэмахъ, во всѣхъ лѣтописяхъ мы видимъ лишь отдѣльные случаи явной или потаенной мести за угнетеніе, случаи, свидѣтельствующіе не о безнравственности женщины, а о всегда жившей въ ней жаждѣ свободы.

Я не думаю, чтобы нужно было перечислять по именамъ всѣхъ женщинъ древняго и новаго міра, которыхъ представляеть намъ исторія героинями нравственныхъ началъ какъ въ семейныхъ, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ. Народная память всюду благоговѣнно сохраняла образъ и дѣла такихъ женщинъ, какъ Юдишь, Жанна д'Аркъ, хотя дѣятельность ихъ выходила за предѣлы сферы, предначертанной имъ и преданіями и правами.

Кончивъ разборъ мнѣній о тройной, физической, умственной и нравственной неспособности женщинъ къ гуман-

ному развитію, я могъ бы теперь перейти къ разсмотрѣнію современныхъ понятій, мѣшающихъ такому развитію; но мнѣ кажется не лишнимъ обратиться сначала къ дохристіанскому міру и къ тому кругу нравственныхъ началъ, который дѣлалъ нормальными отношенія свекра Фамари къ его невѣсткѣ. Многое изъ этихъ началъ вошло и въ понятія новѣйшаго времени; многое въ нихъ служило образцомъ морали и для нашихъ предковъ. Достаточно указать на „Домострой“.

IV.

Наружно понятія эти какъ-будто отжили; но при нѣкоторой проницательности не трудно замѣтить слѣды ихъ въ нашихъ нравахъ. Мало того—къ источнику этихъ понятій обращаются за подтвержденіемъ своихъ требованій даже защитники и защитницы женской эмансипаціи. Нечего и говорить, что на него опираются люди, повторяющіе фразы, вродѣ: „женщина создана для домашней жизни; назначеніе ея—воспитаніе обществу полезныхъ гражданъ“ и проч.; а между тѣмъ вся эта хваленая мораль сводится на одинъ законъ: „женщина есть самка, вещь, принадлежащая мужчине“.

На всѣхъ путяхъ жизни какой-то страхъ передъ преданіемъ, передъ тѣмъ, что жило такъ долго и стало быть такъ упрочилось, останавливаетъ успѣхи общества; эта робость поддерживается болѣе всего незнаніемъ. То, что казалось съ чужихъ словъ кладеземъ премудрости, окажется вопіющею дикостью при ближайшемъ анализѣ; и вотъ почему такой анализъ настоятельно нуженъ для пользы общества.

Общественные философы, идущіе очень далеко въ отрицаніи, тѣмъ не менѣе болѣею частью пропитаны еще ветхими понятіями, о которыхъ я хочу говорить. Сознательно или безсознательно, но они во многихъ случаяхъ повторяютъ эту дряхлую ветошь, которую давно бы пора оставить въ покоѣ. Мнѣ кажется, въ этомъ странномъ ослѣпленіи играетъ немаловажную роль эгоизмъ мужчины. Какъ ни горячо толкуетъ онъ о равенствѣ, а все таки разстаться со своими

привилегіями ему тяжело. Человѣка, владѣющаго невольниками, трудно убѣдить, что освобожденіе ихъ принесетъ существенную пользу и ему самому.

Посмотримъ, въ чемъ заключаются эти хваленныя нравственныя понятія, отразившіяся на византійскихъ и русскихъ „Домострояхъ“, а чрезъ нихъ и на жизни.

Что такое глава семейства, мужчина, отецъ и мужъ? Полный владыка. Ему принадлежитъ право на жизнь и смерть всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Мы видѣли, что онъ можетъ велѣть сжечь свою невѣстку. Тутъ ужъ даже и узъ крови нѣтъ, а власть его такъ велика. Что же въ отношеніи своихъ дѣтей? Онъ можетъ приносить ихъ въ жертву, можетъ продавать дочерей своихъ въ рабство, можетъ отдавать ихъ въ развратъ. Послѣдующее законодательство запретило отцу развращать своихъ дочерей, но оно утверждаетъ продажу дочери въ замужество. Разница оказывается не велика. У продаваемой не спрашиваютъ о согласіи. Изъ комментаторовъ этого закона видно, что дозволялось употреблять искусственныя средства для ускоренія физической зрѣлости дочери: купеческій расчетъ о скорѣйшемъ сбытѣ съ рукъ товара. Продажа не всегда была прочна. Множество простодушныхъ повѣствованій доказываютъ, что никого не удивляло, если отецъ отнимаетъ у мужа свою дочь, которую продалъ ему въ замужество.

Мужчине позволялось имѣть сколько угодно женъ, отъ одной и двухъ, хоть до тысячи, а пожалуй и больше. Сколько можетъ ихъ закупить, столько и ладно. Женщина, считаясь сама товаромъ, вещь, разумѣется, не могла пользоваться подобнымъ правомъ. Да если бъ ея положеніе и было свободно, мы навѣрное не встрѣтили бы подобнаго съ ея стороны служенія своей похоти. Ее остановили бы, положимъ и не нравственныя причины, а просто обязанности матери, налагаемыя на нее физическою природою: но это еще одно изъ доказательствъ, что въ существѣ своемъ женщина не могла и не можетъ быть такъ распутна, какъ мужчина. Многоженство воспрещалось только жрецамъ.

Купивъ себѣ жену, какъ вещь, мужъ конечно имѣлъ право и распорядиться ею, какъ вещью. Если она не угодила ему, пришлось ему не по нраву, онъ могъ изгнать ее.

Единственное улучшение въ этомъ законѣ то, что впоследствии, при изгнаніи неугодной жены, мужу вмѣнялось въ обязанность дать ей письменный отпускъ, нѣчто въ родѣ аттестата объ отставкѣ, вѣроятно не особенно рекомендовавшей ее. Разбора и суда въ этомъ дѣлѣ не предполагалось. Облеченный неограниченной властью надъ своей женой, мужъ не обязанъ былъ никому отдавать отчета, въ чемъ провинилась передъ нимъ жена, чѣмъ не понравилась ему.

Совсѣмъ иное дѣло—когда мужъ могъ быть несноснымъ деспотомъ. Жена какъ его собственность, не имѣла права сама отойти отъ него. Ей представлялось тогда лучшимъ средствомъ разорвать ненавистную связь, разумѣется, стараться всѣми мѣрами раздражить мужа, возстановить его противъ себя и заставить выгнать ее изъ дому. Понятно, какое нравственное достоинство сообщалось женщинѣ необходимостью прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, чтобы вздохнуть по свободѣ.

Какое было положеніе такимъ образомъ освободившейся женщины, ясно и безъ аргументовъ. Сама исключительная собственность мужчины, она не могла имѣть никакой собственности. Страхъ погибнуть отъ совершеннаго недостатка средствъ къ жизни долженъ былъ заставлять женщину волей-неволей покоряться гнету, лишь въ отчаянныхъ случаяхъ прибѣгать къ средству выводить мужа изъ терпѣнія. Наружное покорство при внутреннемъ возмущеніи прикрывало, разумѣется, многое множество тайныхъ уклоненій отъ предписаній закона, хитростей и пороковъ, которыя съ нашей точки зрѣнія представляются лишь томительнымъ исканіемъ выхода изъ рабскихъ узъ. Но едва ли тайна, которою облекались нарушенія закона, вызывала наказанія не чаще, чѣмъ преднамѣренная ихъ явность. И съ того времени, когда законодательство это угоренилось въ нравахъ и развивалось и объяснялось хитроумными казуистами, сохранились свидѣтельства, что одного подозрѣнія достаточно было мужу, чтобы уничтожить жену. Въ случаѣ заpirательства ея (хотя бы и отпираться было не отъ чего), ее подвергали постыднымъ испытаніямъ, пыткамъ. Любопытна тутъ слѣдующая подъяческая уловка. Чтобы подозрѣвать жену, довольно было *слышать* отъ кого нибудь, что жена

оставалась наединѣ съ челоѣкомъ, съ которымъ мужъ запретилъ ей говорить. Степень вѣроятія доносчика не входила въ разсмотрѣніе. Отъ кого бы не услыхалъ мужъ—все равно, хоть отъ *птицы перелетной*. Это ужъ тонкость, достойная хоть бы и нашего утонченнаго времени. Женщину, признавшуюся въ проступкѣ, побивали камнями.

И все это основывалось опять-таки на чувствѣ мужскаго расчета и эгоизма, а не на требованіи какой нибудь чистоты брачнаго союза. Мужья пользуются красотой своихъ женъ, какъ средствомъ пріобрѣтенія; за подарки они уступаютъ на время свое право на жену. И хроника рассказываетъ о случаяхъ подобнаго постыднаго торга безъ негодованія, какъ о другихъ обстоятельствахъ, противныхъ нравственнымъ началамъ, въ которыхъ жилъ лѣтописецъ; и законъ, умѣвшій предвидѣть часто непостижимыя тонкости, хранить совершенное молчаніе относительно этого обычая, какъ бы признавая и освящая его своимъ умолчаніемъ. Вотъ она—благородная инициатива мужчины!

Заботы законодателя о чистотѣ женской нравственности постоянно имѣютъ въ виду не самую женщину, а полного и законнаго владѣльца ея, мужчину, и его интересы, и все-таки интересы корыстные и чувственные. Это опять товаръ, который надо лицомъ продать. Отчего нужна невинность дѣвушкѣ? Оттого, что отцу нужно продать ее повыгоднѣе. А для такой продажи необходимо подчинить ее своей волѣ, воспитать ее въ рабствѣ, въ безгласности. Отчего за обиду невѣсты законъ опредѣляетъ наказаніе обидѣвшему? Не оттого, что онъ цѣнитъ нравственное достоинство женщины, а оттого, что наносится вредъ или ущербъ мужской собственности.

Могло случиться, что мужъ нашелъ жену свою не дѣвственною и публично обвинилъ ее. Тутъ требовалось доказать свое обвиненіе. Если оно оказывалось несправедливымъ, жена не освобождалась отъ обязательства жить съ мужемъ. Напротивъ, онъ принужденъ былъ держать ее до конца жизни, и не имѣлъ права сослать ее изъ дому своего ни за какія вины. Не опять ли всякая забота о женщинѣ была устранена, хотя повидимому за нее и заступились? Всюду тотъ же взглядъ на женщину, какъ на вещь. Не все ли равно

вещи, кому принадлежать? Возвратить неправо обвиненную отцу—значило бы навязать ему потерявшей свою цѣну товаръ. И вотъ, ее отдають мужу, который послѣ первой выходы своей, разумѣется, не можетъ внушать никакого довѣрія женѣ. Въ сущности наказываютъ не его, а ее. Развѣ то считать наказаніемъ, что онъ обязанъ былъ заплатить известную сумму тестю за несправедливо опороченный товаръ? У отца могли быть еще дочери, и обвиненіе зятя могло отвадить покупателей отъ его лавочки.

Женщина не имѣла собственности, была исключена изъ права наслѣдованія; даже подарками, которые вызвала ея красота, пользовалась не сама она, а мужъ. Это правило, переходя въ письменный законъ, было нарушено лишь однимъ исключеніемъ: дочь могла наслѣдовать послѣ отца, если у него не оставалось сыновей. Но зато она не могла уже выйти замужъ за человѣка не изъ своего племени.

Какъ дочь, какъ жена и какъ мать, женщина была обречена на безвыходное рабство. Это клеймо отверженія тяготѣло на ней съ самаго рожденія. Если родился мальчикъ, мать считалась нечистою семь дней, если дѣвочка—четырнадцать дней. Послѣ рожденія сына для очищенія матери полагалось тридцать три дня, а послѣ рожденія дочери—ровно вдвое, шестьдесятъ шесть дней.

Не позволяя женщинѣ владѣть какимъ либо имуществомъ, законъ предоставлялъ мужчинѣ право распоряжаться и нравственнымъ ея достояніемъ. Такъ, напримѣръ, женщина могла произнести обѣтъ, но въ тоже время воля отца или мужа могла немедленно уничтожить его; тогда какъ съ мужчины подобнаго обѣта ничто не снимало.

Положеніе вдовы было тоже очень печально. Если она была бездѣтна, законъ волей неволей обрекалъ ее на союзъ съ братомъ покойнаго мужа, для продолженія племени его.

Но если вещь считалась женщина „свободная“, то каково должно было быть униженіе рабыни? И точно, мы видимъ, что госпожа, будучи неплодною, могла отнять и присвоить себѣ дитя рабыни, прижитое съ мужемъ госпожи. Нечего и говорить, что изгнать изъ дому рабыню было еще легче, чѣмъ жену; а мы видѣли, что послѣднее не представляло ни малѣйшаго затрудненія.

Мало того, что цѣна дѣвственности и право продажи дочери принадлежало отцу, даже пѣни за нанесенныя ей оскорбленія или раны вознаграждали не ее, а отца или мужа.

Достаточно этого бѣглого обзорѣнія, чтобы видѣть, что за женщиною не признавалось никакой нравственной силы. Но это непризнаніе было лишь наружное, какъ при всякомъ господствѣ грубой физической силы. Какъ только дѣло доходило до нарушенія этихъ жестокихъ законовъ, опутывавшихъ волю женщины, законодатель видѣлъ въ женщинѣ существо, стоящее нравственно въ уровень съ нимъ.

Будучи лишена всякихъ семейныхъ и общественныхъ правъ, всякаго значенія, будучи низведена на степень движимой собственности, женщина вдругъ является отвѣтственнымъ лицомъ, когда ее приходится судить за преступленія и наказывать. Это не логично, какъ нелогично было бы судить и казнить безсловесныхъ домашнихъ животныхъ. Но этотъ карающій страхъ происходитъ прямо изъ смутнаго, не прояснившагося сознанія нравственнаго достоинства женщины.

Новые народы, принимая космогонію общества, жившаго подъ этими законами, считали это общество исключительнымъ представителемъ всего человѣчества. Понятно, что при такомъ взглядѣ, остались нетронутыми, какъ непогрѣшительныя, понятія о вѣчномъ и роковомъ антогонизмѣ между мужчиною и женщиною. Долгое господство неравныхъ отношеній развило въ высокой степени мелкіе, но тѣмъ болѣе чувствительные пороки женщины, и заставили мужчину еще болѣе сзуть свою тираническую мораль. Говоря о взглядѣ нашихъ предковъ на женщину, вытекавшемъ изъ древней книжной премудрости и изъ глухой реакціи женщины на направленію этой премудрости, справедливо замѣчаетъ г. Забѣлинъ *): „Само собою разумѣется, что кругъ этихъ понятій о женщинѣ созидался постепенно; постепенно приобретаемая новыя силы, новую опору, и въ явленіяхъ дѣйствительности, и въ ученіи книжниковъ, съ особеннымъ стараніемъ выбиравшихъ свои апоэегмы отвсюду, какъ медъ съ цвѣтовъ

*) «Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ». (Рус. Вѣст. 1857, № 9).

человѣческой мудрости, шедшей отъ вѣка. Мимоседшіе вѣка, въ лицѣ грубаго эгоизма мужчины съ одной стороны, и въ лицѣ прилежныхъ, трудолюбивыхъ книжниковъ съ другой — успѣли вполнѣ, окончательно доказать, что женщина, собственно жена, а не женщина, что красота и доброта ея есть собственно источникъ соблазна, нравственнаго растлѣнія, погибели душевной. Изъ доказательствъ возникли крѣпкія убѣжденія... Женщина также убѣдилась во всемъ, что ни толковали о ней книжные мудрецы и учителя. Униженная, загнанная мнѣніемъ вѣка, она дѣйствительно многое утратила изъ своей человѣческой природы, и большею частью оправдывала составленныя о ней ходячія понятія. Но если легко было доказать и еще легче убѣдиться и убѣдить, то есть совершенно извратить понятія толпы и понятія самой женщины, то было не только трудно, но и рѣшительно невозможно остановить въ женщинѣ естественныя, въ высшей степени законныя стремленія къ нравственной самостоятельности, противъ которыхъ не могла даже бороться и она сама, вполнѣ убѣжденная, что стремленія эти есть преступленіе противъ нравственныхъ положеній вѣка, что напримѣръ непокореніе, непослушаніе домовладыкѣ *во всякомъ случаѣ* есть незаконіе и грѣхъ. Здѣсь-то и возникла та отчаянная борьба между мужемъ и женой, между понятіями толпы и дѣйствіями жены, выражавшей свой протестъ противъ существовавшихъ положеній со всею ненавистью, озлобленіемъ существа слабого, порабощеннаго, униженнаго почти до презрѣнія. Чувствуя невыносимую тяжесть своего положенія и нисколько не сознавая самостоятельныхъ своихъ правъ, женщина перенесла всю энергію своей непризнанной воли въ сферу домашняго мелочнаго тиранства, домашнихъ мелочныхъ преслѣдованій, булавочныхъ уколовъ, гдѣ способности ея, неимѣвшія другаго выхода, изошрились въ неимовѣрной силѣ. Какъ бы въ отомщеніе за утрату человѣческихъ правъ, за отсутствіе всякаго пониманія истинныхъ отношеній между мужчиною и женщиною, между мужемъ и женой, женщина явилась мужчиноу въ образѣ *злой жены*. Это былъ послѣдовательный, самый естественный выводъ тѣхъ общихъ убѣжденій относительно женской свободы, которыми жило и руководилось древнее общество. Злая жена явилась резуль-

татомъ древнихъ воззрѣній на женщину, древнихъ отношеній къ ней мужа, явилась результатомъ той дѣйствительности, гдѣ все было отдано мужу, и все отнято отъ жены, злая жена явилась терновымъ вѣнцомъ для мужа, потерявшаго смыслъ истинныхъ человѣчныхъ отношеній къ женѣ. И мужчина глубоко чувствовалъ это зло, это безвыходное, неумолимое бѣдствіе... Его отчаяніе изливалось въ нескончаемыхъ апоэегмахъ, изрѣченіяхъ, пословицахъ, ярко рисовавшихъ и злую жену, и собственную его бѣду. Съ какою-то озлобленною радостью онъ выбираетъ эти изрѣченія отсюду, и изъ писанія, и отъ *внѣшнихъ* мудрецовъ, приводить въ свидѣтельство бездну повѣстей, анекдотовъ, исторій, изображавшихъ женщину въ самыхъ черныхъ, въ самыхъ неистовыхъ краскахъ“.

Изъ приводимыхъ г. Забѣлинымъ цитатъ мы видимъ слѣдующее опредѣленіе женщины: „Что есть жена? Сѣтъ сотворена, прельщаючи челоуѣка (въ сластехъ) свѣтлымъ лицомъ, высокою выею, очами назираючи, ланитами склаблящися, языкомъ поющимъ, гласомъ скверняющимъ, словесы чарующи, ризы повлачаючи, ногами играючи.. въ добротѣ женской многи прельщуются, и отъ тоя (доброты) любовь яко огнь возгарается... Отъ жены начало грѣху и тою вси умираемъ... Много бо бѣсу помощи въ женахъ“...

Этотъ взглядъ не составляетъ исключительной принадлежности древнихъ русскихъ книжниковъ. Западная Европа представляетъ намъ ту же практическую философію*). Иначе и быть не могло. Нужно было или отказаться отъ первобытныхъ преданій, изъ которыхъ логически развились такія понятія, или, оставивъ преданія неприкосновенными, принять и произведенный ими въ жизни результатъ. Были, правда, попытки къ примиренію традиціи съ естественными

*) Вотъ напримѣръ что говоритъ одинъ западный мудрецъ: «O uxores cujus genus non solum est luxuriosum, sed venenosum et avarissimum Mulier enim est dux malorum, artifex scelerum, propter cujus incontinentiam tot adulteria et stupra nexantissima in civitatibus committuntur. Est enim origo peccati, mater delicti, arma diaboli, expulsio paradisi, induit homines ad confusionem et vocatur impedimentum viri, vas adulterii, animal pessimum, pondus gravissimum, aspis insanabilis, janua diaboli, cauda scorpionis, vulnus insanabile, bestia insatiabilis, socilitudo continua, naufragium incontinentis viri, foetor continuus».

человѣческими требованіями, но онѣ должны были необходимо остаться безъ плода. Такъ практическіе философы, въ родѣ Корнелія Агриппы Неттестеймскаго или Лоттихія, старались показать не только право женщины на равенство съ мужчиной, но и на преимущество предъ нимъ тѣмъ, что твореніе шло прогрессивно, за созданіями низшаго разряда слѣдовали все высшія и высшія творенія, и что женщина, какъ созданная послѣ мужчины, есть вѣнецъ созданія, а стало быть и существо совершеннѣйшее. Но что могли значить такія утвержденія, когда имъ противорѣчилъ весь ходъ жизни, сохраненный преданіемъ, когда не только мораль прежняя, наружно отвергнутая, но и мораль новая, признанная, говорила противное!

Къ числу наиболѣе укорененныхъ предрасудковъ принадлежитъ мнѣніе, что господствующимъ нынѣ понятіямъ обязана женщина тѣмъ менѣе унижительнымъ мѣстомъ въ семьѣ и обществѣ, на которомъ мы видимъ ее въ наше время. Нѣтъ сомнѣнія, что въ понятіяхъ этихъ былъ зародышъ гуманнѣйшаго развитія общества, что они и явились какъ потребность человѣка возвысить и очистить свое нравственное достоинство (какъ примѣнялись они къ жизни—это другой вопросъ); но женщина была все-таки забыта. Достоинствомъ ея считалось не общее человѣческое достоинство; фальшивый идеализмъ, вмѣсто того, чтобы приблизить ее къ интересамъ человѣческой жизни, отводилъ ей какія-то фантастическія сферы. Сначала женщина была просто рабою; а тутъ это рабство начали украшать цвѣтами, вручили ей повидимому нѣкоторое господство, и этимъ самымъ только способствовали ея униженію. Одинъ здравый смыслъ спасалъ женщину. Не будь его, давно можно бы одурѣть, хуже восточныхъ одалисокъ, отъ рыцарскаго „любовнаго служенія“ и отъ новой „галантерейности“.

V.

...Платонъ, предписывая законы своей идеальной республикѣ, руководился принципомъ равенства; но равенство представлялось ему возможнымъ только при существованіи

рабовъ, на долю которыхъ выпадала бы вся черная работа жизни. Черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ Платона, Жанъ-Жакъ Руссо въ одномъ изъ своихъ сочиненій говорилъ, что не понимаетъ возможности равенства общественныхъ условій безъ рабства.

Съ рабствомъ въ томъ смыслѣ, какъ его разумѣли Платонъ и Руссо, мы уже покончили въ теоріи и кончаемъ на практикѣ. Если печальные остатки его и есть еще въ настоящее время, то нѣтъ сомнѣнія, что они скоро исчезнутъ, и что самые хранители ихъ сознаютъ, во глубинѣ души, свою неправоту и только изъ опасенія за личныя свои выгоды не могутъ разстаться съ своими привилегіями. Значительное большинство убѣдилось однакожъ, что и для личныхъ выгодъ освобожденіе рабовъ полезно.

Вопросъ о положеніи женщины есть лишь шагъ впередъ по тому же пути; забота о ея свободѣ основывается на тѣхъ же побужденіяхъ и соображеніяхъ, изъ которыхъ возникли старанія эмансипировать негровъ. Всѣ очень хорошо понимаютъ, что нельзя утверждать а priori, способна или неспособна такая-то раса человѣческая къ развитію. Надо предоставить ей сначала свободу развиваться, и потомъ уже произносить судъ. Да и тутъ судъ не всегда будетъ справедливъ, потому что мы смотримъ обыкновенно не очень-то далеко впередъ. Одинъ нѣмецкій историкъ цивилизаціи, именно Клеммъ *), раздѣляетъ все человѣчество на расы пассивныя и на расы активныя. Такое раздѣленіе можетъ быть и очень удобно; но кто поручится за его вѣрность? кто можетъ окончательно рѣшить, что, при измѣненіи условій (а они могутъ рѣшительно измѣниться), якутъ или кафръ останутся на этой степени дикости, на которой мы видимъ ихъ теперь? Не казалось ли и германское племя пассивнымъ цивилизованному Риму? Не казались ли еще недавно и славяне пассивною расой нѣмцамъ? Въ послѣднемъ слу-

*) Онъ издалъ въ 1859 году и большое сочиненіе о женщинахъ, въ шести томахъ. Это довольно полный сводъ свѣдѣній о положеніи женщины въ разные вѣка и у разныхъ народовъ. Къ сожалѣнію, взглядъ автора не выходитъ изъ предѣловъ рутины, и притомъ выборъ фактовъ часто произволенъ. Во многихъ случаяхъ Клеммъ представляетъ или сухую номенклатуру именъ безъ всякой критической оцѣнки, или рассказываетъ тономъ «руководства ко всеобщей исторіи» вѣтъ извѣстныя вещи.

чаѣ предубѣжденіе и теперь еще не совсѣмъ исчезло. Года два-три тому назадъ одинъ очень замѣчательный нѣмецкій писатель издалъ романъ, изъ котораго можно вывести заключеніе, что весь славянскій міръ есть не что иное, какъ почва для дѣятельности нѣмцевъ. Не таковы ли и мнѣнія о пассивности женщинъ?

Въ то время, какъ и самые простые смертные все болѣе и болѣе убѣждаются въ томъ, что успѣхи общества могутъ быть задержаны отъ существованія въ немъ рабовъ, далеко не всѣ лучшіе умы понимаютъ, что не меньшею, если не большею помѣхой этимъ успѣхамъ служить теперешнее положеніе женщинъ. Мы видѣли мнѣніе объ этомъ предметѣ одного изъ передовыхъ писателей нашего времени. Какъ Платонъ не могъ установить справедливыхъ отношеній въ своемъ идеальномъ обществѣ безъ упроченія въ рабствѣ извѣстнаго класса, такъ авторъ книги „de la Justice“ видитъ возможность правильнаго устройства въ обществѣ лишь при порабоженіи цѣлой половины его. Особенное негодованіе возбуждаетъ это мнѣніе въ устахъ Прудона: это можетъ быть сильнѣйшее орудіе противъ характера всей его доктрины. Мнѣ могутъ возразить, что я толкую слишкомъ узко мысли Прудона. Говорю: могутъ, потому что мнѣ уже случалось слышать такіа возраженія. Поставлюсь объяснить.

Какая роль принадлежитъ женщинѣ въ домашней и общественной экономіи? На этотъ вопросъ книга „de la Justice“ отвѣчаетъ такъ: „На женщину падаютъ заботы о хозяйствѣ, воспитаніе дѣтей, обученіе молодыхъ дѣвушекъ подъ надзоромъ лицъ отъ правительства (sous la surveillance des magistrats), и исполненіе общественной благотворительности“.

Какой родъ промышленности, какое искусство могутъ быть спеціальностью женщины? При томъ взглядѣ на умственные и нравственные способности женщины, который высказанъ авторомъ, нечего ждать инаго отвѣта, кромѣ отрицательнаго. „Мужчина—работникъ, женщина—хозяйка: на что же ей жаловаться? Чѣмъ болѣе будутъ дѣйствіемъ справедливости уравниваться состоянія и средства, тѣмъ болѣе возвысятся они въ своихъ глазахъ: онъ—трусами,

она—хозяйствомъ. Когда мужчина откажется отъ всякой эксплуатаціи и опеки, неужели женщина станетъ требовать для услуги себѣ челяди? Да гдѣ взять ее? Оба пола родятся въ равномъ количествѣ: кажется, ясно“? Какъ Божій день.

Женщина должна устраивать гнѣздо для мужа, для себя и для дѣтей, должна кормить дѣтей грудью, пока это нужно; мужъ съ своей стороны долженъ работать для поддержки гнѣзда и кормить жену и дѣтей своею работою. Абсолютная справедливость торжествуетъ. Мужчина, отказавшись отъ всякой эксплуатаціи, позволяетъ однако себѣ пользоваться услугами жены: она приготовляетъ ему обѣдъ, постель, чинитъ и шьетъ его платье, солить для него огурцы, и проч., и проч. Но зато мужъ добываетъ хлѣбъ, мясо и вино на обоихъ, онъ снабжаетъ домъ и всѣмъ нужнымъ для постели, и матеріаломъ для изготовленія платья, онъ выращиваетъ въ огородѣ и огурцы, и проч., и проч. Жена устраиваетъ гнѣздо внутри, мужъ выводитъ основаніе и стѣны. Не полная ли тутъ солидарность? Если видѣть тутъ эксплуатацію, то можно видѣть ее на столько же въ мужчинѣ, на сколько и въ женщинѣ.

Итакъ женщинѣ нечего жаловаться... Она сыта, одѣта, обута и притомъ можетъ спокойно и безопасно родить и кормить дѣтей; дочерей же и воспитывать можетъ, разумѣется „подъ надзоромъ правительственныхъ лицъ“, чтобы не внушить имъ какой нибудь вредной мысли. Что должно соединять ее съ мужемъ, чтобы дѣлать сноснымъ этотъ образъ жизни? Вы думаете, любовь, то есть то необъяснимое влеченіе, которое заставляетъ насъ жертвовать своимъ личнымъ счастьемъ, ради счастья любимаго предмета? Нѣтъ, такая любовь безнравственна по мнѣнію Прудона: она нарушаетъ общественное равновѣсіе. Чету должно соединять чувство справедливости, и въ выборѣ жены, въ выборѣ мужа какъ можно менѣе должна участвовать любовь (*).

Но чувство справедливости составляетъ исключительную принадлежность мужчины; женщина, по мнѣнію Прудона, совершенно лишена его. Стало быть, авторитетъ мужчины

(*) «Какую долю любви допускать при заключеніи брака?—Возможно меньшую».

рѣшаетъ все дѣло. Женщина, какъ животное безсмысленное, должна полагаться на этотъ авторитетъ и быть вполне довольна тѣмъ, что она одѣта, обута и проч., и проч. За недовольство, какъ за возмущеніе противъ принципа справедливости, можно наказывать, какъ наказываютъ негровъ въ невольничьихъ штатахъ. Совершеннолѣтіемъ мужчины и лучшимъ временемъ для вступленія въ бракъ Прудонъ считаетъ двадцатилѣтній возрастъ. Если мужчина совершеннолѣтенъ, то и свободенъ, вправе располагать собою. Но въ „катехизисѣ брака“ (такъ названы Прудонъ окончательные выводы изъ его теоріи) мы читаемъ слѣдующее: „Обязанность отца семейства пристроить своихъ дѣтей честно и согласно требованіямъ справедливости; награда его трудовъ и радость его преклонныхъ лѣтъ будетъ состоять въ томъ, что онъ самъ выдастъ замужъ дочь свою, самъ выберетъ жену своему сыну“. Переносясь мыслью въ это идеальное царство справедливости, мы должны предположить въ немъ полное нравственное согласіе между людьми, а тѣмъ паче между членами одной семьи. Не даромъ же это общество построено Прудонъ на чувствѣ справедливости. Но разочаруемся. Вотъ, что говорится дальше: „Молодые люди должны соединяться, положимъ безъ отвращенія; но отцы не должны допускать оскорбленія въ лицѣ своемъ достоинства семьи, они должны помнить, что рожденіе тѣлесное есть лишь половина родительскаго дѣла. Если сынъ, или дочь, для удовлетворенія своей склонности, пренебрегаютъ желаніемъ отца, отецъ долженъ лишить ихъ наслѣдства. Это первое изъ его правъ и священнѣйшая изъ обязанностей“. Положимъ, дочь не можетъ имѣть своей воли, потому что лишена инициативы разсудка; но сынъ-то? И почему *желаніе* отца выше *склонности* сына? Или желанія отца не могутъ быть несправедливыми?

Вотъ и возникновеніе авторитета въ этомъ образцовомъ семействѣ. Какъ мы видѣли, авторитетъ можетъ вызвать сомнѣніе въ своей правотѣ. Лучшій путь утвердить его—превратить въ безотчетное правило. Стремленіе на этотъ путь ясно уже изъ того, что воспитаніе дѣвочекъ совершается подъ правительственной опекой. Прудонъ ничего не говоритъ объ устройствѣ мужскаго воспитанія; но изъ при-

веденнаго примѣра произвола отца надъ двадцатишестилѣтнимъ сыномъ можно заключить, что и воспитаніе мальчиковъ должно опираться на безусловное покорство авторитету.

Дальнѣйшее развитіе такого порядка понятно. Человѣчество уже жило въ подобныхъ условіяхъ и изъ послѣдовательнаго развитія ихъ возникли всѣ тѣ горькія общественныя явленія, въ числѣ бойцовъ противъ которыхъ явился Прудонъ. Неужто намъ вновь повторять старый опытъ? Эта идеальная справедливость, которую Прудонъ ставитъ въ главу угла, не измѣняетъ дѣла. Трудно признать ее существеннѣйшею внутреннею силой челоуѣка, и средствомъ и цѣлью его жизни, если она требуетъ деспотическихъ мѣръ для покоренія себѣ челоуѣческой мысли и воли.

Никто изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ социализма не смѣялся такъ жестоко, какъ Прудонъ, надъ общественными и семейными теоріями и системами французскихъ реформаторовъ. Но едва ли хоть одинъ изъ проектовъ преобразованія домашней жизни и семейныхъ отношеній представлялъ столько и смѣшныхъ сторонъ, какъ его собственный проектъ.

Десять лѣтъ тому назадъ Прудонъ говорилъ вотъ что: „Идея правительства родилась изъ семейныхъ нравовъ и домашняго опыта: правительство представлялось обществу фактомъ такимъ же естественнымъ, какъ субординація между отцомъ и дѣтьми. Поэтому Бональдъ справедливо говоритъ, что семейство есть зародышъ государства, и представляетъ въ средѣ своей главнѣйшія государственныя категоріи: отецъ—это король, мать—министръ, дитя подданный. Поэтому-то и проповѣдующіе братство социалисты, принимая семейство за элементъ общества, всѣ доходятъ до диктатуры, самой крайней формы правительства. Разительный примѣръ можно видѣть въ администраціи общины Кабе въ Нову. Долго ли еще будемъ мы не понимать этого сдѣлленія идей?“

Читатель видѣлъ, что я принимаю семейство тоже за основу общества; но только при одномъ условіи, при совершенномъ равенствѣ правъ жены и мужа. Если отецъ и мать пользуются одинаковымъ голосомъ, одинаковымъ вліяніемъ, какъ на дѣтей своихъ, такъ и на касающіяся ихъ.

дѣла общества, возможность диктатуры въ общественномъ управленіи исчезаетъ сама собою.

Всѣ мало по малу приходятъ къ убѣжденію, громко провозглашаемому цѣлымъ ходомъ исторіи, что существованіе въ обществѣ рабства, давая возможность одному классу жить на счетъ другаго, ведетъ къ деморализаціи и эксплуатируемыхъ. Уровень общественнаго образованія и общественной нравственности тотчасъ начинаетъ подниматься не только при совершенномъ уничтоженіи права одного лица владѣть другимъ, но даже при одномъ только смягченіи этого права. Отчего же то, что признается закономъ для общества, не можетъ быть признано закономъ для семьи? Отчего прогрессъ общества долженъ заключаться все въ большемъ и большемъ устраненіи эгоистическаго произвола, а счастье семьи безъ этого произвола невозможно? Мы будемъ спорить лишь о словахъ, если станемъ отвѣчать на возраженіе, что перевѣсъ мужа въ семьѣ, есть лишь законное покровительство существу сравнительно слабѣйшему.

Деморализація, замѣчаемая въ современномъ обществѣ, есть прямое слѣдствіе подчиненности женщины. Пока мы не признаемъ за женщиною права на равное съ мужчиною образованіе, пока не интересуемъ ее лично въ дѣлахъ и успѣхахъ общества, до тѣхъ поръ будемъ постоянно видѣть въ мужчинѣ, столь гордомъ своими мнимыми преимуществами передъ женщиной, мелкій эгоизмъ, который обыкновенно граничитъ съ полнымъ непониманіемъ своихъ собственныхъ выгодъ, жалкую трусость въ рѣшительныя минуты жизни и въ тоже время ребячески-легкій взглядъ на самыя серьезныя отношенія къ своему ближнему.

Мелкій эгоизмъ будетъ проявляться и въ заключеніи браковъ по расчету, не дающихъ прочнаго счастья ни мужу ни женѣ, и въ воспитаніи дѣтей не ради ихъ пользы, а ради своего собственнаго тщеславія, воспитаніи, стало быть, тоже не прочномъ, поверхностномъ.

Постыдная трусость будетъ проявляться даже въ семьяхъ, соединенныхъ болѣе твердыми узами симпатіи. Я говорилъ о вліяніи дѣтскихъ уроковъ и впечатлѣній на нашу послѣдующую жизнь. Столько же, если не болѣе, сильно вліяніе жены, которую мы любимъ, матери дѣтей, которымъ мы же-

лаемъ добра. При поверхностномъ знаніи, а часто и при полномъ незнаніи необходимыхъ требованій и настоятельныхъ нуждъ общества, жена будетъ умѣрять или даже останавливать каждый рѣшительный шагъ мужа, ибо польза общества будетъ казаться ей чуждою или, пожалуй, и враждебною семейнымъ интересамъ. Личная выгода, тѣсная и близорукая, станетъ мало по малу смѣнять въ побужденіяхъ мужа благо общества, отъ котораго прямо зависитъ и благо каждаго его члена. Недаромъ люди, всею душой отданные стремленію къ знанію или заботамъ о счастьѣ родины, видятъ препятствіе этимъ стремленіямъ и заботамъ въ брачной жизни, и отказываются отъ нея. Скажутъ: тутъ дѣло не въ нравственномъ препятствіи, а въ присоединеніи къ прежнимъ заботамъ новыхъ, матеріальныхъ заботъ о средствахъ къ жизни не одного уже челоука, а цѣлой семьи. Доля правды въ этомъ возраженіи есть; но опять не отъ того ли, что женщина такъ исключительно зависитъ отъ помощи и поддержки мужчины, такъ лишена всякихъ общественныхъ правъ?

Но предположимъ, что всѣ матеріальныя удобства устранены, что не нужно никакихъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, спрашивается, какой смыслъ въ союзѣ двухъ неравно развитыхъ, значить не способныхъ понимать другъ друга, существъ? Говорятъ обыкновенно, что женщина своими качествами восполняетъ недостатки такихъ качествъ въ мужчинѣ; и наоборотъ, и изъ этого обмѣна, изъ этого общенія образуется полная гармонія. Это опять громкія слова, подъ которыми скрывается ничтожная сущность. Разберите попристальнѣе эту гармонію, разложите ее на составныя части, и вы откроете съ одной стороны диктарскій тонъ, не допускающій никакихъ возраженій, а съ другой—пассивное подчиненіе этому тону, отрицающее всякую самобытность разума и воли. Можетъ быть, это и хорошо въ музыкѣ, но опытъ показываетъ, что въ житейскихъ отношеніяхъ нашихъ изъ такихъ элементовъ не выходитъ ничего, кромѣ застою, если не вышло вражды и раздора.

Единожды утвердивъ за собою роль полновластнаго господина, мужчина усвоилъ себѣ и всѣ недостатки, всѣ пороки, неразлучные съ произволомъ. Ставя женщину ниже

себя во всѣхъ отношеніяхъ, онъ въ тоже время требуетъ отъ нея совершенства, котораго нѣтъ въ немъ самомъ; считая ее созданною исключительно для любви, онъ грозно казнить ее за увлеченія, въ которыхъ иногда виноватъ самъ, и которыя, съ его точки зрѣнія на женскую природу, долженъ бы повидимому даже оправдывать. И какими доводами старается онъ снять съ себя обвиненіе въ легкости, съ какою преступаетъ важнѣйшія для благоденствія общества законы! Не каждый ли день можно услышать отъ любого мужчины, что онъ вправѣ позволять себѣ то, чего ни какъ не простить женщинѣ, вправѣ потому, что его увлеченія не имѣютъ послѣдствій, тогда какъ женщина не можетъ увлечься безнаказанно. Такой взглядъ на вещи несравненно гаже и безнравственнѣе взгляда восточныхъ сластолюбцевъ, которые держатъ для своей особы цѣлыя гаремы. Они, по крайней мѣрѣ, платятъ за удовлетвореніе своей чувственности воспитаніемъ дѣтей, которыхъ родятъ ихъ наложницы.

Женщина почти не можетъ увлечься безъ послѣдствій. А мужчина можетъ? Да не всякій ли шансъ женщины быть матерью есть въ тоже время шансъ мужчинѣ стать отцомъ? Грустно думать, что эти понятія о безнаказанности мужчины въ поступкахъ, въ которыхъ онъ одинъ виноватъ, внушаются намъ съ дѣтства окружающимъ насъ обществомъ. Грустно думать, сколько благородныхъ натуръ, вся вина которыхъ въ излишней впечатлительности и въ недостаткѣ внутренней нравственной инициативы, плодѣ господствующихъ нравовъ и жалкаго воспитанія, сколько такихъ натуръ увлекается въ мутный потокъ разврата. Если онъ и выбираются изъ него потомъ, то сколько силъ уже потеряно, лучшихъ силъ нравственныхъ и физическихъ! Не мало гибнетъ въ этомъ грязномъ водоворотѣ и безвозвратно.

Въ своемъ стремленіи къ господству, въ своемъ стараніи выказывать себя всюду непогрѣшимымъ, мужчина выдумалъ нелѣпнѣйшую басню для возвеличенія себя даже самыми пороками своими. Онъ не говоритъ, конечно, что распутство есть добродѣтель; но утверждаетъ, что и самый развратъ не кладетъ на нравственный характеръ его такой глубокой и неизгладимой печати, какъ на характеръ женщины. По очень распространенному мнѣнію, мужчина не теряетъ еще своего

достоинства, если предается распутству; это даже для него полезно, какъ житейскій опытъ, изъ котораго онъ выходитъ зрѣлѣе, съ болѣе яснымъ взглядомъ на вещи и съ менѣе увлекающимся сердцемъ. Напротивъ, женщинѣ, единожды „павшей“, нѣтъ возврата на путь добродѣтели; никакой Магадева не возстановитъ ея человѣческаго достоинства; она на вѣки утрачиваетъ свое право не только на уваженіе, но и любовь. „Женская добродѣтель, говорятъ великосвѣтскіе мудрецы, это—ледяныя горы; стоитъ поскользнуться на нихъ, и катись внизъ безъ остановки, пока не сломишь шеи“. Дѣйствительно, вдаваясь въ развратъ, женщина останавливается рѣже, нежели мужчина; дѣйствительно, растлѣніе нравственное проникаетъ въ нее глубже и овладѣваетъ ею сильнѣе, чѣмъ мужчиной, за немногими исключеніями. Но опять не воспитаніе ли ея, не положеніе ли ея въ обществѣ условливаютъ эти явленія? Не съ самыхъ ли раннихъ лѣтъ внушается ей, какъ необходимая добродѣтель, кокетство? не отстраняются ли изъ ея воспитанія всѣ знанія, которыя могли бы развить въ ней мысль, а вмѣстѣ съ мыслью и нравственное чувство? не толкуютъ ли ей съ дѣтства, что лучшее средство къ жизни—нравиться мужчинѣ? Средству этому придаютъ такую важность, что, при отсутствіи всякой умственной дѣятельности, оно мало по малу начинаетъ уже представляться не средствомъ только, а самою цѣлью жизни. Если мужчина, при несравненно высшемъ нравственномъ и умственномъ развитіи, поддается-таки искушенію, чего же ждать отъ оставляемой въ невѣжествѣ и рабствѣ женщины? Положимъ она „пала“, какъ принято говорить; кто виноватъ въ этомъ паденіи? Всегда значительно выше развитой мужчина. Положимъ, она поняла свою ошибку, хоть ей и трудно видѣть ошибку въ томъ, чѣмъ современные мужчины почти гордятся; положимъ, она хотѣла бы эту ошибку загладить, заставить забыть чистымъ и безукоризненнымъ образомъ жизни; какая возможность дана ей къ этому? Не со всѣхъ ли сторонъ летятъ въ нее камни и не единственное ли средство спастись отъ нихъ погрузиться глубже въ развратъ? „Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень!“ Объ этихъ

словахъ всѣ забыли, хотя и считаютъ мораль свою согласно съ ученіемъ, которое провозглашало такое снисхожденіе къ человѣку.

Образовать женщину, дать ей возможность существовать независимо отъ „покровительственнаго“ вліянія мужчины — вотъ лучшее лекарство отъ разврата, развившагося теперь такъ широко. Это такъ очевидно, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. Только упрямая и эгоистическая склонность къ рутинѣ, только въѣвшаяся въ насъ, какъ ржавчина, страсть къ диктаторству, мѣшаютъ признать справедливость такого требованія. Какъ скоро женщина способна родить, и родить, въ ней не можетъ быть никакихъ побужденій къ разврату. Беременность и кормленіе грудью — это естественная защита ея отъ тѣхъ излишествъ, которымъ считаетъ себя вправѣ предаваться мужчина. Только жалкія, испорченныя и болѣзненныя натуры пренебрегаютъ этими природными условіями; но не о нихъ рѣчь: это все-таки меньшинство между женщинами. Если кто выказываетъ въ этомъ случаѣ презрѣніе къ здоровымъ требованіямъ натуры, такъ это все-таки мужчина. Женщина покоряется лишь по неволѣ, лишь потому, что каждый шагъ ея подчиненъ мужчине, и что противорѣчіе его волѣ есть средство вызвать съ его стороны еще большій гнетъ и еще большій произволъ. Нравы тѣхъ жалкихъ человѣческихъ племенъ, которыя мы съ цивилизованнымъ самодовольствомъ именуемъ пассивными племенами, представляютъ очень любопытный предметъ для изученія въ сравненіи съ нашими нравами. „Какъ посмотрѣть, да посравнить“ — окажется, что мы вовсе не такъ далеко ушли въ нравственности и въ покореніи своихъ животныхъ инстинктовъ разуму отъ этихъ темныхъ племенъ. Въ параллель къ тому, что я говорилъ сейчасъ объ обществахъ европейской цивилизаціи, приведу одинъ примѣръ. У многихъ дикихъ племенъ есть такой обычай: какъ только забеременѣетъ жена, стало быть сдѣлается неспособною удовлетворять чувственности мужа, онъ ищетъ себѣ другую жену для этой цѣли. Положеніе первой жены становится очень непріятно. Та, которая смѣняетъ ее на супружескомъ ложѣ, можетъ получить перевѣсъ въ сердцѣ мужа, можетъ лишитъ ее нѣкоторой власти въ домѣ. Это опасеніе заставляеть пер-

вую жену жертвовать ради своихъ выгодъ удовольствіемъ быть матерью. Всѣ путешественники рассказываютъ объ очень частыхъ на этой ступени развитія случаяхъ истребленія матерью плода и даже умерщвленія живыхъ дѣтей, съ единственною цѣлью сохранить привязанность мужа, отъ которой зависитъ счастье ея жизни, или по крайней мѣрѣ пользованіе разными матеріальными выгодами и удобствами. Я не думаю утверждать, чтобы подобныя преступленія были и у насъ обыкновеннымъ явленіемъ; я хотѣлъ только указать на крайнія слѣдствія мужскаго деспотизма и эгоистическаго произвола, которые только видоизмѣнились, но еще далеко не исчезли въ наше время. Подчиненное положеніе женщины, конечно, способно только поддержать въ мужской половинѣ человѣчества наклонность къ распутству. Сколько ни будутъ наши моралисты гремятъ проклятіями разврату современнаго общества, развратъ не исчезнетъ, если останутся прежнія неравныя права.

Не только нравственность мужчины, и самое умственное его развитіе сильно страдаетъ отъ ограниченнаго образованія и безправности женщины. Если женщина, въ отчужденіи своемъ отъ общественныхъ интересовъ, перестаетъ понимать ихъ и боится какъ огня прогресса, то есть развитія и усовершенствованія общественныхъ формъ жизни, какъ требовать отъ нея, чтобы она, при отчужденіи отъ умственныхъ интересовъ, цѣнила успѣхи мысли и науки? А между тѣмъ жена вѣдь все-таки остается ближайшимъ существомъ для мужа.

Между огромнымъ количествомъ предрасудковъ, вращающихся въ обществѣ, существуетъ одинъ, раздѣляемый даже очень умными людьми: это — мнѣніе, будто мужъ долженъ быть образователемъ своей жены, что умъ дѣвушки — какая-то *tabula rasa*, на которой любимый человѣкъ можетъ начертить, что хочетъ. Въ сущности этого мнѣнія таится тоже недостойное чувство личнаго эгоизма, и если оно не такъ рѣзко оскорбляетъ насъ, то единственно потому, что облечено въ мягкую и красивую фразу. Это опять обреченіе женщины на рабскую роль фамулуса при ученомъ Фаустѣ. На той степени физическаго и нравственнаго развитія, которая дѣлаетъ возможнымъ замужество для дѣвушки, она

вовсе не такое первобытное существо, чтобы начинать свое воспитание безпрепятственно. Каждый шагъ ея долженъ быть борьбой съ понятіями, укорененными въ ней съ дѣтства; мысль, непривыкшая къ дѣятельности, должна истощаться въ усиліяхъ надъ усвоеніемъ того, что просто и ясно какъ день для привычной головы. Это уже не просто воспитаніе, а перевоспитаніе, то есть поправка старыхъ ошибокъ, тяжкій трудъ, а не свободное развитіе. Къ чему же допускать ошибки, которыя нужно потомъ исправлять? Не лучше ли, не сообразнѣе ли съ разумомъ и съ физическими силами начинать путешествіе съ прямой и гладкой дороги, чѣмъ блуждать по извилистымъ и кочковатымъ тропинкамъ, чтобы потомъ выйти таки на ту же прямую дорогу и притомъ не въ концѣ ея, а въ самомъ началѣ? Силъ потрачено столько, что и гладкая дорога уже тяжела, и по ней не пройдешь болѣе двухъ шаговъ. Притомъ, кто поручится, что то направленіе, которое захочетъ дать мужъ своей воспитанницѣ-женѣ будетъ согласно съ ея способностями, что оно не будетъ произвольнымъ навязываньемъ другому того, чего тотъ не можетъ принять не только вслѣдствіе неразвитія своего, но и вслѣдствіе самой природы своей? Вѣдь, при вступленіи въ бракъ, у женщины не было ни права, ни возможности выбора. Любовь, при умственномъ неразвитіи, остается, правда, сильнымъ, но тѣмъ не менѣе слѣпымъ и инстинктивнымъ чувствомъ. Вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ беретъ за воспитаніе жены, мы видимъ почти всегда лишь неудачныя попытки. Жена усвоиваетъ обыкновенно лишь внѣшность знанія, лишь формулы безъ пониманія внутренняго ихъ смысла. Иначе и быть не можетъ: воспитаніе домашнее постоянно учило ее цѣнить внѣшнее достоинство предметовъ и не позволяло ей вникать въ ихъ сущность. Какъ Вагнеръ цѣнилъ въ Фаустѣ ораторскія способности, и не понималъ силы его мысли, такъ и женщина, воспитываемая уже въ супружествѣ, можетъ, пожалуй, благоговѣть передъ высокимъ развитіемъ своего мужа, но сознать его цѣны не можетъ. Я беру лучшія, рѣдкія исключенія; что же въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самомъ воспитателѣ является какой нибудь сухой Вагнеръ, — или что еще хуже — человекъ свѣтски-безнравственный? А вѣдь общій законъ

имѣеть въ виду не исключенія. Къ тому же мы видѣли; что и самыя исключенія неудовлетворяютъ его требованіямъ. Въ то время, когда жена старается подчинить свой неразвитый умъ авторитету мужа, и мужъ постоянно, хотя можетъ быть незамѣтно самому себѣ, суживаетъ свою мысль, стараясь согласовать ее съ неразвитіемъ жены. „Въ умственномъ общеніи съ тѣми“, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль *): „кому мужчины могутъ лишь предписывать законы, заключается причина, что столь немногіе продолжаютъ подвигаться впередъ въ знаніи, а не остаются на первыхъ его ступеняхъ. Самые достойные люди перестаютъ совершенствоваться, оставаясь въ сообществѣ лишь со своими учениками.

Если не только на умственныхъ способностяхъ и на нравственности женщины, но и на дѣятельности и характерѣ мужчины тяготѣетъ вреднымъ вліяніемъ настоящее неравномѣрное распредѣленіе благъ жизни и свободы между двумя полами, — спрашивается: во имя чего, ради чего счастья, можно защищать существующія отношенія?

VI.

Выводъ изъ всего вышесказаннаго не труденъ, и требованія ясны. Соберемъ ихъ однакожь воедино и постараемся выразить какъ можно опредѣленнѣе и точнѣе.

Первое требованіе касается воспитанія.

Какъ элементарное, дѣтское воспитаніе, такъ и образованіе въ обширномъ смыслѣ, общее и спеціальное, должны быть, въ существенныхъ условіяхъ своихъ, одинаковы для обоихъ половъ. Одинаковая забота должна прилагаться къ умственному развитію какъ мальчика, такъ и дѣвочки. Предназначенно устранять изъ женскаго воспитанія извѣстныя области знанія — значитъ стараться ограничивать умствен-

*) Въ статьѣ *Enfranchisement of Women*, помѣщенной во II томѣ его «Dissertations and Discussions», изданныхъ въ прошломъ году. Я очень сожалѣю, что познакомился съ этой прекрасной статьей лишь въ то время, какъ большая часть моихъ замѣчаній о женщинахъ была уже напечатана. У Милля немало убѣдительныхъ доводовъ въ пользу высказанныхъ мною мнѣній. Впрочемъ, я постараюсь въ непродолжительномъ времени познакомиться читателемъ «Современника» подробно со взглядомъ знаменитаго экономиста и философа на дѣло женской эмансипаціи.

ныя способности существа, одареннаго мыслью. Всякое знаніе, признаваемое полезнымъ для мужчины, должно быть признано полезнымъ и для женщины. Личныя способности каждаго рѣшаютъ степень участія его въ успѣхахъ науки, въ дѣлахъ общества. Но для того, чтобы человекъ могъ взять на себя дѣло, согласное съ его способностями, и найти въ этомъ дѣлѣ цѣль и счастье своей жизни, необходима полная свобода для ихъ развитія. Это правило одинаково для обоихъ половъ. Навязывать женщинамъ съ дѣтства извѣстный ограниченный кругъ дѣятельности такъ же нелѣпо, какъ назначать въ дѣтствѣ мальчику быть инженеромъ или медикомъ, тогда, какъ при свободномъ развитіи его способности обратились бы, какъ къ дѣлу болѣе имъ свойственному, къ агрономіи или исторіи. Уничтожая дикое раздѣленіе знаній на мужскія и на женскія, слѣдуетъ уничтожить и вышнія разграниченія. Пусть дѣвочки учатся вмѣстѣ съ мальчиками; пусть самое воспитаніе prepares ихъ къ совмѣстной дѣятельности въ жизни. Никакой нравственной порчи тутъ быть не можетъ. Только испорченное воображеніе можетъ заподозрѣвать чистоту дѣтскихъ отношеній, и видѣть какую-то опасность въ подобномъ сближеніи. Послѣ этого надо считать зловреднымъ сближеніе братьевъ съ сестрами, и отдѣлять ихъ другъ отъ друга высокою стѣной, какъ только они начинаютъ стоять на ногахъ и лепетать.

Высшее образованіе, какъ бы оно не организовалось, точно такъ же должно быть доступно женщинамъ наравнѣ съ мужчиной. Пусть университетъ, академія, пусть каждое спеціальное общественное учебное заведеніе принимаетъ вмѣстѣ и учениковъ и ученицъ, согласно желанію и внутренней потребности каждаго. И здѣсь пусть будетъ открытое поле всѣмъ способностямъ, кому бы онѣ не принадлежали, человеку въ юбкѣ, или человеку въ панталонахъ. Опасенія за общественную нравственность и здѣсь будутъ совсѣмъ неумѣстны. Постоянное, съ дѣтства начинающееся отчужденіе другъ отъ друга обоихъ половъ, болѣе всего способствуетъ ненормальному развитію воображенія, а съ нимъ вмѣстѣ чувственности и безнравственности. Лучшій примѣръ за-

крытыя учебныя заведенія для дѣвушекъ; въ ихъ замкнутыхъ стѣнахъ составляются самыя дикія и нелѣпыя представленія о людскихъ отношеніяхъ, представленія, которыя потомъ вносятъ разладъ въ жизнь, недовольство ею, а часто и горе на цѣлый вѣкъ. Постоянное разобщеніе въ лучшие годы молодости не позволяетъ ни мужескому, ни женскому чувству окрѣпнуть въ дѣйствительной симпатіи, сосредоточиться на одномъ предметѣ, болѣе удовлетворяющемъ нашей внутренней потребности. Непостоянство нашихъ симпатій, легкость нашихъ отношеній—это нечто иное, какъ тревожное исканіе прочнаго удовлетворенія сердцу, отчужденному отъ круга, въ которомъ такое удовлетвореніе нашлось бы скоро. Одинаковость стремленій, равенство умственного и съ нимъ нравственнаго развитія, родственность натуръ связываютъ на университетской скамьѣ дружескія отношенія на всю жизнь. Прибавьте къ этому естественное влеченіе одного пола къ другому,—и вотъ вамъ прочная основа разумнаго и свободнаго союза для совокупной дѣятельности и взаимнаго счастья. Не бойтесь за юношу и дѣвушку, соединенныхъ такими узами; они сдумаютъ обереечь себя отъ увлеченій, которыя кажутся вамъ столь пагубными. Истинная любовь неразлучна со взаимнымъ уваженіемъ. Вспомните такъ же, что ихъ соединило нѣчто болѣе прочное, чѣмъ одно половое влеченіе, которое играетъ такую важную роль при иномъ, изолированномъ положеніи мужчинъ и женщинъ; влеченіе это значительно умѣряется въ данномъ случаѣ другими симпатіями.

Раннее физическое развитіе, на которое мы такъ жалуемся, мало по малу войдетъ въ разумныя границы при подобномъ строѣ воспитанія, и дѣти и юноши съ испорченнымъ воображеніемъ и неестественными требованіями отъ жизни будутъ рѣдкими и жалкими исключеніями.

Другое бѣдствіе нашего общества, браки по принужденію или по расчету, часто совсѣмъ нерасчетливому, станутъ тоже невозможностью при лучшемъ, болѣе глубокомъ пониманіи обѣими сторонами и своихъ потребностей и выгодъ, и отношеній своихъ къ обществу. Такого пониманія, сообщаемого свободнымъ и разумнымъ образованіемъ, мы боимся, какъ повода къ разврату, къ распушенности нра-

вовъ; а между тѣмъ нравственность наша не оскорбляется настоящимъ порядкомъ вещей, который дѣлаетъ возможными союзы между изношенными стариками и шестнадцатилѣтними дѣвушками, или такъ-называемыя „приличные партіи“ и между молодыми, но едва знающими другъ друга людьми.

Расширить такимъ образомъ женское образование—еще не все. Надо открыть женщинамъ свободный доступъ ко всѣмъ родамъ дѣятельности, теперь составляющимъ исключительную привилегію мужчины; иначе самое образование не будетъ достигать цѣли, будетъ мертвымъ капиталомъ для общества и часто тяжелымъ преимуществомъ для женщины, которой нѣтъ возможности примѣнить къ дѣлу свои дарованія и свѣдѣнія. Нечего бояться, что, при полной свободѣ выбора, женщина вздумаетъ братья за то, что менѣе всего будетъ согласно съ ея природою, съ материнскими обязанностями, которыя въ извѣстное время потребуютъ особеннаго, и пожалуй исключительнаго ея вниманія. Навѣрное можно сказать, что, на примѣръ, воинственныхъ женщинъ, чувствующихъ пристрастіе къ штыку и крови, найдется очень немного. Но еслибъ и много ихъ нашлось—не бѣда: опытъ вѣроятно все болѣе и болѣе ограничивалъ бы ихъ число.

Участіе въ трудѣ и промышленности, въ наукѣ и искусствѣ вообще, должно быть доступно каждому совершеннолѣтнему члену общества. Если это еще и не такъ на дѣлѣ, но все-таки мы идемъ къ такому порядку,—это ясно изъ всего хода современнаго общества.

Признавая женщину тоже членомъ общества, какъ мы это и дѣлаемъ на словахъ, слѣдуетъ дать ей всѣ исчисленныя права. Въ какой мѣрѣ и какъ она ими воспользуется—это уже не наше дѣло. Какъ существо мыслящее она требуетъ этихъ правъ, и мы обязаны дать ей ихъ, какъ дадимъ ихъ рано или поздно пролетарію и невольнику-негру. Несомнѣнно одно, что дѣйствія ея будутъ на столько же, на сколько и дѣйствія мужчины, направлены на поддержаніе и развитіе личныхъ, семейныхъ и общественныхъ интересовъ.

При рѣшеніи вопроса объ участіи женщины во всѣхъ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, въ которыхъ уча-

ствуетъ донинѣ лишь одинъ мужчина, нечего принимать въ соображеніе половое назначеніе ея—быть матерью. При правильномъ устройствѣ семейныхъ отношеній браки не будутъ заключаться такъ рано, въ ущербъ физическимъ и нравственнымъ силамъ какъ самой четы, такъ и ея дѣтей; при лучшемъ нравственномъ развитіи, дѣторожденію въ жизни женщины будетъ принадлежать лишь пора полной физической зрѣлости, а пора увяданія будетъ отъ него изъята. Среднимъ числомъ должно приходиться не болѣе четырехъ-пяти дѣтей на каждую женщину; стало быть время беременности, рожденія и кормленія займетъ въ ея жизни всего восемь, десять лѣтъ. Если мы допустимъ, что это время и совершенно неудобно для дѣятельности въ какой бы то ни было иной сферѣ, кромѣ домашней, если мы признаемъ его годами страданія и всякаго безсилія, умственнаго, нравственнаго и физическаго, то и тогда требованіе наше въ основѣ своей не будетъ несправедливымъ. Можно ли приносить свободу и счастье всей жизни женщины въ жертву этихъ восьми, десяти лѣтъ, въ которые она не будетъ мочь ими пользоваться? Какъ, кѣмъ и въ какой мѣрѣ должна быть обезпечиваема женщина на эти годы, если ихъ слѣдуетъ признать рѣшительно непродуцательными въ ея жизни, это ужъ, вопросъ пракческаго примѣненія, нейдущій къ этимъ общимъ замѣчаніямъ... Но, нѣтъ сомнѣнія, онъ разрѣшился бы самъ собой, при внесеніи въ организацію семьи принципа, вытекающаго изъ здраваго взгляда на вещи.

Бракъ при исчисленныхъ условіяхъ, становится высоко-нравственнымъ союзомъ, интересы жены и мужа сливаются, дѣятельность ихъ направляется къ одной цѣли, и нынѣшняя непрочность супружескихъ отношеній становится почти невозможною.

Истинно-нравственное, согласное съ общимъ благомъ воспитаніе новыхъ поколѣній должно быть первымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей. Ребенокъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ своихъ будетъ видѣть въ отношеніяхъ отца и матери ту гармонию правъ, обязанностей и дѣйствій, которая, какъ свѣтлый идеалъ будущаго счастья общества, начинаетъ владѣть мыслью даже лучшихъ людей нашего

времени часто только послѣ тяжкой борьбы съ господствующимъ зломъ и неправдой.

Мы оставались постоянно въ кругу общихъ вопросовъ. Частное примѣненіе ихъ, указаніе кратчайшаго и лучшаго пути, какъ преобразовать существующія отношенія, не входило, какъ я уже сказала, въ задачу этихъ скромныхъ замѣтокъ. Пусть только большій кругъ людей вникаетъ въ самые вопросы, и тревожится ими: отвѣтъ дать сама жизнь.

Женщины въ университетѣ.

Характеристика нашего времени, какъ эпохи переходной, успѣла отъ частаго повторенія сдѣлаться общимъ мѣстомъ, пошлостью. Это не мѣшаетъ однакожь быть ей вполне справедливою относительно всѣхъ почти сторонъ жизни. Куда ни помотришь, прежнія формы, прежнія понятія, которыми удовлетворялось большинство (и иной разъ очень долго) расшатываются и теряютъ болѣе или менѣе свое значеніе и цѣну. Но то, что должно смѣнить ихъ, тѣ формы и тѣ понятія, на которыхъ долго или коротко мы сумѣемъ снова успокоиться, уяснились еще для немногихъ и шатаются еще массу, какъ все новое, неустановившееся, какъ бы разумно и благо оно ни было. Съ которыхъ поръ началось это переходное время для западной Европы, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно. Но долго ли оно продлится тамъ, это могли бы сказать развѣ пророки, если бы они еще рождались въ нашъ *soi-disant* положительный вѣкъ. Несмотря на отсутствіе пророковъ, намъ однакожь что-то плохо вѣрится въ положительность нашего вѣка. Иначе отчего бы совершаться каждой перемѣнѣ къ лучшему такъ туго, съ такими истощительными усиліями? Вѣдь положительность, практичность—не есть же трусость! Это и слова разныя, да и понятія выражаются въ нихъ разныя же. На столько здраваго смысла было у людей, создававшихъ языкъ, что они не смѣшали этихъ понятій, и въ то время, какъ слово „трусъ“ получило бранное значеніе, названіе „чело-

вѣкъ положительный, практической“ едва ли имѣло когда либо такой смысл. Не потому ли между прочимъ наше время по-преимуществу переходное, что въ немъ и слова, какъ понятія, начинаютъ терять свою прежнюю опредѣленность? Если бъ какой нибудь Аделунгъ или Джонсонъ занялись составленіемъ лексикона нашего новаго „переходнаго“ языка, это былъ бы трудъ и любопытный, и поучительный.

Мы, русскіе, какъ извѣстно, ни въ чемъ не отстаемъ отъ Европы. Въ то время, какъ тамъ перестаютъ носить парики и пудру, перестаемъ и мы; въ то время, какъ тамъ издаются „L'Ami du peuple“ и „La Bouche de Fer“, мы тоже принимаемся издавать „Почту Духовъ“, „Прохладные Часы, или Аптеку, врачующую отъ унынія“ и многіе другіе, столь же прогресситскіе журналы и газеты; тамъ Шенье младшій пишетъ своего „Генриха VIII“, своего „Граха“,— и у насъ Николевъ сочиняетъ, „Сорену“, а Княжнинъ (не даромъ Пушкинъ назвалъ его „переймчивымъ“) „Вадима Новгородскаго“; тамъ запѣлъ Байронъ—и у насъ явился Трилунный, Эту параллель можно бы продолжить и до нашихъ дней, до господства кринолины и политической экономіи, до неаполитанской конституціи и любовнаго изученія учрежденій, столь подробно описанныхъ Гнейстомъ, до венгерскихъ реформъ и фотографическихъ визитныхъ карточекъ. Но нужна ли такая параллель? Развѣ кто нибудь сомнѣвается въ нашей способности совершенствоваться? развѣ кто нибудь отрицаетъ, что мы нація европейская и не можемъ отставать—по крайней мѣрѣ на дальнее разстояніе—отъ-такъ называемой просвѣщенной Европы? Это все истины, которыя уже признаны неоспоримыми всѣми, за исключеніемъ двухъ-трехъ черезъ-чуръ упрямыхъ головъ, и не требуютъ доказательствъ. Стало быть и наше доказательство было излишне, и потому, оставляя его, скажемъ только, что если Европа переживаетъ теперь переходную эпоху, то отчего же или, лучше сказать, какъ же и намъ не переживать ее? Какъ же и намъ не колебаться между отживающей своей вѣкъ и неудовлетворяющей уже насъ стариной—и довольно заманчивой, хотя и нѣсколько пугающею новизной?

Къ числу главныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ перестало насъ удовлетворять и на которые хотѣлось бы намъ

новаго и болѣе яснаго отвѣта, принадлежить безъ сомнѣнія такъ называемый женскій вопросъ, вопросъ о преобразованіи семейныхъ и общественныхъ отношеній женщины. Со времени пламенныхъ и страстныхъ рѣчей Клода Фоме въ Пале-Рояль и строгихъ требованій ученаго Кондорсе, съ которыхъ собственно начинается движеніе къ эмансипаціи, прошло почти три четверти столѣтія. Вопросъ о правахъ и обязанностяхъ женщины пережилъ нѣсколько періодовъ. Надъ разрѣшеніемъ его работали и безсознательное, хотя законное ожесточеніе, и глубоко-сознанное, разумное недовольство, и страсть, и расчетъ, и увлеченіе, и строгая мысль. Надо правду сказать, успѣхъ былъ не особенно блистателенъ. Убѣжденіе, раздѣляемое лучшими умами, не успѣло еще войти въ сознаніе массы, и еще твердо повидимому держится старая рутина, старый обычай, справедливо прозванный тираномъ. Приходить отъ этого въ отчаяніе еще нечего. Вѣдь и для того, чтобы выростить дубовую рощу хоть съ плохую тѣнью, нужно никакъ не меньше тридцати лѣтъ. А идеи, какъ свидѣтельствуется вся исторія, раслутъ еще медленнѣе, и къ нимъ не всегда можно примѣнить въ ближайшемъ смыслѣ слова извѣстнаго старика крыловской басни:

«Сажая деревцо, и тѣмъ я веселись,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣвью насладится!»

Чтобы новыя понятія пустили прочныя корни въ мозгу у большинства, нужно должно быть побольше семидесяти лѣтъ, которые мы насчитываемъ со времени перваго серьезнаго провозглашенія необходимости реформъ въ положеніи женщинъ. Нельзя же вѣдь считать чѣмъ-то важнымъ для ихъ эмансипаціи средневѣковое служеніе дамамъ. Стоитъ только посмотрѣть на нѣмокъ, чтобы понять чего можно было ждать отъ дальнѣйшаго развитія пресловутаго Minnedienst, которымъ такъ гордятся нѣмцы. Немалая помѣха усвоенію здравыхъ понятій заключается и въ самой почвѣ, съ которою приходится имѣть дѣло этимъ „святителямъ пустыннымъ, вышедшимъ рано, до звѣзды“. Масса мыслящаго

мозга сравнительно еще слишком мала въ челоѣчествѣ. Остальная же почва гложетъ еще подъ колючимъ бурьяномъ предразсудковъ или подъ цѣпкими корнями только сверху подрѣзанныхъ дикихъ понятій. Къ несчастію, какъ ни трудится въ потѣ лица наука, а не придумала еще никакихъ экстирпаторовъ и корчевальныхъ машинъ для скорѣйшей расчистки умственного поля.

За этимъ больше или меньше останавливается дѣло въ наиболѣе образованныхъ странахъ земнаго шара. Въ этомъ отношеніи и мы опять-таки не отстали, что можно бы подтвердить примѣрами, если-бъ это было для кого нибудь нужно. Въ какой же мѣрѣ не отстали мы отъ просвѣщенныхъ націй въ дѣлѣ женской эмансипаціи, мы приведемъ пожалуй и примѣры, хотя, разумѣется, постараемся быть возможно-краткими. Французы могутъ сколько угодно хвалить г-жу Роланъ, г-жу Сталь; намъ это нисколько не будетъ обидно. Современницею ихъ была въ Россіи княгиня Екатерина Романовна Дашева, президентъ академіи наукъ и россійской академіи. Ужъ одинъ этотъ титулъ не доказываетъ ли, какъ быстро прониклись мы идеями Кондорсе, противъ которыхъ находится еще такое количество спорщиковъ и въ современной Франціи? Правда, княгиня смотрѣла на русскій народъ отчасти глазами коллежской секретарши Коробочки или госпожи Простаковой, и старалась даже поставить на эту точку зрѣнія Дидро; но вѣдь и въ солнцѣ есть пятна. Жоржъ Зандъ, конечно, явленіе прекрасное; но развѣ не было у насъ графини Евдокіи Петровны Растопчиной? Вспомните, какими гражданскими (и даже отчасти военными) доблестями заблестала она въ своихъ стихахъ въ приснопамятную годину крымской войны! Стихи эти печатались тогда въ „Сѣверной Пчелѣ“, которая состояла еще въ вѣдѣніи покойнаго Булгарина и его друга, и отличалась самымъ почтеннымъ направлениемъ, нынѣ къ сожалѣнію утраченнымъ. Мы не можемъ завидовать даже англійскимъ женщинамъ, которыя вотъ уже нѣсколько лѣтъ имѣютъ прекрасный органъ для распространенія здравыхъ идей объ измѣненіи образованія и положенія женщинъ въ періодическомъ изданіи „English Woman's journal“. Развѣ у насъ г-жа Ишимова не издаетъ

„Лучи“ и „Звѣздочку“? Англійскій журналъ не только издается, но и печатается, и переплетается женщинами, — и вообще ни въ чемъ не пользуется мужскимъ пособіемъ. Этого, правда, у насъ нѣтъ; но вѣдь за то „Лучи“ и „Звѣздочка“ основаны гораздо раньше „Журнала англійской женщины“. Это чего нибудь да стоитъ. Даже вопросъ о допущеніи женщинъ въ парламентъ, возбужденный въ Америкѣ и въ Англии, намъ не чуждъ. Развѣ не былъ поднятъ еще недавно споръ въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ о томъ, могутъ ли члены клуба присутствовать на его обѣдахъ съ женскими особами своего семейства? И еще въ довершеніе сходства, какъ въ Америкѣ и въ Англии, такъ и у насъ, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ голосовъ.

Но довольно. И эту краткую параллелью останутся вѣроятно многіе недовольны. Ее найдутъ, пожалуй, и пристрастной и несправедливой. Скажутъ, что мы съ злостною цѣлью упомянули г-жу Ишимову, и въ то же время забыли о Марѣѣ Посадницѣ, не сказали ничего „про Игоря и про его жену“; скажутъ, что мы нарочно не обратили вниманія на русскіе законы объ имуществѣ и о наслѣдствѣ, касающіеся женщинъ, а привели какой-то смѣхотворный фактъ о преніяхъ въ танцевальномъ клубѣ. Конечно, эти пропуски помѣшали намъ отчасти доказать съ должнымъ краснорѣчіемъ, что русскія женщины не только не отстали отъ французскихъ, англійскихъ и американскихъ, но и перегнали ихъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Но намъ кажется, на недостатокъ похвалъ себѣ русскія женщины не могутъ пожаловаться. Пушкинъ сказалъ гдѣ-то, что женщины въ Россіи „вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы (т. е. мужчины), гордые, Богъ вѣдаетъ, почему?“ Это мнѣніе, сколько мы знаемъ, было не разъ и не два повторяемо у насъ, и чуть ли не поступило въ число настоящихъ аксіомъ. Конечно, если просвѣщеніе мѣрять числомъ прочитанныхъ томовъ Александра Дюма, а подъ „вещами“, идущими въ Европѣ, разумѣть вещи въ ближайшемъ смыслѣ слова, какъ-то шляпки à la Маццини, воротнички à la Гарибальди, и т. д., русскимъ женщинамъ не остается ничего желать.

Кстати о Гарибальди. Въ послѣднемъ номерѣ журнала, издаваемого авторомъ „Армарки тщеславія“, въ одной статейкѣ о Россіи, говорится, что подвиги Гарибальди сдѣлали его чуть не кумиромъ русскихъ женщинъ. Не думайте, что это по поводу изящныхъ батистовыхъ воротничковъ съ концами крестъ-на-крестъ. Нѣтъ! авторъ англійской статьи находитъ болѣе глубокія побужденія этому поклоненію. Онъ говоритъ, что русскія женщины вообще въ высшей степени пропитаны современными идеями, и... Но неужто и этого недостаточно? Дѣйствительно, англичанину показалось мало и изъ дальнѣйшихъ словъ его, которыя были бы въ русскомъ переводѣ ужъ черезъ-чуръ дики для деликатнаго нашего слуха, можно заключить, что страна наша кишитъ такими героинями, какъ Теруанъ де Мирекуръ. Вотъ ужъ куда зашли похвалы! Что могли бы мы сказать сильнѣе? Итакъ, оставимъ невычеркнутымъ все, что можетъ показаться для многихъ слишкомъ рѣзкимъ въ нашихъ словахъ, и даже пожалуй обиднымъ.

Мы вообще плохо вѣримъ въ пользу и необходимость какихъ бы то ни было похвалъ. Похвала скорѣе сбиваетъ съ толку, отуманиваетъ; выраженіе „дымъ похвалъ“ именно за меткость свою такъ усвоилось вездѣ. Гораздо лучше и для себя и для другихъ не увлекаться черезъ-чуръ высокимъ мнѣніемъ о себѣ, что очень легко въ облакахъ эмиама, заслоняющихъ отъ насъ окружающіе предметы. Пи-оіи, сидя въ благовонномъ куревѣ, воображали, что вѣщаютъ и невѣсть какую премудрость, а говорили сущую дичь. Стоитъ только вообразить себѣ, что лучше насъ нѣтъ никого на свѣтѣ, чтобы начать дѣлать глупости или бросить всякое дѣло и погрузиться въ нарциссовское созерцаніе своихъ собственныхъ красотъ. Впрочемъ, говорятъ (опять-таки панегиристы говорятъ: вѣрить ли имъ?), что окружающій насъ воздухъ расчистился, что чувствуется вѣяніе новой жизни въ русскомъ обществѣ, что всюду пробуждается сознание своихъ недостатковъ и стремленіе къ искорененію ихъ, и т. д. Съ глубокой отрадой подмѣчаемъ мы малѣйшіе симптомы этого желаннаго возрожденія, и боимся только одного, какъ бы, отъ черезъ-чуръ частаго повторенія, возгласы о нашемъ

возрожденіи не заставили насъ слишкомъ ужъ возмечтать о себѣ.

«Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россія!»

кантъ, разумѣется, очень хорошій, и пріятно его пропѣть; но пѣть его съ утра до вечера было бы нѣсколько странно: не все же веселиться храброму Россу; надо и дѣло дѣлать.

Въ числѣ отрадныхъ симптомовъ, о которыхъ мы упомянули, указываютъ, между прочимъ, на замѣтное стремленіе къ преобразованію у насъ женскаго воспитанія. Основаны женскія гимназіи, открыты воскресныя школы для женщинъ, и проч. Собственно говоря это „и проч.“ заключается въ томъ, что три—четыре женщины постоянно посѣщаютъ лекціи петербургскаго университета по избраннымъ ими факультетамъ. Три-четыре — это, повидимому, очень не много; но признаемся, это немногое радуетъ насъ гораздо болѣе, чѣмъ основанія женскихъ гимназій и такъ называемыя преобразованія въ прежде существовавшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ такія заведенія и гимназіи имѣютъ прежде всего ту невыгоду, что хотятъ быть специально-женскими, давать специально-женское образованіе, исключая, такимъ образомъ, изъ круга познаній женщины все мужское, то есть обще-человѣческое. Мы не думаемъ сказать этимъ, что мужское образованіе у насъ блистательно, что оно во многихъ случаяхъ не специализировано тоже очень узко, — но въ общемъ оно все-таки свободнѣе, шире, даетъ болѣе возможности развиваться способностямъ, и облегчаетъ приобрѣтеніе знаній. Читателямъ „Современника“ достаточно извѣстны наши требованія относительно женскаго воспитанія и образованія. Эти требованія все болѣе и болѣе находятъ защитниковъ между людьми просвѣщенными и здравомыслящими, и мало по малу войдутъ, разумѣется, въ общее сознаніе. Но мы согласились уже называть наше время переходнымъ; до осуществленія идеала общественной гармоніи, который немислимъ для насъ безъ полной равноправности мужчины и женщины, конечно, еще далеко человѣчеству, а между тѣмъ достигнутые идеалы перестали уже его удовлетворять, — и потому теперь нужнѣе

можетъ быть, чѣмъ когда нибудь, указать средства, какъ содѣйствовать водворенію въ обществѣ новыхъ началъ и болѣе здравыхъ отношеній между двумя полами.

„Что же намъ дѣлать?“ спрашиваютъ женщины, сознавшія уже ненормальность своего домашняго и общественнаго положенія: „насъ немного; противъ насъ всѣ. Укажите намъ какой нибудь путь, какое нибудь поприще для дѣятельности, которыя служили бы залогомъ нашего лучшаго будущаго и приготовили бы общество къ воспринятію дорогаго для насъ идеала. Что намъ дѣлать?“.

Что дѣлать? убѣждать другихъ, необѣжденныхъ, словомъ и примѣромъ. Первое и самое серьезное препятствіе женщинѣ занять въ обществѣ мѣсто, принадлежащее ей по праву, это—недостатокъ образованія серьезнаго, рациональнаго, въ полномъ смыслѣ человѣческаго, а не того внѣшняго, поверхностнаго, условнаго, которое называютъ женскимъ. О другихъ препятствіяхъ мы говорить пока не будемъ, и остановимся на этомъ, главнѣйшемъ. И такъ—надо учиться, учиться въ той же мѣрѣ, въ какой учится мужчина; удачно или неудачно, это другой и второстепенный вопросъ. Надо предъявить свое право на весь тотъ кругъ знаній, который считался и къ несчастію еще продолжаетъ считаться привилегированною областью только одного мужчины. Надо выйдти изъ душевной парниковой сферы гостинныхъ интересовъ и не побояться дохнуть свободнымъ воздухомъ настоящей жизни.

Вотъ почему всѣ наши симпатіи обращены на молодыхъ женщинъ, которыя, сознавая жалость нашего женскаго образованія, не остаются при одномъ этомъ сознаніи, а начинаютъ дѣйствовать. Мы слышали за вѣрное, что одна женщина выдержала въ кievскомъ университетѣ экзаменъ на званіе врача,—слышали, что и тѣ три-четыре женщины, которыя посѣщаютъ петербургскій университетъ, хотятъ держать экзаменъ на степень кандидата. Конечно, мы не считаемъ дипломы доказательствомъ дѣйствительныхъ знаній; но они, по нашему мнѣнію, важны въ настоящемъ случаѣ, какъ осязательная такъ-сказать санкція дѣла, которое для многихъ еще въ нашемъ обществѣ кажется дикостью. Эти дипломы могутъ быть сильнымъ орудіемъ противъ антаго-

нистовъ женскаго движенія и образованія. Какъ бытъ! есть такія времена, когда нельзя еще пренебрегать, по выраженію гончаровскаго дядюшки, и „вещественными знаками невещественныхъ отношеній“.

Какъ ни проста, какъ ни законна и свята жажда просвѣщенія, въ комъ бы ни проявлялась, она, какъ извѣстно, находитъ однакожь еще много противниковъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, особенно если такую жажду проявляетъ женщина. Это, пожалуй, и объяснимо въ людяхъ мрака и невѣжества; но какъ объяснить оппозицію людей по преимуществу „просвѣщенныхъ“, представителей, худыхъ или хорошихъ, но все-таки представителей науки? Какъ объяснить, что одинъ такой представитель, чтобы отвадить молодую дѣвушку отъ слушанія лекцій естественныхъ наукъ, прибѣгаетъ къ циническимъ выраженіямъ (подслащеннымъ циническою улыбкой) при объясненіи простѣйшихъ явленій и законовъ природы? Какъ объяснить, что другой такой представитель позволяетъ себѣ сказать тоже молодой дѣвушкѣ, желающей учиться: „знаемъ мы, зачѣмъ вамъ нужно ходить въ университетъ! жениховъ ищите!“ Мужъ науки не сообразилъ даже, что съ тѣми цѣлями, которыя одни предполагаетъ въ женщинахъ его грязное воображеніе, проще ѣздить на балы, въ маскарады, мало ли куда, только ужъ никакъ не въ университетъ! Какъ объяснить наконецъ, что цѣлая компанія такихъ представителей, выслушавъ просьбу нѣсколькихъ женщинъ позволить имъ слушать лекціи археологіи, отвѣчаетъ наотрѣзъ, что это невозможно, несомѣстно съ достоинствомъ ученаго учрежденія, къ которому они имѣютъ честь принадлежать? Дѣло конечно не въ археологіи, отъ которой слушательницы едва ли были бы въ выигрышѣ; а въ принципѣ, который непризнанъ этимъ отказомъ. Какъ объяснить все это въ людяхъ „просвѣщенныхъ?“

Намъ хотѣлось бы не вѣрить этимъ фактамъ, но о нихъ не только говорили, даже печатали... Станемъ надѣяться по крайней мѣрѣ, что они будутъ повторяться все рѣже и рѣже. Станемъ также надѣяться, что мало по малу исчезнетъ и нелѣпное убѣжденіе въ какомъ-то будто бы нрав-

ственнымъ вредѣ отъ сближенія въ стѣнахъ университета молодыхъ людей обоого пола. Взаимное уваженіе, которое уже успѣло и теперь образоваться между слушателями и слушательницами здѣшняго университета, можетъ служить ручательствомъ, что такія опасенія нелѣпы. Впрочемъ, стоитъ ли говорить о нихъ? Кто можетъ соединять въ своемъ понятіи молодость и безнравственность, кромѣ людей, застарѣлыхъ въ безнравственности?

Мы не станемъ также говорить объ одномъ изъ самыхъ обыкновенныхъ возраженій противъ допущенія въ университетъ женщинъ. Это будто-бы не можетъ принести имъ никакой пользы, потому что они явятся туда безъ серьезной подготовки. Тоже толковали у насъ печатно въ защиту строгости приемныхъ экзаменовъ, и никого не убѣдили. На это возражали обыкновенно: „да вѣдь и вреда не будетъ“? Признаемся, мы удовольствовались бы и этимъ опроверженіемъ, еслибъ не видали рѣшительной пользы для женщинъ въ посѣщеніи университетскихъ лекцій. Человѣкъ, приходящій въ университетъ учиться, съумѣетъ удовлетворить своему стремленію и при слабыхъ приготовительныхъ знаніяхъ; а зачѣмъ же и пойдетъ туда женщина? Въ недостаткѣ подготовки она невиновата: негдѣ было и получить ее. Если она почувствуетъ этотъ недостатокъ, тѣмъ лучше. Отъ женщинъ, выслушавшихъ университетскій курсъ, можно и должно будетъ ждать кореннаго преобразованія первоначальнаго женскаго воспитанія, которое готовить по-пугаевъ, куколъ, все, что хотите, только не женщинъ. Подойдя ближе къ интересамъ науки, женщина въ университетѣ научится видѣть и настоящіе интересы жизни и общества; она окрѣпнетъ въ сознаніи, что истинная нравственность заключается не въ пассивной покорности, а въ самостоятельномъ развитіи своей природы; она перестанетъ видѣть добродѣтель въ своей безпомощности, и не будетъ жалкою, но сильной помѣхой истиннымъ успѣхамъ общества. Насъ укоряютъ въ недостаткѣ рѣшительности, въ отсутствіи твердыхъ характеровъ; пока женщина не будетъ идти наравнѣ съ нами, мы все будемъ отставать отъ движенія и лишать его должной силы.

Можетъ быть только въ ненормальномъ положеніи и воспитаніи женщинъ лежитъ вина тѣхъ неурядицъ, которыя дѣлаютъ наше время переходнымъ и отодвигаютъ насъ отъ цѣли. Вотъ почему хотѣлось намъ выразить надежду, что русскія женщины не останутся безучастными къ примѣру, который подають имъ молодыя дѣвушки, посѣщающія петербургскій университетъ. Какъ ни маловажно по-видимому это движеніе къ образованію, оно не должно остаться безъ слѣда. Мы вѣримъ въ способности и въ великую будущность русскихъ женщинъ.

Но кончимъ... Мы, кажется, начали уже впадать въ пагегирическій тонъ.

Джонъ Стюартъ Милль

ОБЪ ЭМАНСИПАЦИ ЖЕНЩИНЪ.

Въ статьѣ „О женщинахъ“ я обѣщаль представить взглядъ Джона Стюарта Милля на вопросъ, послыному уясненію котораго были посвящены мои замѣчанія. Исполняю теперь это обѣщаніе. вмѣсто болѣе или менѣе обстоятельнаго изложенія мыслей англійскаго автора, мнѣ казалось проще и удобнѣе сдѣлать возможно полный переводъ самой его статьи. Она очень не велика, и притомъ, какъ всякій увидитъ, въ ней нѣтъ ни лишнихъ фразъ, которыя не мѣшало бы выкинуть, ни неясностей и неточностей, которыя требовали бы поясненій и исправленій. Напротивъ, статья Милля „Объ эмансипаціи женщинъ“ представляетъ, по моему мнѣнію, замѣчательный примѣръ ясности и силы мысли, сжатости и точности выраженія. Не лишнимъ будетъ, однакожь, сказать нѣсколько словъ о ея происхожденіи.

Она была напечатана въ первый разъ въ іюлѣ 1851 г., въ „Вестминстерскомъ Обозрѣніи“, безъ подписи имени автора, по обычаю англійскихъ критическихъ журналовъ. Поводомъ къ ней было движеніе въ пользу эмансипаціи женщинъ, возникшее около этого времени съ особою силой въ Америкѣ. Статья обратила на себя всеобщее вниманіе, и авторомъ ея стали тогда же называть и въ литератур-

ныхъ кружкахъ, и даже въ печати, г-жу Стюартъ Милль, покойную жену знаменитаго экономиста. Это предположеніе подтверждено теперь имъ самимъ. Перепечатывая изъ „Вестминстерскаго Обозрѣнія“ статью о женщинахъ въ недавно-изданномъ собраніи своихъ разсужденій*), Милль говоритъ, что всѣ позднѣйшія произведенія его принадлежатъ по мысли на столько же ему, какъ и покойной его женѣ: что же касается этой статьи, она принадлежитъ ей по преимуществу, и доля участія въ ней его самого развѣ немногимъ больше доли переписчика и издателя.

Изъ одного этого указанія видно, что г-жа Милль была одною изъ замѣчательнѣйшихъ по уму и образованію женщинъ нашего времени... Тѣмъ не менѣе, какъ ни высоко цѣнить Джонъ Стюартъ Милль это прекрасное разсужденіе о правахъ женщинъ, онъ почти жалѣеть, что публика знаетъ, кто его авторъ, — жалѣеть, потому что статья лишь въ слабой степени отражаетъ рѣдкое соединеніе умственныхъ и сердечныхъ качествъ женщины, писавшей ее. Такого высокаго нравственнаго совершенства, какимъ было проникнуто все существо г-жи Милль, по словамъ мужа ея, онъ не встрѣчалъ не только въ жизни, но даже и въ книгахъ. „Она была“, говоритъ онъ: „свѣтомъ, жизнью и красой всякаго общества, въ которомъ являлась; въ основѣ характера ея лежала глубокая серьезность, результатъ соединенія впечатлительнѣйшаго и прочнѣйшаго чувства съ самыми высокими нравственными принципами. Все, что возбуждаетъ наше удивленіе, являясь порознь въ другихъ, было, казалось, собрано въ ней: здоровое и чуткое сознаніе; великодушіе, ограниченное лишь чувствомъ справедливости, часто забывавшимъ собственныя ея требованія, но никогда не забывавшимъ нужды другихъ; сердце столь широкое, столь любящее, что всякій, кто былъ способенъ возбуждать хотя слабую симпатію, всегда получалъ вдесятеро большую долю ея; въ умственной сферѣ сила и правда воображенія, тонкость пониманія, точность и изящество наблюденія, глубина мысли, и практическая разсудительность, почти непо-

*) Dissertations and Discussions, political, philosophical, and historical. By John Stuart Mill. 2 vols. London 1859.

грѣшительная. Общій уровень ея способностей былъ такъ высокъ, что высшая поэзія, философія, краснорѣчіе, искусство, казались тривіальны рядомъ съ нею, и могли выразить развѣ лишь какую нибудь небольшую часть ея души. И нѣтъ такой области положительной дѣятельности, гдѣ она не заняла бы легко высшаго мѣста, если бѣ склонность не увлекала ее по большей части быть лишь вдохновительницей, помощницей и непризнанною сотрудницей другихъ“.

Предлагаемая статья, конечно, далеко еще не исчерпываетъ вопроса, и г-жа Милль вовсе не считала ее полнымъ и всестороннимъ разсужденіемъ о предметѣ, который былъ близокъ и дорогъ ея сердцу. Она имѣла въ виду большинство читателей, хотѣла представить умамъ предубѣжденнымъ или не вдумывавшимся въ предметъ всю важность дѣла, такъ долго считавшагося окончательно порѣшеннымъ, и всю необходимость подвергнуть его новому и коренному пересмотру. Г-жа Милль ставила вопросъ о правахъ женщинъ въ число тѣхъ вопросовъ, которые требуютъ наиболѣе спокойнаго анализа, и дѣйствительно въ статьѣ ея не слышно нигдѣ того страстнаго раздраженія, какимъ проникнуто почти все, писанное до сихъ поръ въ защиту женщинъ. Строгая и сдержанная рѣчь, обращенная почти исключительно къ нашему здравому смыслу, дѣйствуетъ прочнѣе, чѣмъ голосъ энтузіазма, вызывающій не только къ уму, но и къ сердцу слушателя, хотя дѣйствіе его быстрѣе и временно сильнѣе. Къ сожалѣнію, не многіе способны строго и спокойно обсуживать вопросы, которые съ такимъ крайнимъ спокойствіемъ и безстрастіемъ выдаются массою за давно законно и безапелляціонно рѣшенные.

Госпожа Милль, по замѣчанію ея мужа, не коснулась въ своей статьѣ многихъ наиболѣе убѣдительныхъ доводовъ только потому что они выходили бы изъ обычной сферы мысли большинства. Но если бѣ она хотѣла записать всѣ свои мысли объ этомъ вопросѣ, продолжаетъ Милль, предлагаемый опытъ поблѣднѣлъ бы предъ ихъ стройной совокупностью; если бѣ она не сдерживала намѣренно своихъ чувствъ, слова ея полились бы пламеннымъ и краснорѣчивымъ потокомъ. „Что бы однакожъ ни написала она о ка-

комъ либо отдѣльномъ предметѣ, все бы нельзя было имѣть еще полнаго понятія о глубинѣ и объемѣ ея ума. Какъ въ теченіе жизни прозрѣвала она, прежде чѣмъ кто либо подзрѣвалъ ихъ возможность, событія и перемѣны, которыя десятию, двѣнадцатию годами позже становились предметомъ общаго вниманія, такъ—смѣю предсказать—если челоуѣчество будетъ продолжать совершенствоваться, нравственная исторія его въ грядущихъ вѣкахъ будетъ прогрессивною разработкой ея мыслей и исполненіемъ ея соображеній“.

Этими словами заключается предисловіе Милля къ переведенной нами статьѣ. Вспомнимъ, что такимъ же глубокимъ благоговѣніемъ къ памяти жены проникнуто посвященіе замѣчательной книги его „On Liberty“. И здѣсь онъ называетъ ее вдохновительницей а частью и авторомъ, всѣхъ лучшихъ страницъ въ своихъ произведеніяхъ. Если нѣкоторыя мѣста этой послѣдней книги не на столько удовлетворительны, какъ желалось бы автору, то это, по его словамъ, оттого, что они были уже лишены критики госпожи Милль.

Предлагая въ переводѣ ея статью о женщинахъ, я поставилъ въ заглавіи имя самого Джона Стюарта Милля только потому, что она явилась въ подлинникѣ съ его подписью.

Большая часть нашихъ читателей узнаетъ вѣроятно впервые изъ этихъ страницъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, и именно въ наиболѣе цивилизованной, наиболѣе просвѣщенной части ихъ, возникло организованное движеніе по поводу новаго вопроса... новаго и даже неслыханнаго, какъ предметъ публичныхъ сѣдокъ и практическихъ политическихъ дѣйствій. Вопросъ этотъ—освобожденіе женщинъ, признаніе за ними, по закону и на дѣлѣ, всѣхъ правъ политическихъ, гражданскихъ и общественныхъ, наравнѣ съ мужскою частью гражданъ общества.

Изумленіе, съ какимъ многіе встрѣтятъ это извѣстіе, еще болѣе усилится, когда мы скажемъ, что начавшееся движеніе не есть заступничество за женщинъ писателей и ораторовъ мужчинъ, тогда-какъ тѣ, о чьихъ интересахъ

хлопочутъ, или остаются равнодушными, или смотрятъ на эти старанія съ явною враждебностью. Это—политическое движеніе, практическое въ своихъ дѣлахъ, поднятое въ формѣ, обещающей твердость и настойчивость стремленій. И это не просто движеніе *за* женщинъ: это—движеніе *ихъ самихъ*. Первымъ публичнымъ проявленіемъ его былъ, кажется, съѣздъ женщинъ весною 1850 года въ штатѣ Огайо. Объ этомъ съѣздѣ мы не имѣемъ свѣдѣній. 23-го и 24-го октября того же года происходилъ рядъ публичныхъ митинговъ въ Ворстерѣ, въ Массачусетсѣ, подъ именемъ „Конвенціи о Правахъ Женщинъ“ (Women's Rights Convention), президентомъ которой была женщина, такъ же, какъ и всѣ почти главные ораторы; впрочемъ, значительное подкрѣпленіе имъ составляли и мужчины, между которыми находилось нѣсколько достойнѣйшихъ руководителей другаго, родственнаго этому, вопроса—объ эмансипаціи негровъ. Составилось пять комитетовъ—одинъ общій и четыре частныхъ—съ цѣлью поддерживать и вести предпріятіе до слѣдующаго годичнаго митинга.

По словамъ газеты „New-York-Tribune“ въ собраніи было больше тысячи человекъ, и „будь только выбрано болѣе обширное помѣщеніе, на немъ присутствовало бы еще нѣсколько тысячъ“. Выбранное для митинга мѣсто было, какъ говорится тамъ же, „съ самаго начала биткомъ-набито внимательными и заинтересованными слушателями“. Что касается качества произнесенныхъ рѣчей, протоколы собранія много говорятъ въ ихъ пользу по сравненію съ рѣчами, вызываемыми обыкновенно народными движеніями какъ у насъ въ Англии, такъ и въ Америкѣ. Очень рѣдко ораторство публичныхъ сходовъ представляетъ такую малую долю празднословія и декламаціи, и такой значительный перевѣсъ спокойствія, здраваго смысла и разумности. Результатъ конвенціи былъ во всѣхъ отношеніяхъ блистателенъ для ея начинателей, и, можетъ быть, конвенціи этой суждено быть первымъ шагомъ къ одному изъ важнѣйшихъ преобразованій, которыя лучше всего характеризуютъ духъ нашего времени.

Въ какой мѣрѣ виновники этого новаго движенія опираются на твердыя начала и не страшатся провозглашать

ихъ въ обширнѣйшемъ значеніи, безъ всякихъ уступокъ и компромисъ, видно изъ рѣшеній, принятыхъ конвенціей, которыя мы частью приведемъ здѣсь.

„Рѣшено—что каждое лицо, достигшее совершеннолѣтія, проживающее въ теченіе извѣстнаго времени въ предѣлахъ націи и обязанное повиноваться ея законамъ, пользуется правомъ голоса...

„Рѣшено—что женщины имѣютъ право подачи голоса и право на избраніе въ общественныя должности... и что каждая партія, изъявляющая притязаніе быть представительницею человечества, цивилизаціи и прогресса нашего времени, обязана написать на своемъ знамени: равенство передъ закономъ, безъ различія пола и цвѣта.

„Рѣшено—что гражданскія и политическія права не признаютъ разницы половъ; а потому слово „мужской“ должно быть вычеркнуто изъ конституціонныхъ актовъ всѣхъ штатовъ.

„Рѣшено—что, такъ какъ надежда занять впослѣдствіи почтенную и полезную общественную должность есть лучшее побудительное средство къ пользованію выгодами образованія, и такъ какъ лучшее образованіе получается нами въ заботахъ, обязанностяхъ и дисциплинѣ жизни; то женщинамъ невозможно ни вполне пользоваться нынѣ предоставленными имъ средствами образованія, ни находить поприще, сообразное съ ихъ способностями, пока для нихъ не будетъ открыто доступа къ различнымъ гражданскимъ должностямъ и промышленнымъ занятіямъ.

„Рѣшено—что всѣ старанія образовать женщинъ, не давъ имъ правъ, и не возбудивъ въ нихъ сознанія долга важностью отвѣтственности, лишь бесполезно потраченный трудъ.

„Рѣшено—что законы о собственности, касающіеся мужа и жены, требуютъ кореннаго пересмотра, съ тѣмъ, чтобы всѣ права между супругами были уравнены, и жена, въ теченіе жизни, могла въ равной мѣрѣ съ мужемъ располагать собственностью, приобретаемою ихъ совокупными трудами и пожертвованіями, и наследовать своему мужу въ той же точно мѣрѣ, какъ наследуетъ ей онъ, а въ случаѣ

смерти располагать по завѣщанію такую же долей ихъ соединенной собственности, какъ и онъ“.

Вотъ вкратцѣ главныя требованія:

„1) *Воспитаніе* въ приготовительныхъ и высшихъ училищахъ, въ университетахъ, въ медицинскихъ, юридическихъ и богословскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

„2) *Товарищество* въ производительной промышленности, въ трудѣ и заработкахъ, въ рискахъ и вознагражденіяхъ.

„3) *Равное участіе* въ составленіи и администраціи законовъ—муниципальныхъ, государственныхъ и національных—въ законодательныхъ собраніяхъ, судахъ и исполнительныхъ бюро“.

Трудно было бы выразить яснѣе и опредѣленнѣе свои требованія, чѣмъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами рѣшеній, не смотря на ихъ оффиціальныи слогъ. Но если къ инымъ выраженіямъ и можно придратъся, то, по нашему мнѣнію, самыя требованія едва ли могутъ вызвать возраженія. Съ юридической точки зрѣнія вопросъ представляется слишкомъ яснымъ и не требующимъ спора. Съ точки зрѣнія примѣнимости—чѣмъ строже будемъ мы разбирать его, тѣмъ важнѣе явится онъ намъ.

Что женщины не меньше мужчинъ имѣютъ личнаго права подавать голоса или занимать административныя мѣста.—этого не могутъ, разумѣется отрицать Соединенные Американскіе Штаты, какъ нація или какъ общество. Ихъ демократическія учрежденія основываются, какъ извѣстно, на прямомъ правѣ каждаго имѣть голосъ въ управленіи. Ихъ „Объявленіе независимости“, начертанное людьми, считающимися у нихъ донныи авторитетами—этотъ документъ, признанный сразу и донныи признаваемый основой ихъ управленія, начинается слѣдующимъ положеніемъ:

„Мы считаемъ очевидной и не требующей доказательствъ истиной: что Творецъ надѣлилъ всѣхъ людей нѣкоторыми неотъемлемыми правами; что въ числѣ этихъ правъ—жизнь, свобода и стремленіе къ счастью; что для обезпеченія этихъ правъ установлены между людьми правительства, истинная сила которая покоится въ соглашеніи управляемыхъ“.

Не думаемъ, чтобы кто-либо изъ американскихъ демократовъ сталъ уменьшать силу этихъ выражений толкованіемъ, что „люди“ въ достопамятномъ документѣ значатъ не всѣ человѣческія существа, а только одинъ полъ; что „жизнь, свобода и стремленіе къ счастью“ должны быть „неотъемлемыми правами“ лишь одной половины человѣческаго рода; и что „управляемые“, соглашеніе которыхъ признается единственнымъ источникомъ истинной власти, опять-таки только та половина человечества, которая, въ отношеніи къ другой половинѣ, до сихъ поръ присвоивала себѣ характеръ *правящей*. Никакія увертки не разъяснятъ этого противорѣчія между идеей и практическимъ ея примѣненіемъ. Такое же нарушеніе основныхъ правилъ своего политическаго символа допустили американцы въ отношеніи къ неграмъ; этотъ примѣръ можетъ служить имъ урокомъ. Послѣ борьбы, достойной во многихъ случаяхъ названія героической, аболіціонисты въ настоящее время стали такъ сильны числомъ и вліяніемъ, что партія ихъ беретъ перевѣсъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Люди, имена которыхъ будутъ всегда соединяться съ памятью объ искорененіи на демократической почвѣ Америки аристократіи цвѣта, явились, какъ и слѣдовало ожидать, среди начинателей, для Америки и для остальнаго міра, перваго собирательнаго протеста противъ аристократіи пола, — отличія столь же случайнаго, какъ и цвѣтъ, и столь же посторонняго для всѣхъ вопросовъ управленія.

Уравненіе женщинъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ мужчинами, это требованіе касается не однихъ американскихъ демократовъ, но и тѣхъ радикаловъ и хартистовъ на британскихъ островахъ, и тѣхъ демократовъ на материкѣ, которые требуютъ такъ-называемой всеобщей подачи голосовъ... Справедливо ли называть подачу голосовъ всеобщей, когда цѣлая половина человѣческаго рода исключена изъ нея? Говорить, что право голоса въ управленіи обще всѣмъ, и требовать его лишь для одной части—именно для той части, къ которой принадлежитъ самъ предъявляющій требованіе—не значитъ ли это отказываться отъ самой тѣни принципа? Хартисты, отказывающій женщинамъ въ правѣ подачи голоса—хартисты только потому, что не

лордъ: онъ въ этомъ случаѣ дѣлается однимъ изъ тѣхъ уравнивателей, которые хотятъ уравнивать все только не ниже себя.

Даже и у тѣхъ, кто не считаетъ голоса въ управленіи правомъ каждаго, и не раздѣляетъ принциповъ, требующихъ распространенія этого права на всѣхъ, даже и у такихъ людей есть обыкновенно традиціонныя политическія правила, съ которыми невозможно согласить исключеніе всѣхъ женщинъ изъ общихъ гражданскихъ правъ. Размѣръ налога опредѣляетъ размѣръ представительности — это аксіома англійскихъ учреждений. Даже при законахъ, отдающихъ мужу собственность жены, есть не мало незамужнихъ женщинъ, которыя платятъ налоги. Однимъ изъ основныхъ законовъ британской конституціи опредѣляется, чтобы всякій былъ судимъ своими равными; а между тѣмъ женщины, являясь на судъ, судятся мужчинами-судьями и мужчинами-присяжными. Иностранцамъ законъ даетъ преимущество требовать, чтобы половина присяжныхъ состояла изъ ихъ соотечественниковъ; не такъ относится онъ къ женщинамъ. Оставляя въ сторонѣ частныя постановленія, выражающія болѣе мѣстные и національные, нежели общечеловѣческіе интересы, мы видимъ, что всѣ признаютъ закономъ истиннаго правосудія — не устанавливать безъ необходимости унизительныхъ разграниченій. Предположенія должны постоянно клониться на сторону равенства. Слѣдуетъ представить разумныя причины, почему что-либо позволено одному и воспрещается другому. Если же запретъ касается почти всего того, что наиболѣе цѣнится тѣми, кому дозволено, и чего лишиться для нихъ всего обиднѣе; если не только политическая свобода, но и личная воля въ дѣйствіяхъ составляютъ привилегію нѣкоторыхъ; если даже въ промышленной дѣятельности почти всѣ должности, открывающія лучшимъ способностямъ широкое поприще, и ведущія къ отличіямъ, къ богатству или просто къ денежной независимости, обгорожены кругомъ, какъ исключительное достояніе господствующаго класса, и чуть не всѣ двери закрыты передъ зависимымъ классомъ, кромѣ развѣ тѣхъ, мимо которыхъ всякій, кто можетъ войти въ другія, проходитъ съ презрѣніемъ; если все это такъ, то жалкія угожденія, ко-

торыми стараются смягчить такое грубо-пристрастное распределение, не могутъ, будь они даже существенны, скрыть явную его несправедливость. Угожденія въ сторону, мы твердо убѣждены, что раздѣленіе человѣчества на двѣ половины, изъ которыхъ одна рождена господствовать надъ другою — и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ прочихъ, есть ничѣмъ не оправдываемое явленіе; въ немъ источникъ испорченности и деморализаціи какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, и оно будетъ всегда, пока останется, почти непреодолимой преградой дѣйствительному, жизненному улучшенію какъ характера, такъ и общественныхъ условій чело-вѣчества.

Развитіемъ этихъ положеній мы сейчасъ займемся. Но, прежде чѣмъ перейти къ нимъ, мы постараемся опровергнуть предварительныя возраженія, которыя могутъ возникнуть въ умѣ читателей, не вдумывавшихся въ этотъ предметъ, и помѣшать имъ серьезно и безпристрастно рассмотреть его. Главное изъ этихъ препятствій — въ тоже время и самое страшное: это — обычай. Женщины никогда не пользовались равными правами съ мужчинами. На требованіе для нихъ обще-человѣческихъ правъ смотрятъ какъ на притязаніе, несомѣстное съ житейскою практакой. Правда, этотъ крѣпчайшій изъ предрасудковъ, недовѣріе ко всему новому и неизвѣстному, утратилъ въ нашъ вѣкъ перемѣнъ много своей силы; не будь этого, мало было бы надежды одолѣть его. Въ трехъ четвертяхъ обитаемаго міра, даже въ наше время, отвѣтъ: „такъ всегда было“, оканчиваетъ всякое разсужденіе. Но къ чести современныхъ европейцевъ и ихъ американскихъ собратій слѣдуетъ замѣтить, что они знаютъ и дѣлаютъ многое, чего не знали и не дѣлали ихъ предки; и едва ли не самый неоспоримый пунктъ превосходства нашего времени надъ прежними временами заключается въ томъ, что обычай пересталъ быть такимъ какъ прежде деспотомъ надъ мнѣніями и образомъ дѣйствій, и что поклоненіе обычаю — уже отживаетъ свой вѣкъ. Необычная мысль о предметѣ, касающемся существеннѣйшихъ интересовъ жизни, всегда пугаетъ при первомъ своемъ явленіи; но стоитъ только изгладиться первому впечатлѣнію странности, — и она найдетъ себѣ слушателей и на

столько серьезную оцѣнку, на сколько умъ ихъ привыкъ вдумываться въ предметы.

Въ настоящемъ случаѣ предразсудокъ обычая держится, безъ сомнѣнія, неправой стороны. Правда, великіе мыслители разныхъ вѣковъ, отъ Платона до Кондорсе, и многіе изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашего времени горячо протестовали въ пользу уравнинія женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Были и частныя общества, духовныя и свѣтскія, между которыми наиболѣе извѣстно Общество Друзей, признававшія этотъ принципъ. Но не было еще политическаго общества или націи, въ которыхъ женщины по закону и на дѣлѣ, не находились бы въ политическомъ и гражданскомъ подчиненіи. Въ древнемъ мірѣ такого же рода фактъ приводился съ неменьшею убѣдительною въ доказательство законности рабства. Такъ же можно было оправдывать, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и смягченную форму рабства, крѣпостную зависимость. За такое же орудіе брались, чтобы ратовать противъ свободы промышленности, свободы совѣсти; ни одинъ изъ этихъ видовъ свободы не казался совмѣстнымъ съ благоустройствомъ государства, пока они не доказали своей возможности фактически. Что извѣстное учрежденіе или извѣстный образъ дѣйствій утверждены обычаемъ, — это еще не доказательство ихъ пригодности, если въ защиту ихъ неприкосновенности нельзя привести другихъ достаточныхъ причинъ. Почему подчиненіе женщинъ стало обычаемъ, понять не трудно. Кромѣ физической силы, не понадобится другихъ объясненій.

Физически слабѣйшіе должны были стать по закону подчиненными: это вполне согласно съ господствовавшимъ въ мірѣ порядкомъ вещей. До самыхъ послѣднихъ временъ господство физической силы было общимъ закономъ для человѣческихъ отношеній. Вся исторія свидѣтельствуетъ, что націи, племена, классы, чувствовавшіе себя сильнѣйшими — по мускуламъ, по богатству, или по военной дисциплинѣ — покоряли и держали въ подчиненіи остальныхъ. Даже у наиболѣе просвѣщенныхъ націй право меча перестало наконецъ считаться правомъ только съ восемнадцатаго вѣка. Войны съ завоевательною цѣлью прекратились лишь очень недав-

но... Міръ еще очень юнъ, и едва началъ сбрасывать съ себя несправедливость. Только теперь отдѣляется онъ отъ невольничества негровъ... Онъ только-что начинаетъ смотрѣть, какъ на гражданъ, на нѣкоторыхъ *мужчинъ*. Можно ли послѣ этого удивляться, что онъ еще не сдѣлалъ того же относительно женщинъ? До немногихъ послѣднихъ поколѣній неравенство отношеній было краугольнымъ камнемъ, на которомъ строилось общество; ассоціаціи, основанной на равныхъ правахъ, почти не существовало; быть равными — значило быть врагами; два лица почти не могли дѣйствовать въ чемъ нибудь совмѣстно или вступать другъ съ другомъ въ какія либо дружественныя сношенія безъ того, чтобы одинъ изъ нихъ не былъ поставленъ выше другаго. Человѣчество переросло такой порядокъ, и все тяготѣетъ теперь къ тому, чтобы законное равенство стало основнымъ принципомъ человѣческихъ отношеній, и смѣнило господство сильнѣйшаго. Но отношенія между мужчинами и женщинами, какъ тѣснѣйшія и наиболѣе интимныя, какъ соединенныя съ наибольшимъ числомъ серьезныхъ душевныхъ движеній, должны были неминуемо лишь послѣ всѣхъ другихъ отношеній отрѣшиться отъ старыхъ правилъ и принять новыя: извѣстно, что чѣмъ сильнѣе чувство, тѣмъ упорнѣе держится оно формъ и обстоятельствъ, съ которыми соединилось хотя бы даже случайно.

Когда предразсудку, хоть сколько нибудь опирающемуся на наше чувство, предстоитъ непріятная необходимость представить разумное себѣ оправданіе, ему кажется достаточнымъ воззвать, въ подкрѣпленіе спорнаго пункта, къ прежде-опредѣлившемуся чувству. Такимъ образомъ многіе думаютъ, что вполне оправдаютъ необходимость ограниченій для женской дѣятельности, если объявятъ, что занятія, изъ которыхъ женщины исключаются, „не женскія“, и что „свойственная сфера“ для женщинъ — не политическіе или общественные интересы, а частная и домашняя жизнь.

Мы отрицаемъ право одной части общества рѣшать за другую, одного лица за другое, какая именно сфера „свойственна“ для той или для этого, и какая нѣтъ. Свойственная сфера для всякаго живаго человѣческаго существа есть

обширѣйшая и высшая, какой только оно способно достигнуть. А какая именно, этого нельзя рѣшить безъ полной свободы выбора. Поэтому ораторы американской конвенціи поступили справедливо, отказавшись разбирать вопросъ о частныхъ способностяхъ мужчинъ и женщинъ, и о границахъ, въ какихъ то или другое занятіе представляется болѣе свойственнымъ тѣмъ или другимъ. Они справедливо утверждаютъ, что удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только полная независимость. Пусть всякое занятіе будетъ доступно для всѣхъ, безъ стѣсненій и безъ привилегій кому бы то ни было, и каждое дѣло попадетъ въ руки тѣхъ мужчинъ или женщинъ, которые будутъ признаны опытомъ наиболѣе способными достойно исполнять его. Нечего бояться, что женщины отнимутъ у мужчинъ дѣло; которое мужчины исполняютъ лучше ихъ. Каждый или каждая докажетъ свои способности единственнымъ путемъ, возможнымъ для доказательства способностей—опытомъ; и такимъ образомъ человечество воспользуется лучшими способностями всѣхъ своихъ членовъ. Но ставить заранѣе произвольныя границы и объявлять, что какимъ бы геніемъ, талантомъ, какою бы энергіей или силой ума ни обладало лицо извѣстнаго пола или класса, способности эти не могутъ идти въ дѣло, или могутъ быть употребляемы лишь въ нѣкоторыхъ изъ множества родовъ дѣятельности, въ которыхъ позволено пользоваться своими способностями другимъ,—объявлять это — не только несправедливость относительно лица, не только вредъ для общества, теряющаго то, безъ чего не можетъ обходиться, но и самое дѣйствительное средство, чтобы въ этомъ столь стѣсненномъ полѣ или классѣ и совсѣмъ не существовало способностей, которыми не позволено дѣйствовать.

Мы, послѣдуемъ очень дѣльному примѣру конвенціи и не станемъ входить въ вопросъ о принимаемомъ различіи въ физическихъ и нравственныхъ качествахъ между двумя полами; не оттого, что намъ нечего сказать по этому поводу, а оттого, что сказать придется слишкомъ много; чтобы обсудить удовлетворительно одинъ этотъ пунктъ, намъ недоставало бы страницъ, предназначенныхъ для обсуждения

всего предмета *). Но если, утверждая, что единственно-свойственная женщинамъ сфера — домашній бытъ, хотятъ сказать, что онѣ не выказали своихъ способностей для какой либо иной сферы, то это утверженіе обличаетъ большое незнаніе жизни и исторіи. Женщины показали свою способность къ высшимъ общественнымъ функціямъ, именно въ той мѣрѣ, въ какой допускались къ нимъ. По странной аномаліи, не считаясь годными для самыхъ скромныхъ должностей въ государствѣ, онѣ во многихъ странахъ призывались въ высшей изъ всѣхъ — къ царственной; и если есть какая дѣятельность, къ которой онѣ обнаружили рѣшительное призваніе, то это именно — управленіе государствомъ. Не заходя далеко въ исторію, мы напрасно будемъ искать правителей болѣе способныхъ и твердыхъ, чѣмъ Елизавета Англійская, Изабелла Кастильская, Марія Терезія, императрица Екатерина II. Бланка, мать Людовика I французскаго, Жанна д'Альбре, мать Генриха IV. Не многимъ королямъ приходилось быть въ болѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ, и лучше восторжествовать надъ ними. Даже въ полу-варварской Азіи, принцессы, которыхъ никогда не видалъ ни одинъ мужчина, кромѣ членовъ ихъ семействъ; съ которыми никогда не говорилъ ни одинъ мужчина, развѣ изъ-за занавѣса, — и тѣ, правительствуя во время малолѣтства своихъ сыновей, представляютъ не одинъ блистательнѣйшій примѣръ справедливаго и мощнаго правленія. Въ сред-

*) Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь превосходный отрывокъ изъ одной статьи Сиднея Смита въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи», касательно этой стороны предмета. «Много было говорено о коренной разности въ способностяхъ мужчинъ и женщинъ; утверждаютъ, будто женщины живѣе, а мужчины разсудительнѣе,—будто женщины проявляютъ болѣе тонкости въ общественныхъ отношеніяхъ, а мужчины болѣе серьезной силы и соображенія. Признаться, все это кажется намъ очень произвольнымъ разграниченіемъ. Всякій, разумѣется, видитъ разность въ пониманіи женщинъ и мужчинъ, съ которыми мы ежедневно встрѣчаемся; но навѣрное нѣтъ такого человека, который не могъ бы убѣдиться, что эта разность происходитъ отъ различія положеній, въ которыя они поставлены, а вовсе не отъ какого-то будто бы различія въ самой природѣ ума. Пока мальчики и дѣвочки бѣгаютъ по грязи и вѣтеть катаютъ обручи, они совершенно одинаковы. Раздѣлите ихъ на двѣ половины, и однихъ подчините одной системѣ дѣйствій и мнѣній, а другихъ другой, совершенно противоположной, и пониманіе ихъ будетъ, разумѣется, различно, сообразно тому, какого рода занятіе вызывало въ нихъ къ дѣятельности тотъ или иной талантъ. Кажется, не для чего вдаваться въ болѣе глубокія и отвлеченныя разсужденія для объясненія такого простаго явленія». (*Sydney Smith's Works*, т. I, стр. 260).

не вѣка, когда разстояніе между высшими и низшими классами было даже больше, чѣмъ между мужчинами и женщинами, и женщины привилегированнаго класса, хоть и подчиненныя мужчинамъ этого класса, стояли все таки ближе къ нимъ, чѣмъ кто либо, и часто въ отсутствіе ихъ служили представительницами ихъ должностей и власти, — въ средніе вѣка много геройскихъ шателенъ, какъ на примѣръ Жанна де-Монфоръ, или даже въ позднѣйшее время Карла I великая графиня Дерби, отличались не только политическими, но и военными способностями. Въ вѣка, непосредственно предшествовавшіе реформаціи и непосредственно слѣдовавшіе за нею, женщины царственныхъ домовъ, какъ дипломатки, какъ правительницы областей и даже какъ довѣренныя совѣтницы королей, равнялись первымъ государственнымъ людямъ своего времени: и камбрейскій трактатъ, даровавшій миръ Европѣ, былъ заключенъ на конференціяхъ, на которыхъ не присутствовало никого, кромѣ тетки императора Карла V и матери Франциска I.

Итакъ, о годности женщинъ для политики не можетъ быть у насъ и рѣчи: споръ можетъ скорѣе идти о годности политики для женщинъ. Если причины на которыхъ основываются, отстраняя женщинъ отъ дѣятельности въ высшихъ сферахъ жизни, разоблачить отъ ихъ декламаторскихъ фразъ, и свести къ простому выраженію ихъ смысла, окажется три главныхъ пункта: во-первыхъ, несовмѣстимость общественной дѣятельности съ материнскими обязанностями и съ домашними заботами; во-вторыхъ, предполагаемое огрубляющее вліяніе ея на характеръ; и въ третьихъ, неблагоприятность увеличенія и безъ того уже черезъ-чуръ тягостнаго совмѣстничества во всѣхъ отрасляхъ промышленной или связанной съ матеріальными выгодами дѣятельности.

Первый пунктъ, именно материнскія обязанности, обыкновенно считается самымъ сильнымъ и убѣдительнымъ, хотя (нечего, кажется, и доказывать) если это и дѣйствительно препятствіе, то оно касается лишь матерей. Ни необходимость, ни справедливость не оправдываютъ требованія, чтобы женщины были или матерями, или ничѣмъ; или, если онѣ однажды были матерями, то не должны быть ничѣмъ другимъ во все остальное время своей жизни. Ни для жен-

щинъ, ни для мужчинъ не нужно закона, который отстранялъ бы ихъ отъ какого-либо занятія, если они взялись въ то же время за другое занятіе, несовмѣстное съ первымъ. Никто еще не предлагалъ устранить мужчинъ изъ парламента потому, что мужчина можетъ быть солдатомъ, или морякомъ въ дѣйствительной службѣ, или купцомъ, дѣла котораго требуютъ всего его времени и всей его энергіи. Девять-десятыхъ изъ числа мужскихъ занятій устраняютъ мужчинъ de facto изъ публичной жизни, столь же дѣйствительно, какъ еслибы ихъ устранялъ законъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно составить законъ, который исключалъ бы даже эти девять-десятыхъ, не говоря ужъ объ остальной десятой. Это примѣняется такъ же и къ женщинамъ, какъ къ мужчинамъ. Не для чего предписывать закономъ, чтобы женщина, занимаясь веденіемъ домашняго хозяйства или воспитаніемъ дѣтей, не смѣла въ то же время заниматься никакою профессіей или не могла быть выбрана въ парламентъ. Если занятія дѣйствительно несовмѣстны, она и безъ того изберетъ изъ нихъ одно; но не большая ли, несправедливость — ради несовмѣстности какихъ либо занятій, отстранять отъ нихъ тѣхъ, для которыхъ она не существуетъ? А такихъ, будь только онѣ свободны въ выборѣ, окажется очень большое число. Защитники материнскихъ обязанностей должны отказаться отъ своихъ доводовъ относительно одинокихъ, незамужнихъ женщинъ, цѣлаго многочисленнаго и все возрастающаго класса въ народонаселеніи; этотъ фактъ — замѣтимъ кстати — уменьшая чрезмѣрную численность конкуренцій, долженъ много содѣйствовать благоденствію всѣхъ. Мы не видимъ ни непреклонной причины, ни необходимости, по которой каждая женщина, при добровольномъ выборѣ, должна непременно посвятить свою жизнь одному половому отпращиванію и его послѣдствіямъ. Множество женщинъ только потому жены и матери, что для нихъ не открыто другаго поприща, нѣтъ другаго занятія ихъ чувству и дѣятельности. Всякое улучшение въ ихъ воспитаніи, всякое развитіе ихъ качествъ, все, что дѣлаетъ ихъ болѣе способными для инаго рода жизни, увеличиваетъ число тѣхъ, для кого невозможность выбирать — есть оскорбленіе и угнетеніе. Говорить, что жен-

щины должны быть исключены изъ публичной дѣятельности, потому что материнскія обязанности лишаютъ ихъ возможности участвовать въ ней, не значить ли это утверждать, что всякое другое поприще должно быть запрещено имъ, съ тѣмъ, чтобы материнскія обязанности были единственною ихъ чредой?

Но—по второму пункту—предоставить женщинамъ одинаковую съ мужчинами свободу въ занятіяхъ, считается вреднымъ потому, что это увеличило бы толпу конкурентовъ, и тѣмъ затруднило бы доступъ почти ко всѣмъ родамъ дѣятельности и уронило бы вознагражденіе за трудъ. Этотъ доводъ—слѣдуетъ замѣтить—не простирается на политическую сферу. Онъ не извиняетъ устраненія женщинъ отъ правъ гражданства. Онъ не касается подачи голоса, скамьи присяжныхъ, участія въ законодательствѣ и въ администраціи. Онъ можетъ быть приложенъ лишь къ промышленной части предмета. Допустимъ съ экономической точки зрѣнія, что доводъ этотъ вполнѣ убѣдительно; допустимъ, что предоставить женщинамъ занятія, составляющія теперь монополію мужчинъ, значить стараться, какъ и при уничтоженіи другихъ монополій, о пониженіи вознагражденія въ этихъ занятіяхъ; но посмотримъ, въ какой мѣрѣ дурень такой результатъ, и чѣмъ онъ можетъ вознаградиться. Худшее, что можно предположить (хотя едва ли въ дѣйствительности было бы такъ худо), это—что при конкуренціи женщинъ съ мужчинами, женщина и мужчина вмѣстѣ не могутъ заработать больше, чѣмъ зарабатываетъ теперь одинъ мужчина. Сдѣлаемъ такое предположеніе, елико-возможно самое неблагоприятное: соединенные доходы двоихъ будутъ таковы же, какъ и прежде; только женщина изъ положенія слуги возвысится до положенія компаньона, товарища. Даже если бы каждой женщинѣ, при настоящемъ положеніи дѣла, необходимъ былъ мужчина для ея поддержки,—то все-таки не въ тысячу ли разъ было бы лучше, если бы часть дохода приходилась на трудъ женщины, хотя бы вся сумма дохода лишь немного возвысилась; не въ тысячу ли разъ было бы это лучше, чѣмъ отстранять женщину и устанавливать, чтобы мужчины были единственными работниками и единственными распорядителями заработаннаго? Даже при

теперешнихъ законахъ касательно собственности женщинъ,—та женщина, которая содѣйствуетъ матеріально поддержкѣ семьи, не можетъ быть предметомъ такой зависимости, какъ женщина, зависящая въ средствахъ существованія отъ мужчины, хотя бы она работала въ домѣ больше батрачки *). Что касается пониженія заработной платы отъ увеличенія конкуренціи, лекарство найдти будетъ не трудно. Палліативныя средства можно употребить и немедленно; напимѣръ, съ большею строгостью отстранять дѣтей отъ промышленнаго труда въ тѣ годы, когда они должны работать лишь для укрѣпленія тѣла и ума своего на слѣдующій возрастъ. Дѣти по необходимости состоятъ въ зависимости и подѣ властью другихъ, и трудъ ихъ, доставляя выгоды не имъ, а ихъ родителямъ, можетъ и долженъ быть устраненъ закономъ. Глядя на будущее съ надеждою, мы не можемъ вѣрить, чтобы всегда продолжалось несоразмѣрное размноженіе, и, какъ слѣдствіе его, чрезвычайная трудность добывать средства существованія. Но пока конкуренція составляетъ еще общій законъ человѣческой жизни, устранять половину конкурентовъ—не значить ли дѣйствовать тиранически? Всѣ, достигшіе совершеннолѣтія, имѣютъ равное право на позволеніе пользоваться плодами какого бы то ни было полезнаго труда, на который они способны, и получать за него плату, какую онъ можетъ принести.

Третье возраженіе противъ участія женщинъ въ политической жизни,—признаваемая за нею способность загроублять,—относится ко временамъ уже прошедшимъ, и едва ли будетъ многимъ понятно въ наше время. Правда, есть еще люди, утверждающіе, что свѣтъ и его занятія дѣлаютъ людей эгоистами и безчувственными; что тревоженія, соперничества и столкновенія дѣловыя и политическія дѣлаютъ ихъ черствыми и непривѣтливими; что если половина че-

*) Поистинѣ ужасное дѣйствіе существующаго законодательства посреди низшихъ и работающихъ классовъ населенія представляютъ случаи отвратительно-жестокаго обращенія работниковъ съ женами, случаи, которыми наполненъ каждый листъ газетъ, каждый отчетъ полиціи. Бездѣльники, не годные ни для какой, даже малѣйшей власти надъ чѣмъ-либо живымъ, помываютъ беззащитную женщину, какъ домашнюю рабой. Этихъ печальныхъ явленій не встрѣчалось бы, еслибъ женщина могла и зарабатывать средства для жизни, и пользоваться правомъ владѣнія надъ частью семейнаго дохода.

ловѣческаго рода поневолѣ и неминуемо должна вращаться въ этой средѣ, то тѣмъ необходимѣе, чтобы другая половина была свободна отъ ея вліянія; что охранить женщинъ отъ дурнаго вліянія свѣта есть единственное средство не дать мужчинамъ подчиниться ему совершенно.

Въ этомъ доводѣ могла быть доля справедливости, когда міръ былъ еще въ періодѣ господства насилія, когда жизнь была полна физическихъ столкновеній, и каждый принужденъ былъ оплачивать за обиды, нанесенныя ему другими, мечомъ или силою своей руки. Женщины, какъ и жрецы, были изъяты отъ этой отвѣтственности и отъ нѣкоторой доли сопровождавшихъ ее опасностей, и тѣмъ были, можетъ быть, способны производить благотворное вліяніе. Но, при теперешнихъ условіяхъ челоѣческой жизни, мы не знаемъ, гдѣ эти суровыя вліянія, которымъ подвергаются мужчины и отъ которыхъ избавлены женщины. Въ наше время рѣдки личныя стычки, даже и съ мирнымъ оружіемъ въ рукахъ; личныя вражды и соперничества играютъ малую роль въ общественныхъ дѣлахъ; теперь людямъ приходится бороться съ общею силою обстоятельствъ, а не съ враждебною волей одной личности. Такой гнетъ, если онъ чрезмѣренъ, сокрушаетъ умъ, сдавливаетъ и отравляетъ сердце, но не у однихъ женщинъ, а такъ же и у мужчинъ, ибо они терпятъ, разумѣется, не меньше отъ этихъ золь. Ссоры и вражды все еще есть, но источники ихъ измѣнились. Феодалный владѣтель видѣлъ нѣкогда злѣйшаго себѣ врага въ своемъ могущественномъ сосѣдѣ, министръ или царедворецъ—въ своемъ соперникѣ по мѣсту; но несогласіе интересовъ жизни перестало быть причиною личной враждебности; враждебныя отношенія возникаютъ въ наше время не отъ большихъ, а отъ малыхъ причинъ, больше отъ того, что говорится другъ про друга, чѣмъ оттого, что дѣлается другъ съ другомъ; и если существуютъ ненависть, злоба и всякаго рода неблагодушіе, то существуютъ они настолько же между женщинами, какъ и между мужчинами. При настоящемъ состояніи цивилизаціи, убережь женщинъ отъ грубыхъ вліяній свѣта можно только удаливъ ихъ совсѣмъ изъ всякаго общества. Для обыденныхъ обязанностей нашей частной жизни, какъ она устроена теперь, женщинѣ нужна

слабость, а не какая либо иная нѣжность. Конечно, давно бы пора перестать считать какою-то красотой и привлекательнымъ качествомъ слабый умъ въ слабомъ тѣлѣ.

Но, по правдѣ, ни одинъ изъ этихъ доводовъ, ни одно изъ этихъ соображеній не касаются основаній предмета. Настоящій вопросъ въ томъ, справедливо ли и полезно ли, чтобы цѣлая половина челоѣческаго рода находилась всю свою жизнь въ невольномъ подчиненіи другой половинѣ. Если лучшее состояніе челоѣческаго общества требуетъ раздѣленія его на двѣ части, изъ которыхъ одна должна состоять изъ лицъ съ волей и самостоятельностью, а другая изъ ихъ смиренныхъ товарищей, связанныхъ съ ними ради воспитанія *ихъ* дѣтей, и украшенія и устройства *ихъ* дома; если таково назначеніе женщинъ, то не милость ли воспитывать ихъ для этого, внушать имъ, что высшее доступное имъ счастье—быть избранными для помянутой цѣли кѣмъ нибудь изъ мужчинъ, и что всѣ другія поприща, считающіяся въ свѣтѣ счастливыми и почтенными, заперты для нихъ закономъ—не общественныхъ условій, а природы и судьбы?

Если мы спросимъ, однакожь, почему существованіе одной половины челоѣчества должно быть просто лишь дополненіемъ существованія другой половины; почему каждая женщина должна быть лишь просто принадлежностью мужчины и не имѣть никакихъ собственныхъ интересовъ, которые могли бы войти въ состязаніе съ его интересами и съ его удобствами, — отвѣтъ на это одинъ: такъ нравится мужчинамъ. Имъ пріятно, чтобы мужчины жили самостоятельно, а женщины существовали лишь для нихъ; качества же и направленіе подчиненныхъ, пріятныя для высшихъ, такъ твердо устанавливаются послѣдними, что и тѣ начинаютъ видѣть и долго видятъ въ нихъ дѣйствительную свою добродѣтель. Эльвесіусу пришлось слышать не мало упрековъ за мнѣніе, что люди считаютъ обыкновенно добродѣтелями качества, полезныя или пригодныя имъ самимъ. Какъ вѣрно это относительно челоѣчества вообще, лучше всего видно изъ того, какъ міръ убѣжденъ донынѣ, что главная добродѣтель женщины есть покорство мужчинѣ. Признавая въ теоріи общій для обоихъ половъ кодексъ нравственности,

на практикѣ считаютъ однакожь самостоятельность и сознательность воли и дѣйствій добродѣтелями мужскими, а самоотреченіе, терпѣніе, покорство и подчиненіе силѣ, даже если сопротивленіе требуется въ интересѣ другихъ, а не въ своемъ собственномъ, эти качества признаютъ въ одинъ голосъ существеннѣйшими обязанностями и украшеніемъ женщинъ. Смыслъ этого тотъ, что сила ставитъ себя центромъ нравственнаго обязательства, и что мужчинѣ пріятно имѣть свою волю, но непріятно видѣть разногласіе съ нею въ волѣ его домашняго товарища.

Мы не думаемъ утверждать, что въ наше цивилизованное время сторона сильнѣйшая не признаетъ взаимности обязательства. Но даже эта взаимность, изгладившая, по крайней мѣрѣ въ высшемъ и среднемъ классахъ, наиболѣе возмутительныя черты тирани, — касаясь существеннаго зла подчиненнаго положенія женщинъ, ввела новое серьезное зло.

Въ первобытныя времена и у племенъ, стоящихъ еще и теперь на первой ступени развитія, женщина была и есть рабою мужчины въ смыслѣ работницы. Весь тяжелый физическій трудъ падаетъ на нее. Австралійскій дикарь лѣзится, а женщины трудятся въ потѣ лица надъ выкапываніемъ корней, которыми онъ питается. Американскій индеецъ, убивши оленя, оставляетъ его на мѣстѣ и посылаетъ женщину притащить его домой. На нѣсколько высшей степени развитія, какъ напримѣръ въ Азіи, женщины порабощались и порабощаются мужчинами въ угоду своей чувственности. Въ Европѣ, еще въ раннія времена исторіи, видимъ мы третій и болѣе мягкій образъ господства, упроченнаго не кулаками, не замками и затворами, а неуслышными нравственными внушеніями; чувства кротости и идеи долга, какія можетъ внушить мужчина женщинѣ, находящейся подъ его покровительствомъ, входили все болѣе и болѣе въ отношенія между обоими полами. Но отношенія эти, въ теченіе вѣковъ, не превращались въ товарищескія, какія могутъ быть даже и между неравными. Двѣ жизни не сливались въ одну, а шли раздѣльно. Жена была частью домашняго убранства, комфортомъ дома, куда возвращался мужъ отъ дѣла или отъ удовольствія. Занятія сво-

дили его съ мужчинами, какъ и теперь; удовольствія и забавы его были большею частью тоже въ кругу мужчинъ, въ кругу равныхъ. Онъ былъ главою и полновластнымъ распорядителемъ въ четырехъ стѣнахъ, и эта безответственная власть не оставалась безъ вліянія на него: больше или меньше, смотря по натурѣ, но онъ становился деспотомъ, ставилъ выше всего свои требованія, смотрѣлъ на себя съ какимъ-то самообожаніемъ, а подчасъ дѣлался и капризнымъ или жестокимъ тираномъ. Но это ухудшеніе нравственной стороны его природы не было неминуемо связано съ соразмѣрнымъ ухудшеніемъ умственной или практической стороны. Онъ могъ обладать и силой ума, и энергіей характера, какими только былъ одаренъ отъ природы и какія только можно было ему проявлять въ обстоятельствахъ своего времени. Онъ могъ писать „Потерянный Рай“, выигрывать сраженіе при Маренго. Таковы были житейскія условія грековъ и римлянъ, и новыхъ народовъ до недавняго времени. Ихъ отношенія къ домашнимъ своимъ подчиненнымъ занимали лишь небольшой, хоть и дорогой, уголокъ въ ихъ жизни. Ихъ мужественное воспитаніе, образованіе ихъ характера и способностей зависѣло главнымъ образомъ отъ инаго рода вліяній.

Не то теперь. Постепенные успѣхи цивилизаціи заставляютъ всѣхъ пользующихся властью домашнею понимать необходимость взаимныхъ обязательствъ. Ни одинъ мужъ не думаетъ уже теперь, что жена его не вправѣ касаться его дѣйствій, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ онъ самъ удостоить ее права голоса. Всѣ добросовѣстные мужья считаютъ свой долгъ относительно женъ однимъ изъ священнѣйшихъ обязательствъ. Этотъ долгъ, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, состоитъ не въ одномъ только покровительствѣ, которое, при настоящемъ положеніи цивилизаціи, почти перестало быть необходимо женщинамъ; нѣтъ, онъ заключается въ заботѣ о ихъ счастіи, во вниманіи къ ихъ желаніямъ, нерѣдко даже съ принесеніемъ имъ въ жертву своихъ собственныхъ желаній. Власть мужей теперь на той степени, когда общество не задаетъ еще себѣ вопроса о правотѣ власти, или задаетъ лишь въ теоріи, на практикѣ же только порицаетъ ея эгоистическія проявленія. Это улуч-

шеніе моральнаго чувства въ человѣчествѣ, это разившееся понятіе объ уваженіи, которымъ каждый обязанъ относительно тѣхъ, кто видитъ въ немъ свою опору, эти нравственные успѣхи клонились къ тому, чтобы все болѣе и болѣе сосредоточивать интересы наши у домашняго очага, и давать домашнимъ обстоятельствамъ и домашнему кругу все болѣе и болѣе широкое мѣсто въ жизни, въ ея заботахъ и наслажденіяхъ. Стремленіе это усилилось отъ измѣненія вкусовъ и нравовъ, которое такъ замѣтно въ двухъ-трехъ послѣднихъ поколѣніяхъ. Давно ли мужчины находили удовольствіе и проводили время въ грубыхъ физическихъ упражненіяхъ, въ буйномъ веселіи и невоздержанности? Теперь они утратили страсть къ подобнаго рода препровожденію времени и вообще ко всѣмъ грубымъ забавамъ, и она осталась еще развѣ только въ самыхъ бѣдныхъ классахъ; теперь почти нѣтъ у мужчинъ слонностей, которыя не были бы общи и женщинамъ, и въ первый разъ отъ начала міра мужчины и женщины стали дѣйствительно товарищами. Переѣмна въ высшей степени благотворная, будь это товарищество между равными, но, существуя между неравными, оно (какъ замѣчали внимательные наблюдатели, не угадывая впрочемъ причины явленія) производитъ постепенное ослабленіе въ мужчинахъ тѣхъ качествъ, которыя до сихъ поръ считались главными мужскими преимуществами. Тѣ, кого такъ заботить, чтобы женщины не сдѣлались мужчинами, не замѣчаютъ, что то, что они пророчили женщинамъ, совершается съ мужчинами, — что они впадаютъ въ слабость, которую такъ долго воспитывали въ своихъ подругахъ. Тѣсная связь въ жизни между двумя лицами мало по малу уподобляетъ ихъ характеры. При нынѣшнихъ близкихъ отношеніяхъ между обоими полами, мужчины не могутъ сохранить мужественности, пока не приобрѣтутъ ея женщины.

Жить въ обществѣ существъ, которыя ниже насъ умственными дарами, и искать по-преимуществу ихъ сочувствія—что можетъ быть неблагопріятнѣе этого положенія для поддержки въ насъ высоты характера и силы ума? Отчего мы постоянно видимъ вокругъ себя людей, такъ много общающихся въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ,

и потому не представляющихъ и половины того, что можно было ожидать отъ нихъ? Не оттого ли, что имъ приходилось развиваться въ кругу, который стоялъ ниже ихъ, и способности ихъ не возбуждались и не совершенствовались въ состязаніи съ равными или стоявшими выше ихъ? Въ настоящемъ положеніи общественной жизни такія условія становятся общими для всѣхъ мужчинъ. Они все менѣе и менѣе заботятся о какихъ бы то ни было симпатіяхъ, все менѣе и менѣе подчиняются какимъ бы то ни было личнымъ вліяніямъ, внѣ симпатій и вліяній домашняго круга. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны прямо сказать, что не думаемъ, чтобы женщины и въ настоящее время были умственно ниже мужчинъ. Есть женщины, равныя по уму любому изъ когда-либо существовавшихъ мужчинъ,—и если мы станемъ сравнивать обыкновенныхъ женщинъ съ обыкновенными мужчинами, то найдемъ, что разнообразныя, хотя и мелкія занятія, выпадающія на долю большей части женщинъ, вызываютъ вѣроятно не менѣе умственнаго соображенія, чѣмъ однородная рутина обычныхъ занятій большинства мужчинъ. Если сообщество женщинъ, какихъ образуетъ теперешнее ихъ положеніе, такъ часто производитъ губительное вліяніе на высокія способности и стремленія мужчинъ, то это не потому, чтобы самыя способности женскія были мелки, а потому, что изоцраются лишь на мелкихъ предметахъ и интересахъ. Если женщина не знаетъ и не цѣнитъ великихъ идей и цѣлей, украшающихъ жизнь, или ихъ примѣненій, а знаетъ и цѣнитъ только свои личные интересы и личные суетныя требованія, понятно, что, за немногими исключеніями, ея сознательное, а тѣмъ паче безсознательное вліяніе если не совсѣмъ истребитъ въ умѣ мужчины, то отодвинетъ на второй планъ интересы, которые ей чужды.

Здѣсь мы невольно становимся лицомъ къ лицу съ такъ называемыми умѣренными преобразователями женскаго воспитанія; людямъ этого разряда хочется удержать старыя принципы, и въ то же время смягчить ихъ послѣдствія. Эти люди говорятъ, что женщина не раба, не служанка, а подруга мужчины, и должна быть воспитана сообразно этому назначенію (они не говорятъ, чтобы мужчина воспи-

тывался съ цѣлю быть другомъ женщины). Но неразвитая женщина — плохая подруга для образованнаго мужчины, принимающаго участіе въ интересахъ внѣ и выше домашней сферы, и желающаго, чтобы подруга его сочувствовала ему относительно этихъ интересовъ; зная это, рыцари полумѣръ говорятъ: пусть женщины образуютъ свои понятія и свой вкусъ, приобрѣтаютъ общія познанія, занимаются поэзіей, искусствомъ, даже кокетничаютъ съ наукой! Нѣкоторые простираютъ свои милости такъ далеко, что прибавляютъ: пусть онѣ знакомятся съ политикой, не съ спеціальною цѣлю, а чтобы достаточно интересоваться предметомъ и умѣть поддержать разговоръ съ мужемъ, или по крайней мѣрѣ, чтобы понимать и усваивать его мудрость. Конечно, это очень ему пріятно, но къ сожалѣнію вовсе не способствуетъ его совершенствованію. Въ умственномъ общеніи только съ тѣми, кому можно предписывать законы, заключается причина, что столь немногіе продолжаютъ подвигаться впередъ въ знаніи, а не остаются на первыхъ его ступеняхъ. Самые достойные люди перестаютъ совершенствоваться, оставаясь въ сообществѣ лишь со своими учениками. Если они возвысились надъ непосредственно окружающими ихъ людьми, и хотятъ продолжать возвышаться, имъ слѣдуетъ искать иного круга, въ уровень съ собой. Умственное товарищество способствуетъ нашему совершенствованію, если представляетъ взаимодѣйствіе дѣятельныхъ умовъ, а не простое соприкосновеніе ума активнаго съ умомъ пассивнымъ. Неисчислимыя выгоды подобнаго общенія мы видимъ, и теперь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда серьезно-развитый мужчина соединяется съ такъ же серьезно-развитою женщиной. Мы видѣли бы ихъ и гораздо чаще, еслибъ воспитаніе старалось также серьезно развивать умъ женщинъ, какъ старается останавливать его развитіе. Современныя и, разумѣется, усовершенствованныя и просвѣщенные методы воспитанія отвергаютъ, на словахъ, воспитаніе лишь внѣшнее, на показъ, и провозглашаютъ необходимость серьезнаго образованія, но подъ этимъ серьезнымъ образованіемъ разумѣютъ поверхностныя познанія о серьезныхъ предметахъ. Кромѣ благовоспитанныхъ манеръ, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, приобрѣтаются лучше всего безъ

всякаго ученія, женщинъ ничему серьезно не учатъ. Намѣренія и желанія образованія женщинъ ограничиваются жалкою долей изъ того, чему рѣшаются серьезно учить мальчиковъ. Разумными существами дѣлаетъ насъ сила мысли: побужденія, вызывающія эту силу, заключаются въ интересѣ и достоинствѣ самой мысли и въ пользѣ ея для практическаго примѣненія. Оба эти побужденія отнимаются у женщинъ: съ дѣтства твердятъ имъ, что мысль и всѣ ея важнѣйшія примѣненія — не ихъ дѣло, а имъ надо только стараться о томъ, чтобы быть пріятными для мужчинъ. Высокая сила ума въ женщинѣ будетъ исключительною случайностью до тѣхъ поръ, пока для нихъ не откроются всѣ поприща; до тѣхъ поръ, пока онѣ, какъ мужчины, не станутъ воспитываться для себя и для общества въ обширномъ смыслѣ, а не для другаго только пола, какъ теперь.

Говоря о послѣдствіяхъ подчиненнаго положенія женщинъ, при настоящемъ порядкѣ супружеской жизни, мы имѣли въ виду лишь наиболѣе благопріятные случаи, именно тѣ, которые дѣйствительно хоть немного приближаются къ идеалу отношеній между двумя существами разныхъ половъ — къ союзу и сліянію воедино характеровъ и существованій. Но если мы взглянемъ на огромное большинство случаевъ, послѣдствія подчиненія женщинъ на характеръ какъ ихъ самихъ, такъ и мужчинъ, представляются намъ въ гораздо болѣе мрачныхъ краскахъ. Мы говоримъ не о жестокости обращенія, не о власти мужа надъ тѣмъ, что зарабатываетъ жена... У насъ вовсе нѣтъ желанія убѣждать тѣхъ, которые требуютъ доказательствъ, что эти факты слѣдуетъ отвратить. Мы беремъ середину, именно тѣ случаи, гдѣ нѣтъ полнаго общенія, но нѣтъ и полнаго разобщенія между чувствами и характерами, — и утверждаемъ, что въ этихъ случаяхъ подчиненіе женщины производитъ дурное вліяніе на характеръ обоихъ.

По обще-принятому мнѣнію, каково бы ни было умственное развитіе женщинъ, нравственное вліяніе ихъ на мужчинъ почти всегда благотѣльно. Говорятъ обыкновенно, что оно противодѣйствуетъ эгоизму. Каково бы ни было вліяніе личное, самое положеніе таково, что должно въ значительной степени развивать эгоизмъ. Самый ничтож-

нѣйшій изъ мужчинъ, человѣкъ, который нигдѣ не можетъ пользоваться ни значеніемъ, ни вліяніемъ, находить-таки мѣсто, гдѣ онъ глава и начальникъ. Есть-таки одно лицо, часто значительно превосходящее его умственно, которое обязано спрашивать его совѣта, и котораго онъ не обязанъ спрашиваться. Онъ судья, распорядитель и правитель въ ихъ общихъ интересахъ, посредникъ всѣхъ между ними разногласій. Правосудіе или совѣсть, къ которымъ должна прибѣгать въ этомъ случаѣ женщина — его совѣсть и его правосудіе: вѣсы въ его рукахъ; онъ рѣшаетъ, чьи требованія или желанія перетянули на нихъ, его ли, или ея. Это единственный судъ во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, гдѣ судья и подсудимый совмѣщаются въ одномъ лицѣ. Въ подобномъ положеніи человѣкъ великодушный способенъ наклонить вѣсы въ чужую сторону и дать другому лицу больше, чѣмъ справедливое равенство съ собой; такимъ образомъ слабѣйшей сторонѣ дается возможность обращать самый фактъ подчиненности въ орудіе власти, и, за отсутствіемъ справедливости, извлекать изъ великодушія малодушныя выгоды, дѣлая неправую власть бременемъ для того, кто не пользуется ею эгоистически. Что же, если такую власть, безъ взаимности и безъ отвѣтственности, облечены люди посредственные? Подайте такому человѣку мысль, что онъ старшій по закону и по общему мнѣнію, что его дѣло — хотѣть, а дѣло жены — повиноваться, и неужто вы думаете, что эта мысль только скользнетъ по его уму, а не западетъ въ него, не произведетъ своего дѣйствія на его чувства и его поступки? Наклонность выдвинуть на первый планъ себя и свое значеніе, а другихъ поставить по малой мѣрѣ хоть на второе мѣсто, кажется, не можетъ быть рѣдкостью: все точно нарочно устроено, чтобы поощрять и оправдывать такія наклонности. Если въ мужчинѣ есть хоть малѣйшее своенравіе, онъ становится сознательно или безсознательно домашнимъ деспотомъ. Правда, жена часто добивается своего, но не иначе, какъ разными окольными средствами и ухищреніями.

Такимъ образомъ это положеніе одинаково портитъ обоихъ: въ одномъ поражаетъ пороки власти; въ другой — пороки изворотливости. Женщины, въ настоящемъ физическомъ и

моральномъ ихъ состояніи — будь у нихъ болѣе серьезныя побужденія — конечно были бы открытѣе и прямѣе мужчинъ въ своихъ дѣйствіяхъ; а между тѣмъ старыя присловья и преданія представляютъ ихъ хитрыми и притворщицами. Отчего же это? Оттого, что окольные дороги для нихъ единственный путь къ цѣли. Во всѣхъ странахъ, гдѣ у женщинъ твердыя желанія и дѣятельный умъ, такое послѣдствіе неизбѣжно, — и если оно не такъ замѣтно въ Англии, какъ въ другихъ мѣстахъ, то это потому, что англійскія женщины, за случайными исключеніями, перестали обладать твердыми желаніями и дѣятельнымъ умомъ.

Мы говоримъ не о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ встрѣчается нѣчто заслуживающее названіе серьезнаго чувства съ обѣихъ сторонъ. Такое чувство, если оно дѣйствительно есть, двигатель сильный, и не можетъ не измѣнить въ значительной степени дурныя вліянія положенія; но, тѣмъ не менѣе, оно рѣдко уничтожаетъ ихъ совершенство. Гораздо чаще дурныя вліянія слишкомъ сильны передъ чувствомъ, и губятъ его. Въ высшей степени прочныя и счастливыя привязанности встрѣчались бы во сто разъ чаще, чѣмъ теперь, если бы чувствомъ; соединяющимъ оба пола, была та истинная дружба, которая существуетъ лишь между равными по правамъ и по способностямъ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ въ брачныхъ союзахъ обыденное и почти механическое чувство пріязни, и удовольствіе быть другъ съ другомъ, которыя обыкновенно возрастаютъ при постоянномъ сожителствѣ, если только нѣтъ дѣйствительнаго отвращенія съ которой нибудь стороны. Тутъ нечему ни одолѣть, ни умѣрить неблагоприятное вліяніе неравныхъ отношеній. Такія чувства свидѣлствуютъ только о гибкости человѣческой природы, которая въ извѣстной степени приравнивается ко всякимъ обстоятельствамъ, и чѣмъ она обыкновеннѣе, тѣмъ эти уступки ей легче.

Что касается личнаго вліянія женщинъ, оно безъ сомнѣнія, умѣряетъ въ мужчинахъ грубость и жестокость; въ болѣе грубыя времена оно было часто единственнымъ смягчающимъ вліяніемъ, которому они поддавались. Но въ мнѣніи, что вліяніе жены дѣлаетъ человѣка менѣе эгоистомъ, столько же, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей справедливаго,

какъ и ошибочнаго. Эгоизмъ дѣйствительно клонится къ уступкамъ въ отношеніи къ самой женѣ и къ тѣмъ, кто ей дорогъ, къ дѣтямъ, хотя ея подчиненіе и поддерживаетъ его. Но вообще ея вліяніе на мужа, пока интересы ея сосредоточиваются въ семьѣ, направлено лишь на замѣну эгоизма личнаго—эгоизмомъ семейнымъ, прилично заоправдываемымъ требованіями долга. Какъ рѣдко клонится вліяніе жены къ поддержкѣ общественныхъ добродѣтелей! какъ рѣдко находить въ ней что либо, кромѣ неодобренія, каждый рѣшительный шагъ, отъ котораго можетъ пострадать частный интересъ или суетное значеніе семьи! При нынѣшнемъ воспитаніи и положеніи женщинъ, рѣже всего, изъ всѣхъ достоинствъ, встрѣтите вы въ нихъ общественный духъ, сознаніе своихъ обязанностей относительно общественнаго блага; въ нихъ рѣдко встрѣчается даже то сознаніе личной чести, соединенной съ общественною обязанностью, которое часто замѣняетъ въ мужчинахъ собственно общественный духъ. Не мало такихъ случаевъ, гдѣ мужъ весь отдается жалкой свѣтской суетѣ и тщеславію, потому что къ нимъ склонна жена. Тоже и въ дѣлѣ нравственныхъ убѣжденій. Женщина ограничивается повтореніемъ общихъ мѣстъ, и проявляетъ самый поверхностный и снисходительный взглядъ на вещи, или не противорѣчающій признанному авторитету, или наиболѣе удобный для пріобрѣтенія свѣтскихъ успѣховъ. Въ Англіи жены принимаютъ болѣею частью сторону анти-популярнаго направленія, такъ какъ на этой сторонѣ обыкновенно личный интересъ и тщеславіе. Даже мужчина, женившись, считаетъ своей обязанностью стоять на этой же сторонѣ. Что касается умственнаго совершенствованія, то—за исключеніемъ тѣхъ низшихъ соображеній, которыя вызываются тщеславіемъ и самолюбіемъ—мужчина обыкновенно перестаетъ развиваться, соединяясь съ женщиной, которая умственно стоитъ ниже его: развѣ только онъ несчастливъ въ супружествѣ, или охладѣетъ къ женѣ. Отъ человѣка лѣтъ двадцати-пяти, тридцати, послѣ того, какъ онъ женился, опытный наблюдатель рѣдко станетъ ждать какого либо успѣшнаго развитія въ умственномъ или нравственномъ отношеніяхъ. Хорошо еще, если сохраняется прежнее развитіе, и человѣкъ пойдетъ вспять. Рѣдко остается

на нѣкоторое время живую и не гаснетъ тотчасъ же послѣдняя искра *mentis diviniore*, которая иначе могла бы разгорѣться въ свѣтлое пламя. Умъ, способный удовлетворяться тѣмъ, что онъ есть, не стремящійся безустанно къ высшимъ степенямъ совершенства, становится вялымъ, самодовольнымъ, и утрачиваетъ ту упругость и твердость, которая могла бы поддержать его хоть на прежде-достигнутой точкѣ. Постоянный опытъ указываетъ намъ, какъ на неизмѣнный фактъ человѣческой природы, что всѣ общественныя или личныя вліянія, не возвышающія человѣка, понижаютъ его; что какъ скоро они не возбуждаютъ ума, то опошляютъ его.

И такъ, въ интересѣ не только женщинъ, но и мужчинъ, въ интересѣ человѣческаго прогресса въ обширнѣйшемъ смыслѣ, эмансипація женщинъ, которою мы часто хвастаемся, какъ совершившимся фактомъ, не можетъ остановиться на томъ, что есть. Если бы справедливость или необходимость требовала, чтобы одна часть человечества оставалась лишь на половину развитою умственно и нравственно, то развитіе остальной части слѣдовало бы сдѣлать какъ можно независимѣе отъ ея вліянія. Но вмѣсто этого, она стала въ ближайшія и, можно сказать, въ единственно-близкія отношенія къ тѣмъ, которыя все еще такъ старательно удерживаются въ подчиненіи, но уже на столько поднялись, что могутъ свести другихъ на одинъ уровень съ собой.

Мы не упомянули еще множества обыкновенныхъ возраженій—частью потому, что на нихъ не стоитъ отвѣчать, частью потому, что отвѣтъ на нихъ найдется самъ собою въ нашихъ замѣчаніяхъ. Скажемъ, впрочемъ, нѣсколько словъ объ одномъ доводѣ, который въ большомъ ходу въ Англіи, потому вѣроятно, что придаетъ видъ безкорыстія защитникамъ эгоистическихъ привилегій; доводъ этотъ кажется очень убѣдительною людямъ немслящимъ и ненаблюдательнымъ. „Женщины“, говорятъ: „вовсе не желаютъ, вовсе не ищутъ такъ-называемой своей эмансипаціи. Напротивъ, онѣ не признаютъ этихъ требованій, провозглашаемыхъ въ ихъ пользу, которыя принимаютъ участіе въ ихъ общемъ интересѣ“.

Предположимъ, что этотъ фактъ дѣйствительно существуетъ въ самомъ широкомъ объемѣ. Если онъ доказываетъ, что европейскія женщины должны оставаться тѣмъ, что они теперь, то онъ доказываетъ то же самое и относительно азіатскихъ женщинъ: вѣдь и онѣ, вмѣсто того, чтобы роптать на свое отчужденіе и на запреты, окружающіе ихъ, гордятся своимъ положеніемъ и удивляются безстыдству нашихъ женщинъ, принимающихъ посѣщенія знакомыхъ мужчинъ и гуляющихъ по улицамъ безъ покрывала. Привычка къ подчиненію какъ въ мужчинахъ, такъ и въ женщинахъ, развиваетъ невольническія понятія. Обычай способенъ закрѣпить человѣка въ любомъ состояніи, умерщвляя въ немъ ту часть его природы, которая могла бы ему сопротивляться. Особенно сильно отразилось это на положеніи женщинъ: сколько мы знаемъ, не было еще другой касты, которой внушалось бы смотрѣть, какъ на честь на свое зависимое положеніе. Въ самыхъ доводахъ, приводимыхъ противъ нашего мнѣнія, таится сознаніе, что довольство женщинъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ—лишь кажущееся, и происходитъ оттого, что онѣ лишены свободы въ выборѣ; будь это довольство естественно, не для чего было бы утверждать его закономъ. Сочинять законы, принуждающіе человѣка слѣдовать своему влеченію, до сихъ поръ не казалось необходимымъ ни одному законодателю. Возраженіе, что женщины не хотятъ никакихъ переменъ, не ново; съ незапамятныхъ временъ такого рода возраженія противу-поставляли требованіямъ уничтожить какое либо общественное зло: „вѣдь не жалуются“, что вообще не правда, а если и бываетъ правдой, то единственно лишь потому, что нѣтъ той надежды на успѣхъ, безъ которой жалоба рѣдко заставляетъ выслушать себя тѣхъ, кто не хочетъ ея выслушать. Какъ знаютъ возражатели, что женщины не желаютъ равныхъ правъ и независимости? Они никогда не видали женщины, которая не желала бы того и другаго для себя лично. Очень просто предположить, что, желая, женщины и выскажутъ свое желаніе. Ихъ положеніе таково же, какъ положеніе наемщиковъ или работниковъ, которые вотируютъ противъ собственныхъ своихъ интересовъ въ угоду своимъ хозяевамъ; разница въ томъ только, что въ

женщинахъ съ дѣтскихъ лѣтъ воспитываютъ покорство... Женщинѣ необходимо обладать значительною нравственной силой и быть глубоко безкорыстною, чтобы выражать свое сочувствіе къ эмансипаціи женщинъ, по крайней мѣрѣ пока нѣтъ какихъ либо задатковъ для успѣха этого дѣла. Личный комфортъ и общественное значеніе женщины зависятъ обыкновенно отъ доброй воли тѣхъ, кто облеченъ властью; а для этихъ послѣднихъ всякая жалоба на злоупотребленія ея, какъ бы ни была она горька, все-таки кажется не столь явнымъ актомъ непокорства, какъ протестъ противъ самой власти... Литературный классъ женщинъ, особенно въ Англии, съ какимъ-то хвастовствомъ отказывается отъ притязаній на право равенства и гражданства, и объявляетъ свое полное довольство мѣстомъ, которое отведено женщинамъ въ обществѣ: въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онѣ производятъ дурное вліяніе на чувства и мнѣнія мужчинъ, которые доверчиво принимаютъ ихъ самоуничтоженіе за уступку силѣ истины, а того и не видятъ, что личная выгода этихъ женщинъ требуетъ, чтобы онѣ проявляли мнѣнія, которыя, какъ имъ кажется, должны быть пріятны мужчинамъ. Женщины, пользующіяся успѣхомъ въ литературѣ, не способны ставить дѣло женщинъ выше своего собственнаго значенія въ обществѣ. Ихъ литературные, какъ и женскіе успѣхи зависятъ отъ мнѣнія мужчинъ, а о мужчинахъ онѣ очень дурнаго мнѣнія: онѣ думаютъ, что развѣ одному изъ десяти тысячъ мужчинъ не противны и не странны строгость, искренность и высокій умъ въ женщинѣ. И вотъ—чтобы имъ извинили и простили эти качества, если онѣ обличаютъ ихъ, говоря о другихъ предметахъ—онѣ стараются выказать притворное покорство въ этомъ предметѣ; онѣ боятся доставить большинству мужчинъ поводъ говорить (что вовсе не мѣшаетъ большинству мужчинъ все-таки говорить это), что образованіе лишаетъ женщинъ женственности, и что литературныя леди не общаются быть хорошими женами.

Но довольно объ этомъ; уже самый фактъ, вызвавшій эту статью, полагаетъ конецъ увѣреніямъ, что всѣ женщины, за немногими исключеніями, вполне довольны своимъ подчиненнымъ положеніемъ. И такъ въ Соединенныхъ Штатахъ

есть женщины (повидимому въ большомъ числѣ и теперь соединившіяся для организованнаго дѣйствія на общество), которыя требуютъ равенства правъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ, — и требуютъ ихъ, строго взывая къ чувству справедливости мужчинъ, а не жалуясь на свое несчастіе и умоляя помочь ему.

Тѣмъ не менѣе, и это движеніе будетъ вѣроятно не разъ серьезно задержано собственными ошибками его приверженцевъ. По сравненію съ обыкновенными публичными сходками, рѣчи конвенціи замѣчательны перевѣсомъ въ нихъ разумнаго элемента надъ декламаторскимъ; но есть и нѣкоторыя исключенія, и въ рѣшенія митинга попало кое-что несообразное съ рациональностью общаго вывода. Пустословіе, замѣшавшееся въ два-три пункта, способно лишь повредить простотѣ и разумности другихъ требованій, и такъ же жалко, какъ попытки соединить номинальное равенство между мужчинами и женщинами съ насильственнымъ разграниченіемъ между ними привилегій и обязанностей. Женщинамъ нужны равныя права, равный доступъ ко всѣмъ общественнымъ привилегіямъ, а не отчужденное положеніе... Этотъ-то принципъ и служить основаніемъ большей части рѣчей и рѣшеній. Въ нихъ такъ мало чего либо сходнаго съ упомянутымъ безсмысленнымъ параграфомъ, что онъ долженъ, какъ намъ кажется, принадлежать вовсе не тѣмъ рукамъ, которыя начертали большую часть рѣшеній. Серьезность дѣла требуетъ поддержки отъ людей съ твердыми принципами; стараться же украсить его сентиментальностями, нелѣпыми для разума и несообразными съ началами, на которыхъ основывается движеніе, — не значить ли это: ставить серьезное дѣло на ряду съ пустяками?

Есть примѣты, что примѣру Америки послѣдуютъ и по эту сторону Атлантическаго океана; первый шагъ сдѣланъ въ мануфактурныхъ округахъ на сѣверѣ Англій. 13-го февраля 1851 года графъ Карлейль представилъ палатѣ лордовъ петицію женщинъ о предоставленіи имъ права избирательства, составленную на публичномъ митингѣ въ Шеффилдѣ.

Здѣсь оканчивается англійская статья. Такого всесторонняго, не смотря на видимую краткость изложенія, взгляда на вопросъ о правахъ женщинъ, мы не находили рѣшительно ни въ одномъ изъ многочисленныхъ разсужденій, посвященныхъ этому предмету. Укорененныя понятія и предубѣжденія до того еще сильны, что на соображеніяхъ даже наиболѣе развитыхъ и свѣтлыхъ умовъ не трудно найти, внимательно всмотрѣвшись, досадный ихъ слѣдъ. Поэтому такъ дороги для насъ самыя даже отрицательныя качества переведенной нами статьи, именно отсутствіе вольныхъ и невольныхъ уступокъ господствующему мнѣнію, и того, что авторъ называетъ сентиментальностями. Послѣднее свойство особенно часто встрѣчается въ сужденіяхъ о занимающемъ насъ вопросѣ. Мы не знаемъ, на примѣръ, ни одного писателя, который не приступалъ бы къ разбору правъ и отношеній женщинъ съ заранѣе установленнымъ разграниченіемъ всего человѣчества на двѣ партіи, изъ которыхъ одна служить представительницею силы и мужества, а другая — красоты и женственности. Намъ кажется, признать непреложность этого разграниченія, значитъ признать въ тоже время и весь настоящій порядокъ отношеній между полами: вѣдь онъ утвердился и держится почти единственно на этомъ взглядѣ, понятномъ во времена исключительнаго господства силы, но не постижимаго въ устахъ защитниковъ справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ. Пока, говоря о женщинахъ, мы будемъ выдвигать на первый планъ то, что принято называть красотой или, пожалуй, женственностью, искренности нашихъ стараній о благѣ женщинъ нельзя давать большой вѣры. Мало того — будь даже желанія эти вполне искренны, исполненіе ихъ въ этомъ случаѣ будетъ заранѣе парализовано нами самими. Единственный шагъ, возможный при такомъ взглядѣ, это замѣна подчиненныхъ отношеній отношеніями покровительственными. Но что въ этомъ случаѣ покровительство, какъ не тотъ же произволъ, не то же господство, только слабо видоизмѣненное?

Стремленія, вызвавшія статью г-жи Милль, не только не угасли и не замерли, но возрастаютъ съ каждымъ годомъ. О продолженіи движенія въ пользу эмансипаціи жен-

щинъ въ Америкѣ, стоитъ поговорить особо: оно все болѣе мужаетъ и крѣпнеть, и если не возбуждаетъ прежнихъ толковъ, то развѣ потому, что лишено уже интереса новости для публики и совершается тихо, скромно, безъ возгласовъ и лишняго шума.

Что касается Англии, мы укажемъ, какъ на одну изъ великихъ надеждъ женскаго вопроса, на фактъ, мелькомъ упомянутый и въ статьѣ англійскаго автора.

Въ Англии съ каждымъ годомъ возрастаетъ — и попреимуществу въ образованныхъ классахъ общества — число женщинъ, произвольно отказывающихся отъ семейныхъ узъ. Стремленіе къ широкому серьезному образованію можетъ, при нынѣшнихъ правахъ, быть удовлетворено въ женщинѣ лишь въ зрѣломъ возрастѣ: какъ ни высоко развито англійское общество, но первоначальное женское воспитаніе и тамъ все-таки очень ограничено. Спасибо однакожъ ему и за то, что оно дѣлаетъ возможнымъ желаніе дальнѣйшаго совершенствованія; значить, все-таки развиваетъ способности, а не убиваетъ ихъ. Женщины, проникнутыя любовью къ просвѣщенію и поставленныя въ невозможность удовлетворить ее въ лучшіе годы молодости, невольно отказываются отъ счастья семейной жизни, которая не позволила бы имъ развиться такъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Само собою разумѣется, что устройство семейныхъ отношеній въ окружающемъ обществѣ способно лишь укрѣпить такое рѣшеніе. Англійскія незамужнія женщины составляютъ въ настоящую минуту одинъ изъ образованнѣйшихъ классовъ англійскаго общества. Онѣ не образуютъ никакой секты, никакой партіи, ни мистической, ни политической; многія изъ нихъ даже не высвободились еще вполне изъ подъ власти пуританизма, такъ глубоко вѣдрившагося въ ихъ родное общество; нѣкоторыя не чужды романтизма въ своихъ взглядахъ на міръ, но едва ли есть хоть одна, которой не представлялось бы возможностью освобожденіе женщины. Конечно, только глубокое убѣжденіе даетъ имъ силу переносить лишенія, примиряться со своимъ унылымъ одиночествомъ. Много горькихъ внутреннихъ страданій приходится имъ заглушать въ себѣ, много ядовитыхъ капель подливаютъ имъ въ жизнь общественныя

убѣжденія; но ни лишенія, ни препятствія не останавливаютъ развитія этой новой силы... Посвящая себя болѣею частью женскому воспитанію, англійскія незамужнія женщины все болѣе и болѣе поднимаютъ уровень женскаго образованія въ своемъ отечествѣ, и еслибъ въ наши дни женщина получила право голоса въ дѣлахъ націи, міръ былъ бы изумленъ и высокими способностями, и высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ англійскихъ женщинъ. Если въ переведенной нами статьѣ и есть горькіе имъ упреки, то они вызваны болѣе всего желаніемъ автора скорѣе двинуть вопросъ; мы, сравнивая развитіе англійскихъ женщинъ съ развитіемъ женщинъ у другихъ цивилизованныхъ народовъ, не можемъ быть такъ строги.

Не скоро еще примутся обществомъ принципы, впервые рѣшительно провозглашенные американской конвенціей, о которой шла рѣчь; долго еще произволь мужчинъ будетъ отставать свои привилегіи. — но благо и то, что мы можемъ уже легко слѣдить за движеніемъ къ существенному преобразованію нынѣшнихъ отношеній между двумя полами.

УВАЖЕНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Weinhold, Die deutschen Frauen in dem Mittelalter.

H. W. Riehl, Die Familie. 5-te Aufl. 1861.

G. Klemm, Die Frauen. 6 B-de. 1859.

Joh. Scherr, Geschichte deutscher Cultur und Sitte. 2-te Aufl. 1860.

Joh. Scherr, Geschichte der deutschen Frauen. 1860.

J. Michelet, La Sorcière. 1862.

Вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ постоянный, болѣе или менѣе рѣзкій разладъ между идеалами, которые оно составляло и возводило въ законъ жизни, и самую практикою жизни. Да и могло ли не быть разлада, когда идеалы строились не на результатахъ научнаго опыта и знанія природы, а на фантазіяхъ возбужденной, но младенчески безсильной и блуждающей мысли. Фантазіи эти замѣняли науку, да еще и замѣняютъ ее для массъ. Конечно, вначалѣ онѣ были все-таки шагомъ впередъ изъ первобытнаго варварства; но потомъ стали только помѣхой развитію науки. Успѣхи естествознанія были надолго приостановлены фантастическимъ и мистическимъ настроеніемъ мысли въ средніе вѣка. Собственно говоря, только въ послѣдніе сто лѣтъ шаги науки о природѣ стали тверды и вѣрны. Ея неуклонное и быстрое движеніе составляетъ лучшую характеристическую сторону нашего времени. Съ каждымъ шагомъ наука все болѣе просвѣтляетъ „царство безпорядочной таинственности, подлежащее владычеству невѣжества“. Ея свѣту и строю долженъ будетъ со временемъ

покориться безобразный хаосъ понятій массы. Фантастическое міросозерцаніе должно смѣниться научнымъ. Тогда и требованія наши отъ жизни будутъ согласны съ тѣмъ, что жизнь можетъ дать, и мы перестанемъ плакаться, что осуждены превозноситься въ идеѣ выше звѣздъ небесныхъ, а на практикѣ подчасъ становиться ниже гориллы, родство съ которымъ намъ такъ обидно. Исчезнетъ тогда и лицемѣріе, порожденное противорѣчіемъ между нашими противоестественными идеалами и основными законами человѣческой природы и жизни.

Конечно до всего этого очень далеко. Господствующій взглядъ на міръ установилъ и всѣ человѣческія отношенія такъ, что наука долго будетъ достояніемъ лишь малаго меньшинства. Между мыслью и знаніемъ передоваго ученаго нашего времени и понятіями всей массы общества, изъ котораго онъ вышелъ, лежатъ тысячелѣтнія бездны. Преданія и рутина все еще замѣняютъ тутъ мысль; фантастическія и суевѣрныя представленія все еще играютъ роль научныхъ выводовъ. Разумъ не вступилъ во всѣ свои права. Мозгъ, пригнанный вѣковымъ бездѣйствіемъ и принятыми на вѣру фантазіями, не легко воспринимаетъ и самые очевидные его доводы. То, что на ходячемъ языкѣ называется образованіемъ, болѣею частью только громкое слово. Имъ лицемѣрно прикрывается то же упорное въ своихъ традиціонныхъ понятіяхъ невѣжество. И сколькимъ еще поколѣніямъ будетъ внушаться за истину то, что давно утратило даже тѣнь ея въ глазахъ настоящаго знанія! Отъ сколькихъ поколѣній будетъ заслоняться свѣтъ будущаго, и выставятся имъ за законъ жизни отжившая старина!

Одно изъ тѣхъ лицемѣрныхъ словъ, которыми стараются защитить неурядицу существующихъ общественныхъ отношеній, не умѣя или боясь обратиться къ ней критически, выставлено въ заглавіи этой статьи. Но время заклинаній и заговоровъ проходить, и такого рода магическія формулы перестаютъ отгонять злаго духа скептицизма. Онѣ не отводятъ ему и глазъ. Отъ него не укрывается сущность понятія, какимъ бы хвастливымъ словомъ ни было оно прикрито. Наружность ея не обманетъ. Онѣ сумѣетъ подъ гордою прогрессивною внѣшностью разглядѣть раболопное

пристрастіе къ тому дряхлому зданію фантазіи, которое шатается во всѣхъ своихъ основахъ отъ прикосновенія къ нему здоровой и свободной мысли.

Объ „уваженіи къ женщинамъ“ никогда столько не говорили, какъ теперь, хотя разговоръ этотъ идетъ по крайней мѣрѣ со временъ законовъ Ману. Эти законы впрочемъ только предписывали „уважать женщинъ“ (въ родѣ того, какъ ящикъ въ извѣстномъ стихотвореніи „уважалъ, тоись вотъ какъ, съ охотой“ свою жену). Теперь этимъ уваженіемъ хвалятся, какъ осуществленнымъ идеаломъ.

Никто не хвалится имъ такъ много, какъ нѣмцы. Это для нихъ предметъ великой гордости. „Уваженіе къ женщинамъ есть основная черта нѣмецкаго національнаго характера“. Такъ значитъ даже во всѣхъ учебникахъ исторіи, какъ специально-нѣмецкой, такъ и всеобщей. Эту истину провозглашаютъ всѣ нѣмецкіе писатели, ученые и не ученые. О ней поютъ въ унисонъ всѣ нѣмецкіе поэты, крупные и мелкіе. И какъ въ самомъ дѣлѣ не хвалятся своимъ уваженіемъ къ женщинамъ! Вѣдь еще Тацитъ говорилъ о немъ. Притомъ и Шиллеръ пѣлъ: „Ehret die Frauen!“ И Гёте закончилъ своего *Фауста* словами:

«Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan».

Но говорятъ, будто люди обыкновенно болѣе всего хващаются тѣми качествами, которыми обладаютъ въ наименьшей степени. „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ“, замѣчаетъ Бюхнеръ, „опытъ показываетъ, что у тѣхъ, у кого больше всего на языкѣ нравственность, меньше всего ея въ сердцѣ, и что добродѣтель живетъ не тамъ, гдѣ сіяютъ ея вывѣски“.

Чуть не дюжина томовъ, недавно изданныхъ въ Германіи о положеніи нѣмецкихъ женщинъ, представляетъ очень удобный случай провѣрить на фактахъ это такъ громко возгласяемое уваженіе. Авторы конечно поминаютъ о немъ черезъ каждыя пять страницъ на шестой. Входитъ въ подробный разборъ ихъ мнѣній я не намѣренъ, а хочу только пересказать по нимъ исторію положенія женщины и вообще женской жизни въ Германіи. Названныя книги довольно

обильны фактами. Такой рассказъ всего лучше покажетъ, что за смыслъ заключается въ словахъ „уваженіе къ женщинамъ“, — словахъ, которыя повторяются въ томъ же смыслѣ не одними нѣмцами.

I.

Рассказы древнихъ о первой встрѣчѣ ихъ лицомъ къ лицу съ германскими племенами похожи на отрывки изъ богатырскаго эпоса. Все въ этихъ сѣверныхъ приплецахъ миѳически-мрачно, дико-величаво и грозно. Это какъ будто фигуры изъ *Эдды*. Онѣ какъ разъ подстать тѣмъ образамъ, которые составляла фантазія на солнечныхъ берегахъ юга о дальнемъ сѣверѣ. Эти тевтоны и кимвры, въ звѣриныхъ кожахъ, съ громадными щитами, непременно сродни той страшной странѣ, гдѣ ни суши, ни моря, ни воздуха, а есть какой-то хаосъ или кисель, смѣшеніе всѣхъ стихій. Не слѣная ли и это стихія движется? Отъ „кимвро-тевтонскаго ужаса“ у римлянъ какъ будто замутилось въ глазахъ. Нѣсколько вѣковъ спустя, перепуганный Римъ видѣлъ у гунновъ Аттилы такія длинныя руки, что они могли поднимать съ земли камни не нагибаясь. И теперь, въ этомъ передовомъ прибоѣ будущаго варварскаго потопа, ему мерещилось племя сказочныхъ великановъ. Эти новые циклопы отламываютъ скалы, сбрасываютъ ихъ въ рѣку и переходятъ по нимъ, какъ по мосту. Плѣнный кимвръ, прикованный къ побѣдной колесницѣ Кая Марія, головой выше всѣхъ трофеевъ триумфа. Онъ перескакиваетъ безъ трамплина черезъ шесть лошадей.

Каковы мужчины, таковы и женщины. Онѣ не остались дома со своими прялками. Да и сомнительно, умѣютъ ли онѣ прясть хорошенько. За то несомнѣнно, что онѣ умѣютъ переносить всѣ тягости походовъ. Когда мужчины кидаются съ оглушительнымъ крикомъ и ревомъ на врага, женщины подзадориваютъ ихъ не менѣе оглушительнымъ стукомъ въ кожаные верхи своихъ походныхъ повозокъ. При случаѣ онѣ умѣютъ и драться, какъ тигрицы. Отъ вида крови никому не сдѣлается дурно. Онѣ рѣжутъ плѣнныхъ,

какъ курь. Для этого въ лагерѣ, укрѣпленномъ ихъ подвижными домами-повозками, есть и большой мѣдный котель. На встрѣчу плѣнному выходятъ сѣдыя старухи, босыя, въ бѣлыхъ рубахахъ, перетянутыхъ мѣднымъ поясомъ. Онѣ надѣваютъ вѣнокъ на плѣнника и ведутъ его къ котлу. Въ рукахъ у нихъ мечи. Это жрицы какого-то кровожаднаго бога. Одна всходитъ на ступеньку у котла; другія поднимаютъ плѣнника надъ его окранный. Кровь изъ перерѣзаннаго горла течетъ въ котель и вѣщія старухи пророчествуютъ надъ ней. Онѣ не пожалѣютъ и своихъ трусовъ. Отступающіе бѣглецы, не умѣвшіе честно пасть на полѣ битвы, идутъ въ свой станъ на казнь. Женщины въ черномъ стоятъ, какъ на эшафотахъ, на своихъ повозкахъ; отъ ножа ихъ нѣтъ никому пощады. Жены казнятъ мужей, сестры братьевъ, дочери отцовъ, матери сыновей. Но побѣдители уже тѣснятся къ стану; своихъ бѣжить все больше. Женщины хватаются за топоры, за мечи, и съ неистовымъ воемъ и визгомъ кидаются изъ лагеря. Надо заставить своихъ трусовъ опять обернуться лицомъ къ непріятелю, надо гнать римскихъ солдатъ назадъ. Бей безъ разбору и тѣхъ и другихъ! Потерявъ оружіе, онѣ хватаются за непріятельскіе щиты, за клинки римскихъ мечей, и падаютъ израненныя, изрубленныя въ куски. Въ станѣ все, что ни попадетъся подъ руку, все годно имъ для обороны. Умереть легче, чѣмъ сдаться; цѣнна только свободная жизнь. И женщины на глазахъ побѣдителей душатъ своихъ дѣтей, объ землю раздробляютъ имъ головы, кидаютъ ихъ подъ копыта лошадей, подъ колеса повозокъ, въ лицо непріятелямъ. Потомъ и себѣ очередь: нѣтъ топора, ножа, веревки, — за то есть длинные волосы, и ими можно перетянуть себѣ горло. Вонъ женскій трупъ качается на дышлѣ повозки; на ногахъ матери висятъ удушенныя дѣти. — Тевтонки, захваченныя въ плѣнъ Маріемъ, молили пощадить ихъ женскій стыдъ; онѣ просились хранить священное пламя дѣвственной Весты: онѣ неприкосновенно сохраняютъ и въ себѣ священный огонь дѣвственныхъ помысловъ. Но если эти великаны скачущіе черезъ шесть лошадей, очень годятся въ гладиаторы для цирка, — эти женщины вовсе не дурны для лупанаровъ міродержавнаго города. Плѣнныхъ и безъ того мало; что жъ

это будетъ за побѣда? Глаза солдатъ разгораются на бѣлокурыхъ дикароковъ. Но косы у нихъ не обрѣзаны, — и онѣ всѣ удавились въ ту же ночь.

Что тутъ правда, что преувеличеніе, кто теперь разбереть? Полѣвка спустя, Цезарь посмотрѣлъ на германскія племена болѣе трезвымъ взглядомъ умнаго и наблюдательнаго реалиста. Перейдя со своими легионами изъ Галліи черезъ Рейнъ въ германскія дубровы, онъ увидаль не великановъ, а просто людей статнаго роста, съ крѣпкими мускулами. Но его легионы трусили при одной мысли, что имъ придется выносить въ битвѣ „огонь германскихъ глазъ“. Что же зажгло этотъ страшный огонь? Цезарь не могъ не сравнивать быта, который видѣлъ, съ римскими нравами. Вотъ почему онъ хвалитъ въ своихъ *комментаріяхъ* суровое воспитаніе германской молодежи, ея воздержанность. Юноши цѣломудренны до двадцати лѣтъ. Узнать раньше сладость женскихъ объятій считается позоромъ. А утаиться нельзя: мужчины и женщины купаются въ рѣкахъ вмѣстѣ; ихъ одежда, все тѣ же звѣринныя кожи, едва прикрываетъ наготу.

Сравненіе съ римскими нравами затрогивало еще глубже мысль Тацита, когда онъ писалъ свою *Германію*, почти черезъ полтора вѣка послѣ зарейнскихъ походовъ Цезаря. Урокъ развратной утонченности, нравственному одряхлѣнію Рима слышится изъ каждой фразы. Для насъ мало привлекательнаго въ идиллической картинѣ, нарисованной имъ такими полными и смѣлыми чертами; но надо взглянуть на нее послѣ его же картинъ римской современности, Да изъ Германіи еще не отлетала Астрея.

Римскія дамы, заставлявшія сердитаго Ювенала вздыхать по той цѣломудренной порѣ, когда у Юпитера не прорѣзывались еще усы, воспользовались новооткрытымъ германскимъ міромъ только съ туалетными цѣлями. Имъ захотѣлось такихъ же свѣтлыхъ волосъ, и онѣ стали перекрашивать свои черныя косы въ рыжегато-русую масть, стали наперерывъ выписывать волосы изъ Германіи и строить изъ нихъ себѣ парики. Тацитъ указывалъ, и конечно напрасну, инныя черты въ германцахъ, достойныя подражанія. Прежде всего, разумѣется, скромность, цѣломудріе. Соблаз-

нять, поддаваться соблазну онѣ не называютъ—слѣдовать духу вѣка. Простота ихъ одежды такова, что онѣ не многимъ отличаются отъ мужчинъ. Сорочки безъ рукавовъ, накидки изъ кожи—вотъ и все; а подчасъ, у домашняго очага, и совершенная нагота. Что сказала бы римская сенаторша Ювенала *), глядя на этихъ голыхъ германцевъ съ могучими членами, съ красивыми лицами, сидящихъ у огня? Вѣдь она бѣжала же на край свѣта съ безобразнымъ варваромъ гладиаторомъ, плѣнившись въ циркѣ его желѣзными мускулами. А здѣсь царитъ чистота, достойная эдемскихъ кущей. Тацитъ вполне подтверждаетъ похвальные отзывы Цезаря. Молодежь поздно узнаетъ наслажденія любви. Дѣвушки тоже не торопятся любить. Оттого онѣ такъ хороши, такъ свѣжи, и немногимъ уступаютъ въ статномъ и высокомъ ростѣ юношамъ. Женское цѣломудріе цѣнится дорого. Утратить его до брака—значитъ, ужъ не найти себѣ мужа. Тутъ не помогутъ ни красота, ни богатство. Бракъ заключается въ присутствіи родителей и кровныхъ. Приданое приноситъ не жена мужу, а на оборотъ, мужъ женѣ. И это не какія нибудь побрякушки, наряды, а пара воловъ, или лошадь въ полной сбруѣ, щитъ, мечъ и копье. „Для того“, поясняетъ Тацитъ, „чтобы жена не считала себя чуждою доблестнымъ помысламъ и всѣмъ случайностямъ войны, самые брачные обряды напоминаютъ ей, что она должна быть сопутницей мужу въ его трудахъ и опасностяхъ, что она обязана въ мирѣ и въ войнѣ все переносить, все предпринимать съ нимъ за одно. Это знаменуютъ и спрятъ воловъ, и снаряженный конь, и поднесенное ей оружіе“. И женщины не боятся этихъ обязанностей. Онѣ безстрашно осматриваютъ и считаютъ раны своихъ мужей и сыновей. Онѣ носятъ имъ пищу на самое поле битвы и подстрекаютъ ихъ отвагу. „Случалось, говорятъ, что колеблющіеся и уже разстроенные ряды воиновъ смыкались снова по настойчивымъ просьбамъ женъ, которыя заграждали имъ дорогу назадъ и указывали на близкую возможность плѣна, всего болѣе страшнаго германцамъ изъ-за нихъ“. Этого уже достаточно для патріотическаго чувства

*) Сатира IV.

нѣмца, чтобы видѣть въ описанной Тацитомъ порѣ германскихъ женщинъ не рабами, а подругами своихъ мужей. И еще тотъ же Тацитъ прибавилъ: „Народы Германіи думаютъ, что въ женщинахъ есть нѣчто святое и вѣщее; потому они не пренебрегаютъ ихъ мнѣніемъ и слушаютъ ихъ совѣтовъ“. Передъ одною изъ стычекъ съ Юліемъ Цезаремъ такія вѣщія щенщины запретили германцамъ вступать въ бой до новолунія. На Нижнемъ Рейнѣ, у племени бруктеровъ, очень славилась нѣкая Веледа. Эта дѣвственная жрица жила одиноко, недоступно, въ высокой башнѣ, и оттуда провозглашала свои вѣщанія. Голосъ ея рѣшалъ спорные вопросы въ дѣлахъ войны и мира; чрезъ ея посредство заключались союзы; къ ея ногамъ приносили добычу и трофеи побѣдъ. Были еще и другія. Но это исключенія. Любопытнѣе посмотрѣть, какъ жилось женщинамъ, не обладавшимъ даромъ прорицанія.

Если нѣтъ войны, мужчины проводятъ время на охотѣ, а больше въ праздности, во снѣ и въ ѣдѣ. Любятъ они и пировать. Провести день и ночь за попойкой не вмѣняется въ стыдъ. Вести же домъ, хозяйство—предоставляется женщинамъ. Онѣ должны и нянчиться съ дѣтьми, и ходить за стадами, и работать въ полѣ. Раздѣленіе труда между мужемъ и женой не совсѣмъ-то равномерно. Во время мира „храбрѣйшіе и воинственнѣйшіе“ изъ мужчинъ не дѣлаютъ ужъ ровно ничего. Развѣ играютъ въ кости. А страсть къ игрѣ у нихъ велика. Они часто проигрываютъ не только все имущество, но и свою свободу и себя, и идутъ въ рабство. Проигрываютъ ли сначала женъ, объ этомъ не говорится. Женъ держать они въ страхѣ. У каждаго не болѣе одной жены, кромѣ нѣсколькихъ знатныхъ людей, которые берутъ по двѣ и больше, для пущей важности. Бракъ проченъ, и невѣрности женъ (о мужьяхъ нѣтъ рѣчи) очень рѣдки. Если же жена позволила себѣ сдѣлать невѣрность, мужъ приглашаетъ родню, и въ присутствіи ея стрижетъ виновницѣ косу, какъ это дѣлали еще такъ недавно наши помѣщички и помѣщички со своими горничными. Потомъ остриженную и голую выталкиваетъ онъ ее изъ дому и гоняетъ плетью по всей деревнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

вдовы послѣ одного мужа не могутъ уже выходить во второй разъ замужъ.

Тацитъ не говоритъ объ обычаяхъ, чтобы жена слѣдовала за умершимъ мужемъ и въ могилу. По поводу германскихъ похоронъ онъ упоминаетъ только, что съ покойникомъ сожигалось его оружіе, а иногда и его боевой конь. Но германское язычество не было чуждо этого варварства. Богиню Нанну сожгли съ убитымъ богомъ Бальдуромъ, ея супругомъ. Валькирія Брунгильда закалываетъ сама себя, чтобы ее положили на костеръ съ любимымъ ею Сигурдомъ. У геруловъ жены, говорятъ, вѣшали на могилахъ мужей. Еще въ концѣ X-го вѣка христіанской эры, послѣдній боецъ скандинавскаго Сѣвера за религію Одина, Гаконъ Ярль, сватался подъ старость за молодую дѣвушку. Она отказалась выйти за него потому, что ее страшила необходимость разстаться такъ скоро со своею юною, свѣжею жизнью. Старый мужъ не могъ прожить долго, и ей пришлось бы слѣдовать за нимъ на костеръ. Это было *обязанностью и славой* жены, какъ поетъ хоръ браминовъ въ извѣстной балладѣ Гёте. Тотъ же хоръ называетъ мужа *тѣломъ*, а жену только *тѣнью* этого тѣла. Таковъ именно былъ взглядъ на женщину, естественнымъ послѣдствіемъ котораго были индійское *сатти* и германское саможигательство вдовъ.

II.

„Свобода есть германское достояніе“, говорилъ римскій поэтъ Луканъ. Онъ конечно понималъ подъ свободой нѣчто иное, чѣмъ мы. Во время наплыва варваровъ на области римской имперіи, въ періодъ такъ называемаго переселенія народовъ, основы быта германскихъ племенъ были тѣ же, на какихъ выросъ и Римъ. То же рабство, то же деспотическое устройство семьи. Законы побѣжденных отвѣчали взгляду побѣдителей, и они взяли ихъ почти цѣликомъ. Новаго, своего они внесли въ нихъ мало; а въ законахъ о семьѣ нѣтъ почти ничего, что было бы характеристично-германское. Оно и подстать латыни, на которой они написаны.

Во главѣ угла—родовое, кровное и семейное начало, а съ нимъ конечно и общественное неравенство. Отецъ семьи тотъ же самодержавный римскій *pater-familias*; члены семьи та же римская *gens*, наравнѣ съ рабами. Это не лица, а вещи передъ правами домовладыки. Обязанность повинности исключаетъ въ нихъ самую волю. У нихъ нѣтъ голоса и дома; тѣмъ паче въ народномъ собраніи, въ судѣ. Но поклонники германской древности хотятъ и въ этихъ законахъ найти уваженіе къ женщинамъ. Гдѣ же оно?

По германскому уголовному праву всякій свободный человекъ могъ покрыть свое преступленіе (будь оно даже убійство) пеней семейству того, кто отъ него пострадалъ. Всякій вредъ, нанесенный женщинамъ, покрывался гораздо большею пеней, чѣмъ такой же вредъ, нанесенный мужчинамъ. Такъ, по аллеманскому праву и по баварскому пеня за женщину платилась вдвое противъ мужской. По саксонскому—тоже во время способности женщины къ дѣтороженію. У вестготовъ пеня за женщину во весь періодъ женской производительности была выше мужской. У франковъ она увеличивалась въ этотъ періодъ противу мужской втрое. За убійство женщины полагалась у нихъ пеня въ шесть-сотъ солидовъ, или коровъ. (Цѣна коровы равнялась цѣнности солида) Если убитая беременна, пеня увеличивалась еще ста солидами. Законы салическихъ франковъ охраняли и женскую стыдливость. Кто непочтительно гладитъ замужнюю женщину или дѣвицу по рукѣ противъ ея воли, платится пятнадцатью солидами. Кто позволить себѣ гладить ее по верхней части руки выше локтя, долженъ заплатить тридцать пять солидовъ. Кто пощупаетъ ей грудь—сорокъ пять солидовъ или коровъ. — Развѣ все это не благоговѣніе къ женскому *aliquid sanctum*?

А развѣ въ Афинахъ, а потомъ и въ Римѣ законъ не наказывалъ за убійство *чужаго раба*, какъ за убійство *свободнаго* человека (*своего* можно было убить безнаказанно)? Развѣ не были оцѣнены каждый синякъ, каждая царапина на тѣлѣ чужаго раба? Или и тутъ уваженіе къ человѣческому достоинству въ рабѣ? Германскіе законы о женщинахъ—тѣ же законы о собственности, которая вся была въ рукахъ мужчины. Женщина принадлежала только къ разряду

собственности довольно цѣнной. — Правда, къ безграничнымъ правамъ домовладыки прибавлялись и обязанности, — и прежде всего обязанность защиты, покровительства всѣхъ подвластныхъ. Но какъ же было отцу и мужу, распоряжаясь дочерью и женой какъ собственностью, и не беречь ихъ какъ собственность?

Новорожденное дитя долженъ былъ признать отецъ, какъ это велось въ Римѣ. Дитя оставалось лежащимъ на полу („*nudus humi jacet*“, говорится у Лукреція), пока отецъ не поднималъ его. Это и было знакомъ признанія. Только тутъ давали ребенку имя, окропивъ его водой. Непризнание равнялось обреченію на смерть. Ребенка тогда подкидывали, или лучше сказать — просто выкидывали изъ дому. Во времена, когда выше всего цѣнится тѣлесная крѣпость и сила, понятно обреченіе на смерть дѣтей слабыхъ и калѣкъ. Но вмѣстѣ съ этимъ отецъ могъ отказаться отъ ребенка, если подозрѣвалъ въ невѣрности жену, или просто находилъ невыгоднымъ приращеніе семьи. Власть его была безотчетна. Захотѣлъ — убилъ. И конечно доля непризнанія выпадала чаще дѣвочкамъ, чѣмъ мальчикамъ. Вѣдь называютъ же бретанскіе крестьяне и нынче новорожденныхъ дочерей — выкидышами.

И признанныя дѣти были вполне беззащитны отъ произвола отца. Даже сыновья до совершеннолѣтія были полною его собственностью. Онъ могъ продавать ихъ какъ жеребятъ. И право это вовсе не было въ пренебреженіи. Для дочери совершеннолѣтія не было. Отъ возможности быть проданною родителемъ она избавлялась только выйдя замужъ. А что было и замужество, какъ не продажа? Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, вмѣсто слова *жениться*, говорилось: *купить жену*. Даже въ концѣ XIV вѣка *Лимбургская хроника* выражается еще такъ. — Вотъ откуда и пени за оскорбленіе женской стыдливости. Товаръ могъ потерять цѣну.

Похищеніе дѣвушки наказывалось тоже очень строго. (Въ Римѣ украсть раба, или даже просто помочь ему убѣжать считалось въ числѣ самыхъ важныхъ преступленій). А похищенія должны были случаться нерѣдко. Особенно строгъ вестготскій законъ по этому поводу. Если женщина убѣ-

жить отъ похитителя прежде, чѣмъ онъ учинитъ надъ нею насиліе, онъ платится только половиною своего состоянія. Если же на оборотъ — онъ передаетъ женщину (то есть отцу ея) все свое имущество; ему даютъ публично двѣсти ударовъ, и онъ становится рабомъ женщины, которую укралъ (то есть все-таки отца ея). Если женщина объявитъ желаніе выйти за похитителя, оба повинны смерти. Отъ смерти можно было спастись въ церкви. Но бракъ ихъ все-таки не признавался, и они становились крѣпостными родителей похищенной.

Смерть отца семейства не освобождала ни жену, ни дочерей, ни сестеръ его, если такія были, отъ полномасштабнаго распоряженія мужчины ихъ судьбою. Женщина никогда не была *sui juris*. Опека переходила въ руки ближайшаго родственника покойника и почти съ тѣми же правами. — Выходя замужъ, женщина только мѣняла распорядителя.

Въ древнѣйшихъ остаткахъ германской народной поэзіи есть примѣры, что дѣвушки торжественно, въ полномъ народномъ собраніи объявляютъ, кого онѣ выбрали себѣ въ мужа, какъ царицы индійскаго эпоса. Но *Leges barbarorum* говорятъ иное. Согласіе дѣвушки или вдовы ничего не значило безъ согласія отца, брата, опекуна. Женихъ обращался къ нимъ, и сойдясь въ цѣнѣ, могъ не обращать вниманія на желаніе или нежеланіе невѣсты. Дѣло рѣшено, и ихъ обручали. Это была уже пустая формальность. За товаръ плата получена. — Обряды при стоворѣ бывали различны; но вообще онъ происходилъ публично, при сборѣ всѣхъ членовъ общины. Этимъ какъ будто снималось съ отца нареканіе, что бракъ заключается по одному его произволу, а не съ согласія дочери. Насилія повидимому не могло тутъ быть. Невѣста прямо, передъ всею общиною предъявила бы свое нежеланіе. Вѣроятно таковъ былъ первоначальный смыслъ обряда. Но вѣдь она попала бы изъ огня въ полымя.

Такъ велось въ быту людей свободныхъ. Для лига и раба не было родительскаго произвола. Его замѣнялъ произволь господскій, равно тяготѣвшій надъ обѣими сторонами. Браки тутъ (когда ихъ стали признавать) зависѣли вполне отъ воли или отъ согласія господина. „Еже Богъ

сочета, человекъ да не разлучаетъ“. Церковь хотѣла примѣнить это правило ко всѣмъ, безъ различія состояній. Но вотъ какъ понимали его люди, власть имущіе. Одинъ франкскій эделингъ далъ священнику клятву передъ алтаремъ, что не разлучитъ чету своихъ крѣпостныхъ, и въ подтвержденіе велѣлъ — мужа и жену *омыть* закопать живыхъ въ землю. Это называлось по тогдашнему — пошутить. — Произвольное распоряженіе браками подчиненныхъ во всѣ средніе вѣка можно встрѣтить и при дворахъ королей и князей. Они, нисколько не стѣснясь, выбирали для своихъ приближенныхъ — разумѣется рыцарей и дворянъ — *приличныя* по ихъ мнѣнію *partii*, и что рабомъ принималось скрѣпя сердце, съ затаеннымъ ожесточеніемъ, за то холопство съ сладкой улыбкой признательности прикладывалось къ ручкѣ.

Жизнь замужней женщины была не свѣтла. Битье и увѣченье женъ было не въ меньшемъ ходу, чѣмъ у насъ въ крестьянствѣ. „Извѣстно, ихъ надо бить, только не до смерти“, говорилъ когда-то г-жѣ Севинье одинъ французскій крестьянинъ. Тогда всѣ такъ говорили. По мнѣнію Кримгильды въ *Пѣсни о Нибелунгахъ*, ея возлюбленный Зигфридъ былъ совершенно правъ, что избилъ ее *всю отъ силъ* за нескромное слово. — Измѣну жены мужъ могъ наказать самъ, безъ всякаго вмѣшательства какой бы то ни было власти. Онъ господинъ — онъ и судья. (Жена говоритъ *господинъ* вмѣсто *мужъ* и донныѣ на югѣ Германіи). Онъ могъ убить жену совершенно безнаказанно. Это было его право. — Право продажи жены тоже переходило къ нему во всей своей силѣ отъ тестя. Во время Костанцскаго Собора, ужь въ первыхъ годахъ XV столѣтія, одинъ тамошній гражданинъ продалъ жену за триста червонцевъ и купилъ себѣ домъ. У англичанъ это считалось правомъ чуть не до нашихъ дней. По древнему саксонскому обычаю, они выводили женъ на рынокъ, накинувъ имъ петлю на шею, и продавали, за сколько и кому угодно. И это случалось еще въ 1815, въ 1819 годахъ.

Выходомъ изъ этой ужасной подчиненности могъ бы, кажется, быть разводъ. Онъ и точно существовалъ. Но вѣдъ сила и власть были въ рукахъ мужа, и законы о разводѣ служили только ему и его прихоти. На каждомъ шагу ви-

димъ мы въ среднихъ вѣкахъ ссылки женъ въ монастыри, по желанію и по капризу мужей. Такая легкость (для мужчины) отдѣлываться отъ брачныхъ узъ, при отсутствіи у женщины всякихъ правъ, была въ Римѣ поводомъ къ цѣлымъ женскимъ заговорамъ. Германскій законъ былъ повидимому справедливъ къ обѣимъ сторонамъ въ этомъ случаѣ; но онъ противорѣчилъ самой своей основѣ. Достаточнымъ поводомъ къ разводу онъ считалъ не только безплодіе жены, но и тѣлесное безсиліе мужа или отказъ его отъ супружескихъ сношеній съ женой. Нужно было принести жалобу, и недовольныхъ супруговъ разводили. При этомъ бывали разные обряды. Или жена возвращала мужу ключи отъ дома и домашняго хозяйства, или же давали разлучающимся по концу полотнянаго платя и разрѣзывали его между ними. На Германскомъ сѣверѣ довольно было, чтобы мужъ объявилъ при свидѣтеляхъ, что отпускаетъ жену. У франковъ разведеннымъ женамъ давались особыя отпускныя грамоты отъ мужа, нѣчто въ родѣ желтыхъ билетовъ французскимъ каторжнымъ и нашимъ публичнымъ женщинамъ.

Дочь и сынъ не могли конечно быть равны, когда дѣло шло о наслѣдствѣ. Дочь получала половину или треть того, что доставалось сыну, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вовсе ничего не получала. Это, правда, относилось лишь къ родовому недвижимому имѣнію; другое имущество дѣлилось поровну. Но развѣ владѣніе всякимъ достояніемъ не было для женщины только номинальнымъ? Мужъ пользовался имъ и распоряжался какъ своимъ. Изъ благопріобрѣтеннаго во время брака имущества мужа (по саксонскимъ законамъ и по законамъ франковъ рипуаріевъ) выдѣляли вдовѣ половину или треть. Но и вдова была не свободнѣе дѣвушки или замужней женщины въ распоряженіи своею собственностью. — Вообще женщина могла рассчитывать на наслѣдство родни только въ такомъ случаѣ, если выходила замужъ за человека одной съ нею касты. Аристократка, вышедшая за лита, лишалась всякихъ правъ на наслѣдство. Дѣти тоже не оставались безнаказанными за вину матери: и имъ нечего было ждать наслѣдства отъ ея родныхъ. Впрочемъ, надо прибавить, что и свободный мужчина, унизясь до брака съ рабою, не могъ передать наслѣдства дѣтямъ, прижитымъ съ нею.

Да и это еще хорошо. А то были законы построже для таких *mésalliances*. По бургундскимъ и лангобардскимъ законамъ, женщину и раба, за котораго она вышла, постигала смертная казнь. По франкскимъ законамъ, свободный человекъ, женившійся на рабѣ — самъ рабъ; свободная женщина, вышедшая за раба — сама раба. Она могла избавиться отъ такой доли и остаться свободной только убивши мужа. Ей предлагали на выборъ прялку и мечъ. Выбрать прялку — значило идти въ рабство; выбрать мечъ — значило согласиться на убійство мужа.

Степени родства при заключеніи браковъ наблюдались еще и въ язычествѣ. Но родство имѣлось въ виду только ближайшее, кровное: дѣти и родители, братья и сестры. Уже христіанская церковь включила въ это ограниченіе и свойственниковъ, и такъ называемую духовную родню — кумовьевъ, кумъ. Но предписанія церкви долго наблюдались плохо. У франковъ Клотарь, сынъ Хлодвига, преспокойно женился на вдовѣ своего брата и беретъ за себя въ то же время ея родную сестру. Церковныя правила пригодны развѣ чтобы вывернуться иногда изъ неловкаго положенія. Наложница Хильперика, ревнуя его къ женѣ, уговариваетъ королеву принять самой отъ купели дитя, родившееся у ней въ отсутствіе мужа. Королева становится кумою своему мужу. По закону церкви, имъ уже нельзя жить вмѣстѣ. А это и нужно наложницѣ. Король тоже не прочь разстаться съ женой и сослать ее въ монастырь. И законъ исполняется.

Вѣроятно въ язычествѣ у германскихъ племенъ существовало и религіозное освященіе брака. На скандинавскомъ сѣверѣ прикасались къ невѣстѣ священнымъ молотомъ Тора. У германцевъ были и богини и боги, покровители брака. Вообще же довольно было жениху и невѣстѣ лечь на одну постель, подъ одно покрывало. Мѣнялись также рубашками. — Церковное вѣнчанье вошло въ силу только въ концѣ среднихъ вѣковъ. До тѣхъ поръ оно вовсе не считалось необходимою. А церковь еще со временъ Карла Великаго требовала, чтобы бракъ былъ непременно признанъ ею и не совершался безъ священническаго благословенія. До первой брачной ночи или послѣ — это все равно. И въ XVI

столѣтіи были еще примѣры, что *benedictio sacerdotis* слѣдовало только за первую ночью.

Казня смертью невѣрность жены, мужъ могъ не стѣсняться въ своихъ любовныхъ сношеніяхъ. Наложничество при бракѣ было очень обыкновенно, особенно между знатью. Знакомство съ римскими нравами, неограниченная власть, данная мужу, общая грубость — все этому помогало. Къ тому же вѣдь существовали рабство и крѣпостная кабала. Невольница ничѣмъ не была защищена отъ прихоти и насилія господина. — И въ періодъ переселенія народовъ, и во весь карлингскій періодъ наложничество встрѣчается на каждомъ шагу. Теодорихъ и Аларихъ жили съ наложницами. Дворъ франкскихъ королей кишилъ ими, и при Меровингахъ интриги ихъ ворочали дѣлами. Наложницы были и у Карла Великаго, и у Людовика Благочестиваго. Старанія церкви положить этому конецъ оказывались бесплодными. На Майнцкомъ синодѣ 851 года постановили, что жить законно съ *одною* только женщиной. Церковь дѣлала уступку нравамъ. Пусть эта женщина будетъ хоть простая наложница, а не жена въ церковномъ смыслѣ, — только бы *одна*. За наложничество при бракѣ синодъ этотъ назначалъ церковныя наказанія. Но предписаній и не думали исполнять. Не только наложничество продолжало существовать, но и формальное многоженство въ высшихъ сферахъ. Имъ еще вовсе не страшны были угрозы духовенства. Да и оно не всегда грозилось. Франкскіе короли брали по двѣ жены и по три, — и духовенство помалчивало. Оно и понятно. У многихъ изъ его собственныхъ членовъ дома походили на гаремы. Въ половинѣ VIII вѣка святой Бонифацій писалъ къ папѣ, что франкскіе дьяконы держатъ по четыре наложницы и даже больше.

Положить конецъ многоженству и наложничеству могли скорѣе трагическія столкновенія, безъ которыхъ они рѣдко обходились. При тогдашнихъ нравахъ нечего было ждать тутъ мира. Стоитъ припомнить хоть франкскіе дворы при Меровингахъ. Какихъ тутъ ужасовъ нѣтъ! Удушенія, отравленія, потаенныя убійства, и всюду ревность, жадная корысть, зависть, кровная месть. Какъ ни ищи, не найдешь ровно ничего *типично-женственнаго*, столь милого нѣмцамъ.

III.

И здѣсь, и въ эти времена, — какъ было впрочемъ всегда и вездѣ, — женщина съ трудомъ примирялась со своимъ подчиненнымъ положеніемъ. Она не уставала возмущаться противъ тиранніи, которая не допускала ее до общественной дѣятельности. Чего не давало признанное право, то старалась она взять косвеннымъ вліяніемъ, ловкостью, изворотливостью, хитростью, интригой. На низшихъ ступеняхъ общества, гдѣ все составляютъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, трудъ раздѣляется равномѣрно между мужчиной и женщиной. Тутъ легче удовлетвориться скромною и тяжелою долей. Но когда упроченное благосостояніе, богатство снимаетъ тяжесть насущныхъ заботъ, женщина постоянно стремится къ сферѣ болѣе широкой. Законы германцевъ не допускали женщинъ до управленія государствомъ. Но, такъ или иначе, онѣ умѣли очень рѣшительно вліять на государственныя дѣла. Онѣ умѣли даже устранять для себя законъ и дѣлаться правительницами за своихъ малолѣтнихъ сыновей и внуковъ. Такихъ правительницъ было не мало и въ періодъ переселенія народовъ, и онѣ были вообще ничѣмъ не хуже правителей мужчинъ. Такова, напримѣръ, дочь Теодориха, Амалазунта, правившая остготскимъ королевствомъ за своего сына, воспитанная въ римскомъ духѣ, хорошо знавшая по гречески и цѣнившая образованность. Такова лонгобардская королева Теоделинда, большая ревнительница христіанства, съ которою дружески переписывался папа Григорій I.

Вообще женщины этого времени, да и еще долго, очень долго спустя, принимали болѣе всего къ сердцу дѣла церкви. Онѣ были рьяными миссіонерками христіанства. Этого нельзя однакожъ приписывать исключительно ихъ религиозному чувству. Дѣятельность и въ дѣлахъ вѣры была все-таки дѣятельностью общественной, все-таки выводила женщину изъ тѣсной домашней сферы, и притомъ это была единственная общественная дѣятельность, дозволенная ей. Организуясь все сильнѣе и сильнѣе, іерархія понимала отлично, какая опора была ей въ женскомъ участіи, и она

рано начала всячески пользоваться имъ. Около женщинъ изъ царственныхъ и знатныхъ родовъ составлялись цѣлыя свиты епископовъ и поповъ разнаго разбора.

Нѣтъ спору конечно, что и безправность въ семьѣ, и склонность къ мистицизму, воспитанная исключительностью домашней жизни, должны были тоже привлекать скорѣе всего женщинъ къ религіи смиренія, терпѣнія и загробной справедливости. Обиженное и утѣсняемое чувство находило здѣсь идеальное удовлетвореніе. Монастырь съ первыхъ же поръ сталъ для женщинъ (сначала въ особенности для знатныхъ дѣвицъ и вдовъ) прибѣжищемъ отъ несчастій семейной жизни, отъ беспомощности въ свѣтѣ, наконецъ вообще отъ буйнаго и дикаго хаоса тогдашняго общества, способнаго запугать кроткія и мягкія натуры. — Женщинъ не всегда влекло въ монастырь религиозное одушевленіе. Онѣ не всегда приносили туда рѣшеніе совершенно отказаться отъ міра. Сколько удалялось ихъ въ монастырскую тишь, чтобы только жить мирно и спокойно, не принимая монашескаго обѣта! Такъ жила въ монастырѣ загнанная родней бургундская принцесса Клотильда, и изъ монастыря вышла замужъ за франкскаго короля Хлодвига, котораго обратила въ христіанство. — Многія являлись въ монастырь кончить не богатую радостями жизнь, и тогда не останавливались уже передъ постриженіемъ. У иныхъ самыя несчастія, развивали аскетическую религиозность, какъ напримѣръ у тюрингенской принцессы Радегунды, весь родъ которой былъ истребленъ сыновьями Хлодвига. Ее взялъ въ плѣнъ и потомъ за себя Клотарь Суассонскій. Она его не любила, не могла забыть печальной судьбы всей своей родни, тосковала среди придворнаго шума и была словно чужая въ мужниномъ дворцѣ. Мужъ называлъ ее въ насмѣшку монахиней, и долженъ былъ подъ конецъ отпустить ее въ монастырь, гдѣ она дала волю и своей меланхолии, и своимъ аскетическимъ порывамъ.

Царство исполняло долгъ благодарности, канонизируя всѣхъ этихъ миссіонерокъ новаго ученія. Римъ причислилъ къ лику святыхъ и Клотильду, обратившую Хлодвига, и правнуку ея Берту, побудившую креститься англо-санксонскаго короля Этельберта Кентскаго, за котораго она вы-

шла замужъ, и Радегунду, и жену Хлодвига II Батильду, бывшую невольницу, привезенную изъ Англїи. Эта Батильда тоже правила одно время государствомъ за своихъ малолѣтнихъ сыновей и навлекла на себя неудовольствіе за свою щедрость къ духовенству, какъ это случилось впоследствии со многими изъ царственныхъ покровительницъ римской церкви. — Съ VIII вѣка женщины въ Германіи все чаще и чаще являются ея усердными служительницами. Онѣ основываютъ монастыри, дѣлаютъ вклады, ведутъ иноческую или отшельническую жизнь и умираютъ большей частью въ благоуханіи святости, какъ повѣствуютъ о нихъ безчисленныя легенды.

Кромѣ добровольныхъ отшельницъ, монастыри пополнялись невольными монахинями. Сколько женъ, опротивѣвшихъ или надоѣвшихъ мужьямъ, ссылалось ими туда! сколько дѣвушекъ и вдовъ, которыхъ надо было отстранить отъ участія въ наслѣдствѣ или отъ вліянія на дѣла, считавшіяся не женскими! — Удаленіе отъ свѣта, уединеніе въ глухихъ стѣнахъ, подавленные желанія, наконецъ мистическое настроеніе, которому не было никакихъ преградъ, производили разныя болѣзненные явленія въ женскихъ обителяхъ. Ясновидѣнія, галлюцинаціи, всякіе нервные припадки вскорѣ сдѣлались очень часты. Еще Григорій Турскій рассказываетъ о вѣщихъ видѣніяхъ нѣкоей Дисціолы въ томъ самомъ монастырѣ, гдѣ жили и умерла святая Радегунда. — Но разумѣется, не всѣ приносили въ монастырь такое настроеніе. — Многія изъ попадавшихъ туда волей или неволей смотрѣли на жизнь въ монастырѣ какъ на освобожденіе отъ домашняго деспотизма, и старались пользоваться этой свободой по своему.

Напрасно стали бы мы искать въ эту пору смягченія нравовъ отъ распространявшагося все болѣе и болѣе христіанства. Оно усвоивалось преимущественно своею формальною стороною. Оно не могло привить своей морали къ римскому обществу, да не обнаруживало еще вліянія и на нравы германскихъ варваровъ. Для короля Хлодвига, напримеръ, новая вѣра была только сподручнымъ политическимъ орудіемъ. Послѣ крещенія онъ сталъ чуть ли не кровожаднѣе прежняго. Да и жена его, подъ вліяніемъ ко-

торой онъ принялъ христіанство, была полна самой нехристіанской, неутолимой мстительностью. Она постоянно разжигала завоевательную жадность мужа, а потомъ и сыновей, своею ненавистью къ бургундской роднѣ, отъ которой нѣкогда натерпѣлась горя.

IV.

Ко времени Карла Великаго христіанство было уже прочно организованною силой. Еще въ 743 году первый германскій синодъ подчинилъ германскую церковь папѣ. Этимъ папство было обязано Винфриду, котораго прозвали благодѣющимъ — Бонифаціемъ. Онъ неустанно хлопоталъ въ германскихъ земляхъ о пользахъ римской церкви и, какъ извѣстно, сложилъ голову на этой миссіи. Это былъ и фанатикъ, и ловкій дипломатъ. Онъ не хуже современнаго іезуита умѣлъ дѣйствовать черезъ женщинъ. Отъ него осталась большая переписка съ его пріятельницами, которыхъ онъ заочно обнимаетъ „златыми узами любви духовной“ и цалуется „лобзаніемъ божественной и дѣвственной любви“. Онѣ его снаряжали въ его миссіи, надѣляли деньгами, книгами, одеждой, церковной утварью, — вообще содѣйствовали ему усердно. — Впрочемъ женщины въ самой Германіи вѣроятно были тогда мало развиты, и не могли сознательно помогать ему. Онъ пригласилъ нѣсколько духовныхъ подруговъ своихъ изъ англійскихъ монастырей. Монашескіе обѣты исполнялись тамъ не всегда особенно строго. Еще первый историкъ англо-саксонской церкви, Беда, жалуется, что уже въ VII вѣкѣ англійскія монахини употребляли свое искусство въ тканьи на то, чтобы снабжать красивымъ платьемъ любовниковъ. Но Винфридъ сдѣлалъ видно строгій выборъ. За шестью духовными сестрами его, переѣхавшими въ Германію, осталась хорошая слава. Всѣ онѣ стали тутъ основательницами женскихъ обителей и настоятельницами. Особенно одинъ изъ этихъ монастырей, Бишофсгеймъ на Тауберѣ, заведенный *ученою* Любой, долго считался хорошимъ мѣстомъ для воспитанія дѣвочекъ. Въ міру имъ учиться было негдѣ. Въ ахенскомъ *капитуляріи* Карла

789 года говорится о заведении школъ только для мальчиковъ.

Черная ряса была тогда вообще одеждой очень уважаемой. Ее надѣвали на время, а иногда и на всю жизнь, и женщины, жившія въ міру. Онѣ обрекали себя этимъ на безбрачіе, на дѣла смиренія и христіанскаго милосердія, и именовались *Божими дѣвицами, покровеницами* (Verschleierte) *посвященницами*. — А между тѣмъ то, что говорилъ Беда объ англійскихъ монахиняхъ, примѣнялось и къ обитательницамъ монастырей въ Германіи. Не даромъ свѣтская власть являлась на помощь монастырскому уставу. Въ *капитуляріяхъ* Карла Великаго видна большая забота о поведеніи монастырскихъ затворницъ. Женскіе монастыри строились часто рядомъ съ мужскими, и это вовсе не способствовало храненію должнаго цѣломудрія. (Около Люттиха былъ даже такой монастырь, гдѣ монахи и монахини жили вмѣстѣ). Карлъ запретилъ такое опасное сосѣдство. Его указы опредѣляютъ до мелочей и всѣ другія сношенія монахинь. Мужчинамъ запрещается посѣщать женскія обители. Священникъ даже, отправивъ тамъ богослуженіе, долженъ немедленно удалиться. Монахини не смѣютъ и переписываться съ кѣмъ либо въ міру. Наконецъ тѣ же самые *капитуляріи* говорятъ совершенно ясно, что есть монахини, которыя ведутъ бродяжническую жизнь, и вмѣсто вѣрности долгу своего званія заводятъ самыя земныя связи. И даже за деньги! Такія преступныя связи не обходятся безъ явныхъ послѣдствій, и эти послѣдствія преступно уничтожаются. Въ сравненіи съ этимъ, что значила какая нибудь любовная пѣсенка, которую напѣвала въ своей кельѣ иная затворница, или переписывала и передавала своей подругѣ? Но и это строго запрещалось однимъ изъ указовъ Карла. — Нечего и говорить, что монахиня не смѣла и шагу ступить за ворота ограды. Игуменья также не могла выѣзжать не спросясь епископа, кромѣ выѣзда ко двору разъ въ годъ.

Постричься — значило навсегда отказаться если не отъ любви, то по крайней мѣрѣ отъ замужества. Церковь грозила отлученіемъ не только монахинѣ, нарушившей обѣтъ, но и тому, кто бралъ ее за себя замужъ изъ монастыря. Отлученіе впрочемъ не внушало еще большаго страха. Осо-

бенно люди знатные и богатые часто высматривали себѣ женъ подъ монашескимъ покрываломъ. Такихъ отступницъ церковь допускала къ покаянію только по смерти мужа. Чтобы предупредить позднія раскаянія, постригаться позволялось не раньше двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Принять „ангельскій образъ“ раньше можно было развѣ на смертномъ одрѣ. Насильно постригать запрещалось; но насильно постриженная оставалась все-таки связана своимъ саномъ. Этимъ конечно не разъ пользовались для своихъ личныхъ цѣлей родители, мужья и родные. Монастырь сталъ между прочимъ очень удобнымъ мѣстомъ для сбыванья лишнихъ дѣтей. Родители съ полнымъ правомъ могли съ младенчества обречь свою дочь на монастырскую жизнь.

Поощряя и умножая монастырскія общины, церковь въ то же время не уставала стараться покорять себѣ совѣсть и внѣ ихъ стѣнъ. Она сильно ратовала противъ наложничества, и установила неразрывность брака, освященнаго ея благословеніемъ. Разводъ однакожъ допускался. Къ прежнимъ его поводамъ, женскому бесплодію и мужскому безсилію, даже прибавили прелюбодѣяніе или угрозу смертью, съ которой нибудь стороны, изгнаніе или ссылку кого нибудь изъ двухъ, и наконецъ взаимное соглашеніе разойтись. Когда мужъ или жена, или же оба желали посвятить себя Богу, то есть вступить въ монастырь. Если же жена вступала въ монастырь безъ согласія мужа, онъ могъ вытребовать ее обратно.

И карлингское время конечно плохо покорялось строгости церковныхъ законовъ о бракѣ. Самъ Карлъ Великій смотрѣлъ на бракъ и вообще на любовныя отношенія вовсе не такъ строго, какъ можно подумать, судя хоть бы по его законамъ. Первую жену свою онъ черезъ годъ отослалъ обратно къ ея отцу изъ политическихъ соображеній. Потомъ онъ былъ еще три раза женатъ, но имѣлъ и четырехъ наложницъ. Страстная натура его не могла примириться съ умѣренностью христіанскаго брака. Онъ былъ снисходителенъ и не къ одному себѣ. Въ императорскомъ пфальцѣ его господствовала полная терпимость въ дѣлахъ любви. Къ красавицамъ дочерямъ своимъ (ихъ было у него семь отъ женъ и наложницъ) онъ не примѣнялъ правилъ, какія пред-

писывалъ бѣднымъ монахинямъ. Онъ не выдавалъ ни одной изъ нихъ замужъ и говорилъ, что жить безъ нихъ не можетъ. Но за то онѣ пользовались полной свободой. Сначала ихъ учили наравнѣ съ братьями наукамъ, потомъ заставляли заниматься женскимъ рукодѣльемъ. Но онѣ вышли вовсе не похожи на свою бабу Берту, такую рукодѣльницу, что ее прозвали *прыхой*. Онѣ больше любили развлечения. Онѣ смотрѣли сквозь пальцы, что у дочерей были любовники и дѣти. Братъ ихъ Лудовикъ, вступивши на престоль, оказался строже отца. Образъ жизни принцессъ ему не нравился, и онъ силой удалялъ отъ нихъ мужчинъ, которые отличались ужъ черзчуръ „гнуснымъ безстыдствомъ“, какъ выражается хроника.

И выйдя изъ императорскаго пфальца, мы нигдѣ не найдемъ большаго вліянія новаго ученія о единомъ неразрывномъ бракѣ, о великой цѣнѣ дѣвственности и цѣломудрія; о преступности наложничества и многоженства. Ужъ если монастыри были такъ далеки отъ христіанской чистоты нравовъ, то чего требовать хоть бы отъ дворовъ тогдашнихъ помѣщиковъ? У нихъ были своего рода гаремы. Это такъ называемыя *женскіе дома*. Назначеніе ихъ было хозяйственное. Отдѣльная изба при помѣщицьемъ дворѣ, которую называли *женскимъ домомъ*, служила собственно швейной мастерской. Тутъ работали крѣпостныя дѣвушки и женщины. Шитье всякаго платья для мужчинъ и женщинъ должно было исключительно женскою спеціальностью. Тутъ трепали и чесали ленъ, пряли, ткали, кроили, шили, вязали и вышивали. За работами смотрѣла особая надзирательница. Чѣмъ служили эти гинекеи помѣщикамъ, ясно ужъ изъ того, что названіе *женскій домъ* усвоилось за мѣстами проституціи. Въ этомъ смыслѣ употреблялось оно во всѣ средніе вѣка. Развратъ занесенный въ свои мастерскія помѣщикомъ, привлекалъ конечно и постороннихъ. Противъ такихъ нарушителей помѣщицьяго права, принимались нѣкоторыя мѣры. Въ аллеманскомъ правѣ назначена пеня въ шесть шиллинговъ за изнасилованіе служанки, умѣющей шить. *Швабское зеркало* за изнасилованіе простой швеи назначаетъ лишь три шиллинга, а надзирательницы — шесть. Конечно, все это не касается самого помѣщика. Онъ полный хозяинъ.

Въ германскихъ актахъ, хоть и позднѣйшаго времени, именно первой половины XVI-го столѣтія, есть и слѣды помѣщицьяго „*jus primaе noctis*“. Неизвѣстно, было ли это здѣсь формальное право, какъ напр. во Франціи и въ Шотландіи. Упомянутые акты говорятъ впрочемъ о выкупѣ, который долженъ внести женихъ владѣльцу, если не хотѣлъ подчиниться этому праву. Вѣроятно значеніе такого же выкупа отъ барскихъ правъ имѣла и брачная пошлина, *maritagium*. Ее взимали помѣщики со своихъ крѣпостныхъ, браками которыхъ распоряжались полновластно. По грамматическому смыслу нѣкоторыхъ ея названій (а ихъ можно насчитать до десяти по разнымъ мѣстностямъ), никакъ нельзя думать, чтобы пошлина эта была только какъ бы платой за господское согласіе на бракъ. Въ названіяхъ этихъ упоминаются постель, дѣвичество и т. п.

При всемъ желаніи найти гдѣ нибудь уваженіе къ женщинамъ въ карлингскій періодъ, его не найдешь. Справедливости въ отношеніяхъ и того меньше. — Нѣмцы конечно пускаются въ разныя натяжки. Есть на примѣръ поэма IX столѣтія, *Heliand*. Эта поэма, говоря о Маріи, представляетъ, по словамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, „полнозвучное выраженіе древнегерманскаго уваженія къ женщинамъ“. Но все это полнозвучіе ограничивается тѣмъ, что Марія именуется въ поэмѣ „прекраснѣйшею изъ женщинъ“, — никакъ не больше!

Германецъ Тацита, со своимъ уваженіемъ къ женщинамъ, стригъ волосы невѣрной женѣ и гонялъ ее плетью по улицамъ. Теперь подозрѣваемыхъ въ невѣрности женъ подвергали пыткамъ такъ называемаго *божьяго суда*. Вотъ и весь успѣхъ въ уваженіи. Да и то успѣхъ ли? Вѣдь обычай этотъ былъ еще и въ язычествѣ. Онъ шелъ изъ далекой древности. И во всѣ средніе вѣка эта судебная форма удовлетворяла общественную нравственность. Къ ней прибѣгали: когда уликъ не было или было мало, — когда обвинитель отвергалъ присягу обвиняемаго и его поручителей или свидѣтелей, — когда наконецъ обвиняемый не могъ представить поручителей, которые присягнули бы за него. Дѣло рѣшалъ тогда судебный поединокъ. Но эта форма *божьяго суда* была доступна только людямъ свобод-

ных состояній. Несвободных же, когда никто не вызывался заступиться за нихъ въ поединкѣ, ждали испытанія другого рода. Точно также и женщины, хотя бы онѣ были изъ свободнаго сословія. Главную роль въ этихъ испытаніяхъ играли огонь и вода. Чтобы окончательно оправдаться, надо было или продержатъ известное время руку въ огнѣ, или пройти въ одной рубашкѣ сквозь зажженный костеръ, или пройти голыми ногами по нѣсколькимъ (семи, девяти) раскаленнымъ сошникамъ, или пронести известное пространство кусокъ раскаленнаго желѣза въ голыхъ рукахъ, или вынуть голой рукой кольцо, камень изъ котла съ кипящей водой. Но интереснѣе всего слѣдующій экспериментъ, которому въ XVI и XVII столѣтіяхъ подвергали особенно часто вѣдьмъ. Онъ и назывался поэтому *пробой вѣдьмъ* или *купаньемъ вѣдьмъ*. Подозрѣваемую кидали голую въ холодную воду. Всплыла—значить виновата; пошла ко дну—невинна. Захлебнуться при такой дилеммѣ было выгоднѣе.

Въ хроники чаще всего заносились случаи *божьяго суда* въ высшихъ общественныхъ слояхъ. Любопытна исторія императрицы Рихардисы, второй жены Карла Толстаго, внука Карла Великаго. За этого не особенно умнаго государя правилъ дѣлами его канцлеръ Лиутвардъ, епископъ верчелльскій. Карлу наговорили о любовной связи жены его съ канцлеромъ. Императрица утверждала, что никогда не была въ близкихъ сношеніяхъ не только съ Лиутвардомъ, но и ни съ однимъ съ мужчиной, даже со своимъ глупымъ мужемъ, хотъ и прожила съ нимъ двѣнадцать лѣтъ. Ей не вѣрили. Дѣвственность ея вмѣсто повивальной бабки долженъ былъ рѣшить *божій судъ*. По одному известію императрицу подвергли испытанію водой; по другому, заставили пройти въ навощеннѣй рубашкѣ сквозь огонь, или надѣли на нее такую рубашку и зажгли ее на ней. Огонь не обжегъ дѣвственной императрицы; но она удалилась послѣ этого въ основанный ею монастырь и скончалась тамъ; разумѣется, праведницей.

Не всегда однакожь въ такихъ случаяхъ полагались на чудесный судъ. Гораздо проще бывали судебные поединки во Франконіи. Обвиненная женщина могла здѣсь принудить драться съ собой обвинителя. Оружіемъ были палки. Чтобы

уравновѣсить силы сражающихся, мужчину ставили въ яму. Онъ оттуда защищался отъ нападеній женщины, не покидая мѣста. У кого перваго вылетитъ изъ рукъ палка, тотъ и побѣжденъ.—Въ другихъ мѣстахъ дѣло обходилось безъ палокъ. Мужчина долженъ былъ просто стащить къ себѣ въ яму женщину внизъ головой, или она вытащить его изъ ямы,—и тѣмъ все рѣшалось.

Умные люди конечно понимали и тогда не хуже насъ всю нелѣпность этихъ доказательствъ посредствомъ котловъ, костровъ и проч. У нѣмецкихъ поэтовъ XIII-го и XIV-го столѣтій есть довольно откровенныя насмѣшки надъ этимъ обычаемъ. Вотъ одинъ примѣръ изъ прекрасной поэмы Готфрида Страсбургскаго *Тристанъ и Изольда*.—Мужъ бѣлокурой красавицы Изольды, старый король Марке, подозрѣвалъ жену въ связи со своимъ молодымъ племянникомъ Тристаномъ, — и подозрѣвалъ не даромъ. Для суда надъ нею онъ собралъ своихъ бароновъ и епископовъ, и дѣло дошло до огненнаго испытанія. Чтобы не лгать подъ присягой, Изольда разыграла съ мужемъ цѣлую комедію. Отправляясь съ нимъ на судъ, она дала знать своему возлюбленному, чтобы онъ пришелъ на ту сторону рѣки, черезъ которую имъ нужно было переправляться. Тристанъ явился одѣтый бѣднымъ пилигримомъ, и его могла узнать только королева. Она захотѣла, чтобы ее перенесъ съ лодки по мосткамъ на берегъ именно этотъ пилигримъ. Когда Тристанъ взялъ ее на руки и понесъ, она шепнула ему упасть съ нею на берегъ будто нечаянно и полежать рядомъ. Любовникъ это исполнилъ. Изольда могла стало быть не краснѣя утверждать, что кромѣ супруга своего, короля Марке, она была въ объятіяхъ одного только человѣка и съ однимъ только лежала вмѣстѣ, именно съ бѣднымъ странникомъ, какъ это видѣли всѣ и самъ ея мужъ. Испытаніе было назначено торжественное. Имъ заправляло, какъ и всегда, духовенство. Раскаленное желѣзо Изольда пронесла безвредно и оправдалась. Готфридъ иронически замѣчаетъ, что передъ испытаніемъ „добрая королева Изольда серебро свое и золото и все, что съ нею было изъ лошадей, драгоценныхъ вещей и нарядовъ, отдала ради милости Господней, чтобы Богъ не попомнилъ ея настоящей вины“, — отдала конечно служителямъ церкви, которые накачивали желѣзо.

V.

Во времена нѣмецко-римскихъ императоровъ изъ саксонской и франкской династій женщины продолжали усердно радѣть церкви. Особы царственныхъ домовъ сыпали деньги на духовенство, на монастыри. Женскія обители множились съ каждымъ годомъ. Говоря о женщинахъ въ Германіи X-го и XI-го столѣтій, намъ почти не придется выходить изъ монастырскихъ оградъ. Тутъ сосредоточивалась вся дѣятельность, вся святость и вся ученость женщинъ.

Изъ числа ученыхъ всѣхъ интереснѣе монахиня Гротсвита, жившая въ Гандерсгеймскомъ монастырѣ, на Гарцѣ, во второй половинѣ X-го вѣка. Это первая женщина-писательница въ Германіи. Она писала впрочемъ по латыни, а не по нѣмецки. Такъ требовалось духомъ вѣка. Латынь господствовала въ церкви и при дворѣ. Безъ латыни человекъ не могъ назваться образованнымъ. Собственно говоря, самая образованность была часто не что иное, какъ знаніе латинскаго языка. Пріятельницы Бонифація именовались учеными, потому что могли вести переписку съ нимъ по латыни. Гандерсгеймская монахиня не только могла писать латинскія письма: она умѣла сочинять и латинскіе гекзаметры. Такихъ гекзаметровъ насочиняла она не одну тысячу. Въ нихъ изложила она нѣсколько легендъ о святыхъ и мученикахъ, житіе Дѣвы Маріи, исторію дѣяній императора Оттона I, исторію основанія своей обители. Кромѣ того, она читалась Теренція и вздумала попробовать себя въ драматическомъ родѣ. Шестъ комедій ея любопытны ужъ и потому, что это первыя попытки драмы въ Германіи. Это въ сущности исторіи въ лицахъ, взятыя изъ тѣхъ же легендъ. Онѣ написаны не то стихами, не то мѣрною прозой. Гротсвита написала къ нимъ и предисловіе. Она въ немъ сѣтуетъ, что многіе слишкомъ увлекаются внѣшнею красотой языческихъ литературныхъ произведеній Рима, и предпочитаютъ чтеніе ихъ чтенію священнаго писанія. („И сама я не совсѣмъ чиста отъ этого упрека“). Другіе же, по словамъ ея, хотя и крѣпко держатся церкви и чуждаются язычества, но читаютъ и перечитываютъ комедіи Теренція, —

такъ плѣняетъ ихъ чистота и изящество его языка. А при этомъ непристойное содержаніе все-таки незамѣтно дѣйствуетъ со вредомъ на душу. Гротсвита задумала замѣнить собою Теренція для христіанскихъ читателей и читательницъ. Она рѣшилась „такимъ же слогомъ, какимъ онъ избрала любовь сладострастныхъ женщинъ, изобразить цѣломудренныя вождельнія святыхъ дѣвъ, въ честь имъ и славу“. — Въ одной изъ комедій римскій намѣстникъ Дульцицій забирается ночью, какъ похотливый котъ, къ тремъ цѣломудреннымъ дѣвицамъ, Агапѣ, Хіоніи и Иренѣ. Но на него внезапно нападаетъ какое-то помраченіе. Онъ лѣзетъ со своими объятіями, вмѣсто чистыхъ дѣвъ, къ горшкамъ и сковородамъ, и страшно пачкается всякою дрянью. Императоръ Диоклетіанъ, въ отместку за такую обиду его сановнику, предаетъ трехъ дѣвъ казни, и пьеса кончается ихъ мученическою смертію. — Другая пьеса вся посвящена мученичеству трехъ сестеръ, Вѣры, Надежды и Любви (Fides, Spes, Caritas). Мать ихъ Софія (Sapientia) присутствуетъ при этомъ и поддерживаетъ въ нихъ энергію своими рѣчами. Тутъ Гротсвита выказала близкое знакомство свое съ тонкостями тогдашнихъ теологическихъ умствованій. Въ этихъ тонкостяхъ заключалась тогда вся философія. — Такой же апофеозъ мученичества и въ комедіи *Обращеніе Галликана*. — Двѣ комедіи: *Авраамъ* и *Пафнутій*, довольно сходны по содержанію. Это исторіи обращенія двухъ развратницъ, Маріи и Тамы. Марія, племянница пустынника Авраама, прожила двадцать лѣтъ въ уединеніи и молитвѣ, но потомъ вдругъ сбилась съ пути истиннаго, возвратилась въ міръ и сдѣлалась продажною блудницей. Дядя идетъ ее выручать. Онъ сходится съ нею подъ предлогомъ купить ея ночь, и убѣждаетъ ее возвратиться къ прежней жизни. Послѣ двухлѣтняго веселаго житья, Марія такъ же круто возвращается къ святости, какъ круто повернула отъ нея въ распутство. — Ни въ одной пьесѣ дѣло не обходится конечно безъ разныхъ чудесъ. Лица комедій Гротсвиты движутся и говорятъ какъ маріонетки. Только тогда и пробивается въ нихъ жизнь, когда они становятся именно въ тѣ отношенія, противъ которыхъ хотѣла ратовать авторствующая монахиня. Конечно, не одно вліяніе Теренція, но

и волненія собственной крови, обреченной можетъ быть противъ воли течь ровно и мирно, были причиной явнаго пристрастія Гротсвиты къ сценамъ не монастырскаго характера. На читательницъ такія сцены вѣроятно производили больше впечатлѣнія, нежели ея холодная мораль и запутанная философія.—Сочинительство Гротсвиты поощрялось въ обители; да и не одна она была здѣсь ученая женщина. Изъ посвященія стихотворной хроники ея объ Оттонѣ видно, что ей внушила этотъ трудъ игуменя Герберга. Не меньше сочувствовали образованности и предшественницы Герберги: Гадумода, основательница обители, другая Герберга и Христіана.

Въ одно время съ Гротсвитой жила въ одномъ швабскомъ монастырѣ и еще очень ученая женщина. Она читала греческихъ и латинскихъ писателей, впрочемъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы идти по ихъ стопамъ, какъ Гротсвита. Это была ученость для учености. Гадавиги или Гедвиги ничего не писала и ни къ чему не примѣняла своихъ знаній. Пышную и гордую красавицу эту прочили въ дѣтствѣ ея замужъ за греческаго императора Константина VI, и она тогда еще выучилась по гречески. Для этого былъ нарочно присланъ евнухъ изъ Византіи. Но бракъ не состоялся. вмѣсто императора, она вышла замужъ за швабскаго герцога Пурхарда, больнаго, жалкаго старика, съ которымъ не прижила дѣтей. Неудавшіяся надежды сдѣлали герцогиню раздражительною. Она была не только строгой, даже грозной госпожей. Когда она восклицала: „Bei Hedwig's Leben!“ все трепетало. Овдовѣвъ, Гедвиги пошла въ монастырь, и тутъ предалась ученымъ занятіямъ. Она выпросила себѣ въ учителя монаха Эккегарда у его настоятеля изъ сосѣдняго Сентъ-Галленскаго монастыря, и читала съ нимъ Овидія, Виргилія и другихъ древнихъ поэтовъ. Эккегардъ былъ человекъ искушенный въ придворной жизни (palatinus) и могъ возбудить подозрѣнія, — не то, что бывшій византійскій наставникъ Гедвиги. Поэтому гордая герцогиня занималась съ монахомъ не иначе, какъ при служанкѣ и отворивъ настежь двери своей кельи. Но ни монастырская жизнь, ни изученіе классиковъ не смягчили ея нрава. Отъ раздражительности ея вѣрно не разъ приходи-

лось робѣть и Эккегарду. Нервы у нея нисколько не подходили на утонченные нервы нынѣшнихъ нѣмецкихъ дамъ, которыми такъ недоволенъ Риль именно за ихъ излишнюю впечатлительность. За какую-то ничтожную невѣжливость или даже просто неосторожность Гедвиги преспокойно велѣла „спустить шкуру“ съ одного изъ своихъ крѣпостныхъ слугъ. Нѣмецкое выраженіе— „Haut und Haar abschlagen“ — значило даже больше русскаго: послѣ жестокаго наказанія розгами выдергивали еще и волосы изъ головы деревянными клещами.

Если въ женскіе монастыри находили себѣ путь такіа жестокости, какъ было не пробираться туда болѣе нѣжнымъ страстямъ? Церковная угроза все еще не мѣшала нѣмецкимъ эделингамъ брать себѣ женъ изъ монастырей. Такъ Генрихъ Птицеловъ, покоритель венгерцевъ, влюбился въ молоденькую вдову, принявшую уже обѣтъ монашества, и не побоялся жениться на ней. Черезъ годъ, когда жена родила ему сына, Генрихъ вдругъ нашелъ, что бракъ его дѣйствительно незаконенъ, и послалъ жену обратно въ монастырь. Но дѣло объясняется проще. Генриха привлекла другая монастырская жилица, другая красавица, — именно Матильда, происходившая изъ рода стараго саксонскаго герцога Витукинда. Эта молодая дѣвушка жила и воспитывалась у бабки своей, настоятельницы монастыря. Хроники говорятъ о ея смягчающемъ вліяніи на крутой нравъ мужа. Это вѣчное общее мѣсто въ такихъ случаяхъ. Сознательно повторять его было бы нелѣпо. Точно также, когда говорится о царственныхъ женщинахъ этого времени, что онѣ принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ, это значитъ не болѣе того, что онѣ давали много денегъ духовенству и основывали разныя аббатства и обители. Мотовство Матильды было таково, что сыновья, когда она овдовѣла, вынуждены были отобрать у нея всѣ имѣнія и отправить ее самою въ монастырь. Папство же причислило ее по смерти къ лику святыхъ въ благодарность за щедрыя даванія.

Только о женщинахъ удостоившихся такой чести или принадлежавшихъ къ царственнымъ домамъ и сохранились болѣе подробныя свѣдѣнія. Но они полны или дикихъ фан-

тазій, или самой низкой лести. Тутъ и до дѣйствительныхъ достоинствъ, гдѣ такія были, не доберешься. Поэтому мы и не будемъ распространяться объ этихъ преувеличенныхъ добродѣтеляхъ.

Ради знаменитости, можно упомянуть развѣ объ Адельгейдѣ, второй женѣ императора Оттона I-го. По словамъ ея современнаго біографа, императрицу сопровождала всегда и всюду мать всѣхъ добродѣтелей—умѣренность. Умѣренность эта не касалась, разумѣется, раздаванья денегъ аббатамъ. Адельгейда сначала заставляла мужа щедро одарить монастыри и церкви; потомъ, овдовѣвъ, побуждала къ тому же и сына, пока наконецъ не вывела его изъ терпѣнія. Какъ было не восхвалять ея добродѣтелей!

Нѣсколько иного характера отзывы о невѣсткѣ Адельгейды, женѣ Оттона II-го, греческой принцессѣ Теофаніи. Эта была и умнѣе и расчетливѣе,—по крайней мѣрѣ старалась обуздать щедрость свекрови. Она понимала кое-что и въ политикѣ, и знала толкъ въ классической литературѣ. Ее винятъ однакожь нѣмцы, надъ неуклюжестью которыхъ она подсмѣивалась, что она ввела при дворѣ византійскую пышность и этимъ содѣйствовала развитію роскоши и франтовства въ высшихъ слояхъ общества.

Царственные женщины саксонской династіи значительно содѣйствовали упроченію папской власти. Пока власть эта не была еще достаточно сильна, папство было очень щедро на канонизацію женщинъ. Всѣ эти Матильды, Эдиты, Адельгейды, Кунигунды попали въ святцы. Не то уже было при императорахъ франконскаго дома. Папство становилось все сильнѣе, и папа могъ наконецъ заставить дрожать день и ночь на холодѣ и голодѣ униженнаго императора, и обращаться съ нимъ *en capaille*. Кстати о Генрихѣ IV-мъ. О женѣ его, Бертѣ Савойской, говорятъ обыкновенно какъ о женщинѣ достойной уваженія. Она возбуждаетъ скорѣе отвращеніе своими пассивными добродѣтелями. Берта была противна мужу тотчасъ же послѣ свадьбы, и онъ собирался нѣсколько разъ прогнать ее отъ себя, какъ это тогда водилось сплошь и рядомъ. Но она сзумѣла своей назойливостью сохранить свое положеніе. Это на официальномъ языкѣ изолгавшихся историковъ называлось: „терпѣніемъ, кротостью и преданностью побѣдить отвращеніе мужа“.

Какъ извѣстно, къ этому времени относится мѣра папы Григорія VII-го, которая должна еще болѣе укрѣпить политическую силу папства. Браки духовныхъ лицъ уже и прежде ограничивались. Въ предѣлахъ епархіи римскаго епископа, на верхнихъ ступеняхъ іерархіи духовенство оставалось безбрачнымъ. Но только съ половины XI-го вѣка папская курія стала систематически стараться о распространеніи этого ограниченія на все духовенство безъ изыятія. Политическая мѣра эта объяснялась конечно иначе, религиозно. Общеніе съ женщиной было будто бы оскверненіемъ священника, приготовляющаго святыя дары за литургіей. Тутъ кстати вспомнили, какъ вопіяли противъ женщинъ первые учителя аскетизма. Недавно поощряемая и похваляемая, женщина стала опять „ученицею змія“, „началомъ грѣха“, „матерью преступленія“, „вратами діавола“, „хвостомъ скорпіона“. Можно ли было священнику пачкаться объ эту „*vas adulterii*“?—Какова была чистота безбрачнаго духовнаго войска папы, слишкомъ хорошо извѣстно. Одинъ хронистъ XIII-го столѣтія, по поводу пребыванія папскаго двора Иннокентія IV-го въ Ліонѣ, рассказываетъ, что передъ отъѣздомъ кардиналъ Гуго-де-Сентъ-Оаро говорилъ ліонскимъ гражданамъ: „Друзья, вы должны быть намъ очень благодарны. Мы были вамъ полезны. Когда мы пріѣхали, въ городѣ было всего-три-четыре развратныхъ дома. Уѣзжая, мы вамъ оставляемъ только одинъ; но онъ за то простирается отъ восточныхъ воротъ города до западныхъ“.

Когда въ Германію явился запретъ Григорія, этотъ „*decretum epogme*“, по выраженію одного тогдашняго лѣтописца, многіе изъ духовенства возстали тамъ на этотъ противоестественный законъ. Констанцскій епископъ Оттонъ проповѣдывалъ противъ него съ каедръ. Одинъ священникъ въ Пассау издалъ памфлетъ, доказывая законность брака священниковъ посланіями апостола Павла и соборами. Онъ говорилъ, что безбрачіе „сдѣлаетъ священниковъ, подобно зачинщикамъ этой ереси, блудниками, прелюбодѣями и рабами самыхъ грязныхъ пороковъ“. Но идти противъ Рима было уже трудно, или даже невозможно. Притомъ монахи умѣли такъ фанатизировать народъ въ Германіи, что онъ во многихъ мѣстахъ силою выгонялъ женъ отъ священни-

ковъ. Лишь кое-гдѣ бракъ священства удержался долѣе. На сѣверѣ Германіи большая часть священниковъ бывали женаты еще въ XII вѣкѣ. Можно было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—напримѣръ въ Силезіи—встрѣтить женатыхъ епископовъ, канониковъ и приходскихъ священниковъ и въ XIII-мъ столѣтіи. Но затѣмъ безбрачіе священства вошло уже вполне и въ законъ, и въ обычай.

Духовенство, разумѣется, скоро поняло, что дѣло идетъ не о цѣломудріи, а только объ отреченіи отъ семьи, какъ связи съ обществомъ и государствомъ. Оно могло поэтому скоро примириться съ новымъ своимъ положеніемъ. Наложничество, противъ котораго оно прежде кричало, стало теперь его исключительно привилегіей. Народъ, принявшій когда-то сторону новаго закона, тоже скоро понялъ, какъ онъ кстати въ обществѣ, построенномъ, плохо ли, хорошо ли, на семейномъ началѣ, въ обществѣ, гдѣ бракъ неразрывенъ и считается таинствомъ. Крестьяне въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ требовали, когда къ нимъ назначался новый священникъ, чтобы онъ привозилъ съ собою и наложницу. Они выражались грубѣе и пластичнѣе. Надо, чтобы у „духовнаго пастыря“ была своя собственная Seelenkuh, говорили они.

О нравахъ нѣмецкаго общества въ X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ мы знаемъ очень немного. Вниманіе лѣтописцевъ обращалось почти исключительно на особъ коронованныхъ и на ихъ образъ жизни. Епискогъ мерзбургскій, Дитмаръ, писавшій свою хронику при императорѣ Генрихѣ II, осуждаетъ тогдашнія моды. Онъ говоритъ, что женщины обнажаютъ непристойнымъ образомъ нѣкоторыя части своего тѣла и показываютъ совершенно явно своимъ любовникамъ, что у нихъ продажное, безстыдно вынося на позорище всему свѣту свои прелести. „Въ наши дни“, замѣчаетъ онъ еще, „кромѣ множества совращенныхъ дѣвушекъ, предаются распутству и многія замужнія женщины, въ коихъ страстная похоть возбуждаетъ пагубный зудъ, — и даже при жизни мужей. Мало того; иная науцаетъ своего любовника и предаетъ мужа въ руки убійцы, а потомъ открыто беретъ любовника къ себѣ, чтобы блудить сколько душѣ угодно“. Примѣръ подавался съ высотъ свѣтскихъ и духовныхъ.

VI.

До сихъ поръ мы не находили и слѣдовъ прославленнаго уваженія. Будемъ теперь искать его въ германскомъ рыцарствѣ. Вѣдь въ числѣ главныхъ статей рыцарской присяги было — защищать вдовъ и сиротъ, и вообще уважать честь женщинъ.

Рыцарство вышло не изъ нѣмецкой жизни. Оно возникло и развилось на романской почвѣ, въ Испаніи и Южной Франціи, и Германія только акклиматизировала его у себя. И весь кодексъ законовъ и правилъ рыцарства, со всѣми его условными обычаями и церемоніями, и рыцарскія понятія о личной и сословной чести были заимствованіемъ. Только взаимнѣе французскаго названія „куртуазіи“ явилось нѣмецкое имя Höflichkeit. Это не что иное какъ переводъ французскаго слова.

Существеннѣйшею частью рыцарско-романтической *куртуазіи* было такъ называемое „служеніе женщинамъ“, „служеніе любви“ (по нѣмецки Frauendienst, Minnedienst). Испанскіе и провансальскіе трубадуры и сѣверно-французскіе труверы возвели его въ систему. У нѣмцевъ точно также явились, вмѣстѣ съ рыцарствомъ, свои пѣвцы женщинъ и любви — *миннезетеры*.

Въ какія бы крайности и нелѣпости ни вдавалось это „любственное служеніе“ тамъ, гдѣ оно впервые возникло, и особенно во Франціи, основа его все-таки была справедлива. Это — недовольство юридическимъ положеніемъ женщины, безусловно подчиненнымъ и безправнымъ. То, чего не давалъ законъ, хотѣли взять у обычая, у моды. Въ принципахъ куртуазіи женщина находила хоть какой нибудь исходъ изъ своей подневольности. Браки были такъ условны, такъ подчинены разнымъ постороннимъ соображеніямъ. Надо было хоть какъ нибудь помочь дѣлу. Вотъ откуда явились и эти правила, которыя встрѣчаются въ галантномъ кодексѣ трубадуровъ, а именно: что любовь не можетъ ни въ чемъ отказать любви; что бракъ не есть законное извиненіе противъ любви; что женщина можетъ быть любима въ одно время двумя мужчинами (одинъ, предпо-

лагается, муж) и на оборотъ, и проч. Подобнаго рода вопросы рѣшались въ такъ называемыхъ *судахъ любви*. Такъ, въ самую цвѣтущую пору рыцарства, на такомъ судѣ, устроенномъ графиней Шампаньской, разбирался вопросъ: „возможна ли любовь въ бракѣ?“ Формальный приговоръ суда (*arrêt d'amour*) былъ: „нѣтъ“. О такого рода *Minnehöfe* въ Германіи есть извѣстія изъ конца XIII столѣтія.

Любовь, о которой шла рѣчь, была идеальна только въ теоріи. Едва ли что разжигаетъ такъ чувственность, какъ платоническій идеализмъ. Немудрено, что онъ привелъ къ большой распущенности нравовъ. Стоитъ заглянуть въ любимѣйшіе романы среднихъ вѣковъ, въ родѣ *Амадиса Галльскаго*, во французскія новеллы и фавль. Рыцарскія празднества, турниры и банкеты сплошь переходили въ оргіи. Подъ модными масками дѣвушки и замужнія женщины могли очень удобно веселиться какъ хотѣли.

Нѣмецкіе рыцарскіе нравы были вообще нѣсколько скромнѣе, если не переходили въ крайнюю грубость. А это случалось нерѣдко, и тогда въ нихъ не оставалось ужъ ровно ничего рыцарскаго. За то они и не приготовили для женщины того широкаго вліянія, которое она получила на примѣръ во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Вообще рыцарство въ Германіи было больше модой, нежели чѣмъ нибудь вяжущимся съ нѣмецкою жизнью. Недаромъ выродилось оно такъ скоро въ разбойничество.

Такъ называемые цѣвцы любви, миннезенгеры, представляютъ очень жалкое явленіе. Искать въ нихъ тогдашняго будто бы высокаго мнѣнія о женщинахъ — конечно большая натяжка. Всѣ эти Вальтеры Фогельвейде, Реймары, Генрихи Мейссенскіе дѣйствительно воспѣвали женщинъ и ихъ достоинства. Но какія достоинства и какъ воспѣвали! Шиллеръ былъ совершенно правъ, говоря, что еслибъ воробы на крышѣ вздумали писать и издать альманахъ любви и дружбы, то этотъ альманахъ ничѣмъ не отличался бы отъ сборниковъ пѣсенъ средневѣковыхъ миннезенгеровъ. „Садъ, дерево, плетень, роца и милая, — вотъ приблизительно всѣ предметы, вмѣщающіеся въ головѣ воробья“. Напрасно Шерръ въ своей *Исторіи Нѣмецкихъ Женщинъ* находитъ этотъ отзывъ слишкомъ общимъ и рѣзкимъ.

Достаточно прочесть хоть сдѣланный имъ самимъ сводъ мнѣній о женщинахъ изъ миннезенгеровъ. И еще онъ не удовольствовался миннезенгерами въ тѣсномъ смыслѣ, а привелъ отрывки и изъ средневѣковыхъ эпиковъ.

„Прослащены и расцвѣчены (*durchsüßet und geblümet*) чистыя женщины. Нѣтъ ничего сладостнѣе ихъ въ воздухѣ, на землѣ и на всѣхъ зеленыхъ лугахъ. — Что на свѣтѣ лучше женщины, и что лучше ея утолить томленіе сердца? Что можетъ усладить насъ въ жизни больше, чѣмъ ея сладостное тѣло? — Нѣмецкія женщины прекрасны какъ ангелы и чисты. Одинъ лишь безумный можетъ ихъ бранить. Стыдливость и мѣра во всемъ — вотъ женская краса. Но вѣрность — лучшій вѣнецъ женщины. Рядомъ съ нею цвѣтетъ цѣломудренная веселость, какъ лилія подлѣ розы. Кто хочетъ достигнуть любовной цѣли, не долженъ играть честию женщины. О женщинахъ надо говорить только хорошее, потому что отъ нихъ только достается намъ радость“.

Вотъ самые яркіе проблески германскаго уваженія къ женщинамъ въ пѣснопѣніяхъ миннезенгеровъ. Ужъ по этому можно судить объ остальномъ. Вездѣ болѣе или менѣе приторный сантиментализмъ съ примѣсью болѣе или менѣе робкой похотливости. Одною изъ главныхъ темъ у миннезенгеровъ, какъ и у трубадуровъ, было утреннее прощаніе съ милой. Послѣ ночи, проведенной въ „любовной забавѣ“ (*Minnespiel*), милая будитъ милаго на разсвѣтѣ, чтобы онъ потихоньку уходилъ.

Какъ ни жалки были комплименты, все же это были комплименты, — и миннезенгеры состояли подъ особымъ покровительствомъ великосвѣтскихъ дамъ того времени. (Это однакожъ не мѣшало имъ быть интимнѣе знакомымъ съ крестьянскими дѣвушками, чѣмъ съ аристократками). Пѣніе и разсказъ, то есть чтеніе вслухъ эпическихъ поэмъ, были въ числѣ модныхъ развлеченій, и миннезенгеры были всегда пріятными гостями. Подчасъ женщины умѣли выразить своимъ пѣвцамъ сочувствіе и очень торжественно, какъ доказываютъ на примѣръ похороны Генриха Мейссенскаго. Этотъ миннезенгеръ, за которымъ усвоилось прозвище спеціальнаго *хвалителя женщинъ*, Фрауэнлоба, умеръ въ Майнцѣ, во второмъ десятилѣтіи XIV вѣка. Женщины сами несли

его къ могилѣ „съ великимъ плачемъ“, какъ рассказываетъ лѣтопись. Когда же его положили въ склепъ въ Майнцскомъ соборѣ, онѣ полили его гробницу виномъ, и притомъ въ такомъ обиліи, что вино разлилось по всей церкви.

Но не всѣ пѣли и тогда и раньше во вкусѣ и въ тонѣ Фрауэнлоба. Многіе изъ тѣхъ же миннезенгеровъ относились къ женщинамъ очень нахально. Такъ они хвастались въ своихъ пѣсняхъ, какъ имъ удается кружить головы легкомысленнымъ дѣвушкамъ и увлекать ихъ. Одинъ говоритъ, что для него всѣ юбки (или передники) равны, и что онъ бѣгаетъ безъ разбору за всѣми женщинами, большими и маленькими, молодыми и старыми, умными и глупыми, блондурами, русыми и черноволосыми. Дидактическіе поэты XIII вѣка сильно сомнѣвались въ нравственныхъ качествахъ женщинъ, и старались только обличать ихъ слабости и ихъ дурныя по тогдашнему стороны. Но, кромѣ того, съ самаго возникновенія въ Германіи „служенія женщинамъ“ и посвященной ему поэзіи, съ самаго XII вѣка до XV тянется рядъ стихотворцевъ-новелистовъ, которые направляли свою сатиру исключительно противъ женщинъ. Въ ихъ большей частію скандальныхъ и циническихъ повѣстяхъ женщины являются или дурами, или безпутными. Самодовольство, съ какимъ они высказываютъ свое презрѣніе къ „слабому полу“, свидѣтельствуется лучше всего о популярности въ обществѣ такого взгляда.

Что все рыцарское уваженіе къ женщинамъ было просто комедіей безъ серьезнаго смысла, не трудно заключить ужъ изъ того, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ юридическое положеніе женщины въ Германіи — какъ дочери, сестры, жены, матери и вдовы — оставалось неизмѣненнымъ. Да и не въ одной Германіи. Рыцарская куртуазія дѣлала большое различіе между *дамой* или *госпожой* (то есть возлюбленной) и женщиною вообще. Самая рыцарская присяга говоритъ именно объ уваженіи къ чести *дамъ*. Дама, возлюбленная была идеаломъ, требующимъ поклоненія. Женою же, сестрой, дочерью можно было по прежнему помыкать, пренебрегать, и требовать „служенія“ и слѣпаго покорства *отъ нея*. Даже въ галантной Франціи мужъ могъ безнаказанно бить и ранить свою жену, только бы не сломалъ ей

какого нибудь члена и не нанесъ смертельной раны. Самыя пени, когда дѣло касалось оскорбленія женщины, понижались въ средніе вѣка на половину сравнительно съ такими пенями за оскорбленіе мужчины. Со своимъ взглядомъ на женщину, какъ на куклу или на ребенка, средне-вѣковое законодательство признало только за беременными право на разныя прихоти. Онѣ могли безнаказанно удовлетворять свой аппетитъ чужими плодами, овощами и даже чужою дичью.

Въ культѣ Маріи, который такъ развился въ средніе вѣка, хотятъ видѣть тоже какую-то связь съ идеальнымъ „служеніемъ женщинамъ“. Это обыкновенно объясняется цвѣтистыми фразами. „Ореоль съ головы Маріи былъ какъ бы перенесенъ на голову каждой женщины“, и т. под. Рыцарь Пушкина былъ гораздо послѣдовательнѣе. Какъ извѣстно, онъ имѣлъ „непостижное уму“ видѣніе.

«Путешествуя въ Женеву,
Онъ увидѣлъ у креста
На пути Марію Дѣву,
Матерь Господа-Христа».

Но, вмѣсто того, чтобы предаться „служенію женщинамъ“, —

«Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ».

Если и были у рыцарства какіе-то возвышенные идеалы, то ихъ нечего было искать въ жизни. Жизнь не могла удовлетворять заоблачныхъ фантазій и претворяла ихъ въ очень земную практику. Рѣдки были конечно пушкинскіе рыцари, но не чаще встрѣчались и такія дамы, какъ на примѣръ возлюбленная Тоггенбурга, или какъ знаменитая нѣмецкая пророчица и ясновидящая XII-го вѣка Гильдегарда.

Эта нервная, болѣзненная монахиня находила какое-то страстное удовлетвореніе въ своихъ экстазахъ и мистическихъ грезахъ, и ими прославилась. Она пророчествовала какъ сивилла, и императоръ Барбаросса благоговѣнно внималъ ей вѣщаніямъ въ своемъ дворцѣ. Изъ своего мона-

стыря близъ Бингена она вела переписку съ папами и со многими прелатами и государями не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Чудесь, которыми она изумляла современниковъ, и вѣщихъ ея видѣній мы не имѣемъ здѣсь нужды пересказывать.

Нѣсколько ближе къ жизни былъ другой beau ideal женскихъ совершенствъ по понятіямъ XIII-го столѣтія, именно Елизавета Венгерская, жена тюрингенскаго ландграфа Лудвига. Она представляется идеаломъ даже и современнымъ ханжамъ въ родѣ графа Монталамбера, который сочинилъ цѣлую книгу о ней, очень популярную между католиками. Елизавета была дѣйствительно женщина замѣчательныхъ добродѣтелей въ христіанскомъ смыслѣ. Но окружавшіе ее умѣли очень ловко превращать эти добродѣтели въ звонкую монету и пользоваться ими въ этомъ видѣ. Она не выходила изъ-подъ деспотическаго вліянія своего духовника, мрачнаго аскета и дикаго фанатика, марбургскаго монаха Конрада, которому можетъ быть только насильственная смерть помѣшала ввести въ Германію инквизицію со всѣми ея принадлежностями. Елизавета рано овдовѣла, терпѣла много отъ брата своего покойнаго мужа, и предалась дѣламъ благочестія и благотворительности. Отказывая себѣ во всемъ, она помогала бѣднымъ, ухаживала за больными, основывала больницы. По разсказу легенды, она собственными руками перевязывала и лечила прокаженныхъ, которыхъ тогда удаляли обыкновенно отъ жилыхъ мѣстъ и городовъ, боясь заразы. Она отказалась выйти замужъ за императора Фридриха II-го (да и какъ было ей идти за такого вольнодумца?) жила въ послѣдніе годы соимъ собственнымъ руководѣлемъ, и умерла въ цвѣтѣ лѣтъ, на двадцать пятомъ году.

VII.

Рыцарская куртуазія процвѣтала въ пфальцахъ и бургахъ высшаго дворянства — князей, графовъ, имперскихъ бароновъ, въ мѣстопребываніяхъ епископовъ и въ аббатствахъ. Низшее дворянство знало о рыцарскихъ утонченностяхъ больше по наслышкѣ.

Женское воспитаніе въ этихъ центрахъ рыцарства было конечно согласно съ общимъ ихъ настроеніемъ. Дочери аристократовъ воспитывались или дома, или въ женскихъ монастыряхъ, или же при княжескихъ дворахъ, куда ихъ свозили и отдавали въ руки особой воспитательницы. Сколько нибудь серьезнаго образованія нечего искать между тогдашними женщинами. Самое слово *образованіе* слишкомъ громко для того, что пріобрѣтали дѣвочки отъ своихъ воспитательницъ. Къ грамотности присоединялись кой-какія свѣдѣнія по домашнему хозяйству, нѣкоторыя свѣтскія искусства, пѣніе, игра на цитрѣ, на арфѣ, и изящныя руководѣлья. Но верхомъ тогдашней женской образованности было знаніе науки свѣтскаго обращенія. Тутъ все было опредѣлено въ подробности: какъ держаться, какъ стоять, какъ ходить, какъ сидѣть, — что пристойно дома, что на улицѣ, что въ гостяхъ, — какъ вести себя въ игрѣ, въ танцахъ, какъ относиться къ высшимъ, какъ къ низшимъ, какъ къ мужчинамъ, какъ къ женщинамъ.

Всѣ эти кукольныя совершенства были необходимы въ начинавшейся тогда *светскости*, которая предлагалась женщинамъ въ качествѣ свободы. Какъ извѣстно, безъ женщинъ уже не могло обходиться въ то время ни одно торжество, ни одинъ праздникъ, ни одинъ пиръ.

„Гладенькія, какъ попугаи“, по выраженію одной поэмы, онѣ служили украшеніемъ турнировъ, гдѣ раздавали награды, сеймонъ, гдѣ конечно не подавали голоса (серьезныя дѣла дѣлались безъ нихъ), царственныхъ свадебъ, церковныхъ празднествъ и даже пышныхъ охотъ, гдѣ онѣ являлись въ сѣдлѣ и съ соколомъ на рукѣ. Онѣ присутствовали и при игрѣ мужчинъ въ кости и въ шахматы, играли для услады ихъ на арфахъ и пѣли, участвовали въ игрѣ въ мячъ и, разумѣется, безъ нихъ не могли устроиться танцы. — Какъ хозяйки дома, онѣ должны были *занимать* гостей, какъ это еще говорится и дѣлается даже въ наше время.

Гостепрѣимство въ рыцарскихъ бургахъ было неизбѣжною обязанностію. Тогдашніе постоянные дворы и гостиницы не могли удовлетворять требовательности знатныхъ рыцарей, и перепутьями имъ служили замки и монастыри. Тутъ все бывало устроено къ пріему гостей, преимущественно знатныхъ, смотря по средствамъ хозяина.

По законамъ рыцарско-свѣтской куртуазіи, главная роль въ обычаяхъ гостепрѣимства принадлежала женщинамъ. Хозяйка бурга, дочери ея здоровались съ гостями поцѣлуями. Потомъ онѣ должны были вести гостя въ особую комнату и переодевать его, то есть снять съ него дорожное платье, вооруженіе и дать ему болѣе удобную одежду. За столомъ главная хозяйка садилась около гостя, накладывала ему кушанье, подносила вино. Вниманіе хозяйекъ не покидало гостя, когда онъ отправлялся и въ спальню, и даже въ баню.

Въ прекрасной поэмѣ Вольфрама Эшенбаха *Парцивал* одинъ рыцарь заѣзжаетъ переночевать на перепутьѣ въ замокъ. Хозяинъ провожаетъ его въ спальню вмѣстѣ со своею дочерью дѣвушкой. Потомъ самъ уходитъ, а дочь оставляетъ съ гостемъ, чтобы она услужила ему. Поэтъ очень недвусмысленно замѣчаетъ по этому случаю: „попроси онъ у нея чего нибудь больше, она можетъ быть не отказала бы ему“. Поутру, на зарѣ, дѣвушка опять идетъ въ комнату гостя, чтобы предложить ему свои услуги, когда онъ проснется.—Въ той же поэмѣ самъ юный герой ея, точно также переночевавъ мимоѣздомъ въ замкѣ, приглашается поутру въ баню. Въ то время, какъ онъ сидитъ въ ваннѣ, входятъ замковья дѣвицы и начинаютъ гладить ему тѣло своими „бѣлыми мягкими руками“. Это очень смущаетъ юнаго рыцаря. Дѣвушки подаютъ ему простыню обернуться. Но ему совѣстно обтираться передъ ними, — и онѣ удаляются очень недовольныя, да и то не вдругъ.

Чѣмъ было это женское гостепрѣимство во Франціи, очень откровенно рассказываютъ рыцарскія стихотворенія. Вотъ одинъ примѣръ. Проѣзжій рыцарь попадаетъ въ графскій замокъ. Графиня приняла его очень радушно, и велитъ приготовить ему великолѣпную постель. Идя спать, она призываетъ самую красивую и самую ловкую изъ своихъ дѣвушекъ и потихоньку говоритъ ей: „Милое дитя, пойди къ этому рыцарю, лягъ къ нему въ постель и послужи ему, какъ слѣдуетъ. Я сдѣлала бы это и сама, если бъ мнѣ не было стыдно. Да къ тому же и графъ, мужъ мой, еще не заснулъ“.—Сквозь покровъ наивности, который накидываютъ на подобныя отношенія нѣмецкіе эпика, проглядываетъ тоже самое.

Существовалъ на примѣръ такой обычай, что дѣвушка или вообще дама соглашалась провести ночь въ объятіяхъ своего милаго, но съ тѣмъ, чтобы не заходить дальше поцѣлуевъ. Это, повидимому, очень невинно; но одинъ изъ средневѣковыхъ поэтовъ замѣчаетъ по этому поводу, что дѣйствительно твердый человекъ сумѣетъ удержаться ото всего, отъ чего захочетъ, но что такихъ людей очень не много. Другой поэтъ XII столѣтія жалуется ужъ прямо, что цѣломудріе покинуло женщинъ, и имъ нѣтъ вовсе повода порицать рыцарей за ихъ распушенность.

Стихотворцы-новеллисты только и рассказываютъ, что разныя фривольныя похождения. Если имъ вѣрить, принцессы сплошь пробирались сами въ спальни молодыхъ людей и дарили ихъ „цвѣтомъ своей дѣвственности“; рыцари, пріѣзжая въ гости, приступали безъ дальнихъ словъ къ дѣвицамъ, съ самыми осязательными изъявленіями своихъ желаній; дѣвицы же были такъ податливы, что развѣ особенное отвращеніе или какая нибудь помѣха не позволяли имъ согласиться на то, чего хотѣлось рыцарямъ. Въ уста женщинъ эти поэты влагаютъ самыя беззастѣнчивыя выраженія ихъ желаній. Если стихотворныя новеллы и врутъ, то вѣрно не больше, какъ на половину.

Когда онѣ берутся рассказывать о супружескихъ добродѣтеляхъ, ихъ ужъ нельзя читать безъ смѣху. Видно, что тутъ дѣйствительность мало помогала ихъ фантазіи. Вотъ для примѣра одна такая исторія. Одному рыцарю, очень красивому, но очень любимому женой, выкололи глазъ на турнирѣ. Боясь, что жена непременно разлюбитъ его криваго, онъ не хочетъ и показываться ей, и собирается ѣхать въ Палестину, „крестъ на раменахъ“. Чтобы удержать мужа, вѣрная жена выкалываетъ и себѣ глазъ ножницами. Конечно, надо ужъ предоставить нѣмцамъ восхищаться „трогательною женственностью“ этой черты.

Гораздо больше сохранилось свидѣтельствъ, что нѣмецкія дамы охотно поддавались на исканія своихъ ухаживателей, рыцарей и поэтовъ, если только эти господа не были такъ глупы, какъ Ульрихъ Лихтенштейнъ. Тѣ же новеллы показываютъ намъ, что не всегда и любовь заставляла дамъ измѣнять мужьямъ. Иная бургфрау склонялась на подарки

странствующаго рыцаря скорѣе, чѣмъ на всѣ его страстныя мольбы.

Мы назвали Ульриха Лихтенштейна. Нельзя не остановиться на этой оригинальной фигурѣ. Она очень хорошо характеризуетъ рыцарскія отношенія къ женщинамъ.

Ульрихъ Лихтенштейнъ родился около 1200 года, въ Штирии. Совершенствуя себя въ рыцарскихъ искусствахъ, онъ видно не имѣлъ времени заняться грамотой, и не умѣлъ ни читать, ни писать. Получивъ разъ посланіе отъ госпожи своего сердца, Ульрихъ десять дней въ великой тоскѣ носился съ нимъ, потому что при немъ не было его писца и чтеца. Безграмотность не мѣшала ему однакожь заниматься поэзіей, и онъ сочинялъ любовныя пѣсни. Вѣдь и гениальный Вольфрамъ былъ безграмотный. Пѣсни Ульриха не сохранили бы его имени для потомства, если бы онъ не продиктовалъ, кромѣ того, исторіи своего *Vrowen-Dienest*. Исторія эта—памятникъ великой человѣческой глупости, высказавшейся самымъ искреннимъ, самымъ наивнымъ образомъ.

Съ самаго дѣтства всѣ помыслы Ульриха направлялись къ „служенію женщинамъ“. Достигнувъ юношескихъ лѣтъ, онъ избралъ себѣ красавицу. Это была высокородная и, разумѣется, замужняя дама. Изъ разсказа рыцаря выходитъ, что дама отличалась необыкновенною тогда вѣрностью своимъ супружескимъ обязанностямъ. Что Ульрихъ былъ вообще непроницателенъ, это тоже ясно изъ разсказа. Дама была большая забавница, и доходила подчасъ до жестокости въ шуткахъ надъ своимъ тупоголовымъ рыцаремъ. Одна ли она забавлялась имъ, и не смѣялся ли вмѣстѣ съ нею какойнибудь болѣе счастливый рыцарь, объ этомъ свѣдѣній нѣтъ. Но Ульрихъ посвятилъ себя служенію жестокосердой дамѣ, и ничто его не останавливаетъ. Чтобы доказать свою любовь, онъ съ сладострастной жадностью пьетъ воду, которою обмывалась его „госпожа“. Она замѣчаетъ, что у него слишкомъ толста нижняя губа и вовсе не манитъ къ поцѣлуямъ,—и онъ подвергаетъ себя операции, чтобы губа была потоньше. На одномъ турнирѣ, при битвѣ на копьяхъ, у него онѣмѣлъ палецъ,—и онъ отрубаетъ его напрочь и отправляетъ къ своей дамѣ, какъ доказательство, на что можетъ рѣшиться ради ея. Нарядившись Венерой, развѣзжаетъ онъ

по разнымъ мѣстамъ и бьется на турнирахъ въ честь своей дамы. Дама и сама задаетъ ему очень странныя испытанія. По ея приказанію, онъ вмѣшивается въ число заразительныхъ больныхъ и ѣсть съ ними изъ одного блюда. Цѣль у этого несчастнаго не какаянибудь идеальная. Онъ не можетъ удовольствоваться, какъ рыцарь Тоггенбургъ, однимъ созерцаніемъ своей красавицы. Онъ добивается болѣе существенной награды—раздѣлить ея ложе (*ihr beizuliegen*). Послѣ долгихъ страданій и испытаній Ульриху начинаетъ улыбаться надежда. Дама наконецъ соглашается исполнить его желаніе. Въ чайніи „любовой платы“, онъ благополучно пробирается въ ея спальню, гдѣ ожидаетъ его и желанная постель. Но дама и тутъ осталась вѣрною себѣ. Ульрихъ попалъ въ западню, и хорошо еще, что не совсѣмъ сломалъ себѣ шею. Рыцарь однакожь и послѣ этого остается неизлечимымъ.

Въ исторіи этого дѣйствительнаго нѣмецкаго Донъ-Кихота любопытнѣе всего то, что въ самомъ разгарѣ ухаживанья за своею „госпожею“ онъ женился, а ухаживанья своего и не думалъ прекращать. Какую же роль играла жена въ то время, какъ онъ предавался своимъ неистовствамъ? Ужь конечно не она была его госпожей, а онъ ея господиномъ. Готовый идти для своей дамы въ огонь и въ воду и терпѣть всякія униженія, онъ обрекалъ жену, какъ законную свою собственность, на самую унылую жизнь. Изъ разсказовъ его видно, что во все время его рыцарскихъ шатаній, жена безвыѣздно сидѣла дома, въ его родовомъ бургѣ. О ней и рѣчь заходитъ только, когда онъ возвращается домой избитый, изувѣченный. Тутъ она вступаетъ въ свою обязанность—ухаживать за нелѣпнымъ дѣтиной.

VIII.

Рыцарскіе нравы и обычаи не остались безъ вліянія и на городскую жизнь въ Германіи. Городской патриціатъ усваивалъ себѣ многое изъ рыцарской свѣтскости. Горожане пробовали даже устраивать у себя чисто-рыцарскіе турниры. О такомъ турнирѣ, происходившемъ въ Магдебургѣ

въ 1279 году, сохранились довольно подробныя свѣдѣнія. Этотъ праздникъ былъ устроенъ со всею театральною роскошью, какая только была возможна въ то время. Призомъ побѣдителю была назначена хорошенькая дѣвушка. Это была конечно одна изъ тѣхъ „легкихъ дѣвицъ“ (lichtes Fröwlein), которыя странствовали тогда изъ мѣста въ мѣсто, ища приключеній. Изъ-за этой красавицы ломали копья не одни магдебургцы. И граждане другихъ городовъ съѣхались во множествѣ на это празднество. Призь достался одному старому госларскому торговцу.

Молодежи въ городахъ было не мало случаевъ выказать свою куртуазію. Вообще городская жизнь имѣла довольно всякаго рода увеселеній для обоихъ половъ. Разнообразія въ ней было больше, чѣмъ въ рыцарскихъ помѣстьяхъ. Города привлекали странствующихъ музыкантовъ, скомороховъ, фигляровъ; имъ всегда находилась тамъ хорошая пожива. Вечеринки съ танцами, катанья на саниахъ, маскарады, наконецъ свадьбы со всеми ихъ обрядностями—были просторнымъ поприщемъ для городской Höflichkeit. Не надо забывать и безчисленнаго множества церковныхъ праздниковъ, процессій, торжественныхъ богослуженій, такъ называемыхъ *мистерій*, драматическихъ представленій изъ библейской и евангельской исторіи, которыя разыгрывались въ церквяхъ и были почти актомъ культа. О рыцарской любезности городской молодежи можно судить ужъ и по обычаю задавать серенады своимъ возлюбленнымъ. При разныхъ съѣздахъ, сеймахъ, пріѣздахъ высокихъ коронованныхъ особъ городская жизнь еще болѣе оживлялась. Пестрая суета и шумъ удвоивались.

Женщины усвоивали себѣ съ рыцарскою свѣтскостью и большую развязность. Когда императоръ Сигизмундъ пріѣзжалъ въ 1414 г. въ Страсбургъ, однажды раннимъ утромъ къ нему ворвалась цѣлая шайка веселыхъ и бойкихъ дамъ. Онъ еще спалъ. Но неожиданныя гости мигомъ подняли его съ постели. Онѣ едва дали ему время накинуть на себя плащъ, и утащили съ собой босаго. Съ пѣснями, гамомъ и пляской водили онѣ его по улицамъ. Императоръ отплясывалъ съ ними босикомъ на мостовой. Это было не совсѣмъ удобно, и дамы купили ему подъ конецъ пару башмаковъ „въ семь

крейцеровъ“. — „И поелику императоръ“, говоритъ хроника, „былъ мудрый, веселый государь, то и допустилъ, чтобы женщины такъ съ нимъ обращались“.

Судя по современнымъ новелламъ, чистоты въ городскихъ нравахъ было не больше, чѣмъ въ рыцарскихъ. Вотъ одинъ характеристическій рассказъ изъ половины XIII-го столѣтія. — Дѣло происходило въ Вюрцбургѣ. Тамъ проживала сваха, которая устроила на своемъ вѣку „много тайныхъ, но мало честныхъ свадебъ“. За неимѣніемъ ни денегъ, ни занятія, она пошла попытать счастья — къ обѣднѣ. Въ соборѣ, куда она явилась, ей тотчасъ же представился благопріятный случай. Случилось, что по церкви проходилъ тогда Domprobst. Сваха, не долго думая, подошла къ нему и шепнула ему на ухо, что ему прислала поклонъ одна хорошенькая женщина, которая отъ него безъ ума. Духовное лицо весьма этому обрадовалось, схватилося за кошелекъ и вручило свихъ горсть денегъ. Только что пробствъ успѣлъ отойти, въ церковь вошла красивая женщина. Сваха ее не знала. Но это не помѣшало ей обратиться къ ней. Она и ей шепнула на ухо, что одинъ „добродѣтельныйшій“ челоѣкъ смертельно влюбленъ въ нее, и что только она одна можетъ исцѣлить его сердце. Красавица сначала покраснѣла, потомъ засмѣялась, потомъ сказала, что поговорить объ этомъ, когда обѣдня кончится. Сваха тотчасъ же отправилась въ лавку и купила шелковый поясъ. Выходя изъ церкви, красавица получила поясъ, какъ подарокъ отъ влюбленнаго въ нее господина, — и дѣло было устроено. Она общала придти къ свихъ послѣ обѣда, и дѣйствительно пришла: „въ удобномъ платьѣ“, замѣчаетъ новелла. Сваха кинулась за пробстомъ. На бѣду тотъ былъ чѣмъ-то занятъ. Находчивая баба однакожь не потерялась. На улицѣ попался ей благообразный мужчина лѣтъ тридцати, и она нашла, что онъ очень годенъ на смѣну. Она обратилась къ нему съ такими словами: „что дадите вы мнѣ, если я вамъ доставлю одну хорошенькую женщину?“ Благообразный господинъ общалъ хорошую плату и отправился за свахой. Молодая женщина, поджидавшая своего поклонника, съ ужасомъ увидала, что на свиданіе съ нею идетъ ея мужъ. Она впрочемъ оказалась такою же находчивой, какъ и сваха, —

и встрѣтила своего супруга крикомъ, бранью и пощечинами. Послѣ укоровъ въ невѣрности съ одной стороны и извиненій съ другой, дѣло кончилось, разумѣется, мировой.

Не одна эта новелла свидѣтельствуешь, что въ городахъ процвѣтало въ то время ремесло подобнаго „сватовства“. Противъ него принимали очень строгія мѣры. Такъ въ Брауншвейгѣ женщинъ, избличенныхъ въ занятіи этимъ промысломъ, предписывалось закапывать живьемъ въ землю.

Точно также не одна эта новелла выводитъ духовное лицо въ такомъ недвусмысленномъ свѣтѣ. Въ новеллахъ нельзя не замѣтить особеннаго ожесточенія на развратныхъ клерикаловъ. Города кишели ими, и озлобленіе на ихъ поведеніе очень понятно. Чтобы судить о страшномъ числѣ людей, обрекавшихъ себя на безбрачіе (но не на цѣломудріе), довольно вспомнить, что во время чумы, извѣстной подъ именемъ *черной смерти*, умерло 124,434 монаха только изъ одного ордена миноритовъ.

Къ свидѣтельству новеллъ о городскихъ нравахъ можно пожалуй прибавить и болѣе серьезное свидѣтельство. Эней Сильвій Пикколомини, въ послѣдствіи папа Пій II, рисуетъ не болѣе свѣтлыми красками нравы Вѣны въ половинѣ XVI-го столѣтія. Умолчанія его касаются только поведенія духовенства.—По его словамъ, чуть не всѣ граждане держать распивочныя и таверны. Они приглашаютъ хорошихъ питуховъ и „легкихъ дѣвицъ“, и даютъ имъ даромъ ѣсть, чтобы они только больше пили. Весь народъ помышляетъ только о своемъ брюхѣ, и пропиваетъ по воскресеньямъ все, что заработалъ въ теченіе недѣли. Въ городѣ великое множество публичныхъ женщинъ. Да и рѣдкая замужняя женщина довольствуется однимъ мужемъ. Дворяне часто отправляются въ гости къ мѣщанамъ. Хозяинъ подаетъ вина, а самъ уходитъ прочь, чтобы оставить гостя наединѣ съ хозяйкой. Богатые купцы женятся на старости лѣтъ на молоденькихъ дѣвушкахъ, а тѣ, скоро очутившись вдовами, выходятъ за своихъ работниковъ, молодыхъ парней, съ которыми и до того „часто имѣли обычай прелюбодѣянія“. „Говорятъ, многія жены, когда надоѣдаютъ имъ мужья, отдѣлываются отъ нихъ посредствомъ яда. Но вѣрно и всѣмъ извѣстно то, что мѣщане, которымъ приходится въ голову

мѣшать дворянамъ знакомиться черезчуръ близко съ ихъ женами и дочерьми, платятся за это безъ дальнихъ околичностей своими головами“.

Почти тоже извѣстно о нравахъ и другихъ нѣмецкихъ городовъ того времени. Сѣверъ Германіи не отставалъ отъ юга. Пьянства, а съ нимъ и всякой разнузданности было вездѣ вдоволь.—Въ Любекѣ, въ 1476 году, вошли въ большую моду толстыя вуали, совершенно скрывавшія лицо. Тамошнія патриціанки, сохраняя инкогнито подъ этими вуалями, отправлялись по вечерамъ въ винныя погребки и участвовали тутъ въ буйныхъ оргіяхъ матросовъ. Это ужъ совсѣмъ во вкусѣ Мессалины.

Будь во всемъ этомъ только половина правды, все-таки остается очень неудобнымъ переносить сюда нѣмецкій идеалъ семейной жизни, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые германofilы, Идеальныхъ *пращъ* тутъ найдется немного. Заботы о хозяйствѣ, о домѣ, давно отошли на задній планъ, и городскія патриціанки не отставали въ своихъ затѣяхъ отъ рыцарскихъ бургграфу.

Это имѣетъ впрочемъ свое объясненіе. Препрежнее чисто рабское положеніе женщины въ семьѣ и въ обществѣ не могло долше держаться. Его замѣнили чѣмъ-то имѣвшимъ видъ свободы. Оказалось, что старый порядокъ совсѣмъ распатывается. Тутъ начали жаловаться на развратъ и принимать противъ него карательныя мѣры. Никто не думалъ еще, что плохъ долженъ быть тотъ порядокъ, который никакъ не можетъ оставаться порядкомъ.—Но развѣ и наши свѣтлыя времена далеко ушли въ этомъ отношеніи отъ тѣхъ темныхъ временъ? Что, кромѣ деспотизма, а съ нимъ и всякой испорченности, проповѣдуетъ на примѣръ столь мягкое съ виду мнѣніе, что „женщина способна только субъективно чувствовать, но не способна объективно мыслить?“ А вѣдь это ходячее мнѣніе и теперь.

Какъ бы то ни было, но разврата нельзя было поощрять,—и законодательство придумывало, для уничтоженія его, одну мѣру грознѣе другой.—За изнасилованіе замужней женщины или дѣвушки назначали смертную казнь. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ на примѣръ въ Аугсбургѣ, виновнаго постигала смерть даже и въ томъ случаѣ, если жертвою

его была такъ называемая публичная женщина. Но и рубить голову — казалось не довольно устрашительнымъ. Въ Гессенѣ и въ Швабіи, если изнасилована была невинная дѣвушка, преступника закапывали живаго въ землю, съ особенною кровавою церемоніей. Положивъ его въ яму, ставили ему на грудь и вгоняли съвозъ сердце заостренный колъ. Первый ударъ молотомъ по колу должна была сдѣлать опозоренная дѣвушка. — Для раскрытія преступленія принятымъ тогда образомъ женщина должна была отложить всякій условный стыдъ и выступить сама обвинительницей. Пойманные въ прелюбодѣяніи подвергались смертной казни обезглавленіемъ, или же ихъ хоронили живыхъ вмѣстѣ. Смертная же казнь назначалась за двумужество, за двуженство, за дѣтоубійство. Кровосмѣшеніе наказывалось конфискаціей имущества. Дѣтоубійцамъ или рубили голову, или же ихъ топили. Вообще послѣдній родъ казни былъ больше въ ходу для женщинъ. Осужденную зашивали въ мѣшокъ и кидали въ рѣку. Эту казнь старались еще усилить тѣмъ, что въ мѣшокъ клали вмѣстѣ съ приговоренной змѣй и другихъ животныхъ. Это варварство существовало мѣстами еще въ XVIII-мъ столѣтіи. Такъ въ 1734 году была утоплена въ Саксоніи дѣтоубійца, съ которою посадили въ мѣшокъ собаку, кошку и змѣю. — Подкидываніе дѣтей тоже строго преслѣдовалось. Вѣроятно оно было сильно распространено въ Базелѣ въ XIV-мъ столѣтіи, потому что тамошній совѣтъ нашелъ необходимымъ грозить бѣднымъ виновницамъ, что ихъ будутъ кидать въ Рейнь.

Разумѣется, не отъ такихъ мѣръ можно было ждать спасенія. Но удивительно ли, что онѣ казались здравыми? Не дальше, какъ въ прошломъ году нашелся ученый специалистъ въ Англіи, который въ большомъ своемъ сочиненіи о дѣтоубійствѣ желалъ бы возвратити общество къ казнямъ несчастныхъ жертвъ его собственной неурядицы *). Мѣры болѣе практическія, хотя немогшія радикально помогать злу, были приняты лишь впоследствии. Только въ началѣ XVI-го вѣка явился въ Германіи первый воспитательный домъ,

*) Оно было бы податъ возобновленію тѣлесныхъ наказаній. Интересной въ фактическомъ отношеніи книги В. Борка-Раёна: «Infanticide, its law, prevalence, prevention and history» не было впрочемъ у насъ въ рукахъ.

именно въ Нюренбергѣ. Но такіа дома и теперь — капля въ морѣ.

Положеніе женщины въ нѣмецкомъ крестьянствѣ, знавшемъ только постоянный тяжелый трудъ, было конечно не такъ дико и нелѣпо. Но оно было такъ же тяжело, какъ тяжело и теперь вездѣ у народа. Мы ужъ не говоримъ о крѣпостномъ сословіи. Рыцарская галантерейность не касалась отношеній къ подчиненнымъ. Крѣпостныхъ женщинъ мѣняли, продавали, какъ домашній скотъ. Изъ одной купчей первой половины XIV-го вѣка видно, что двухъ женщинъ можно было со всеѣмъ ихъ будущимъ потомствомъ купить за *одинъ талеръ!* Нѣмецкіе бароны XIII-го и XIV-го столѣтій составляли себѣ изъ крѣпостныхъ своихъ цѣлѣ гаремы. Такъ нѣкій рыцарь фонъ-Бернекъ держалъ у себя двѣнадцать дѣвушекъ, „для облегченія своего вдовства“, какъ онъ выражался.

Въ жизни свободнаго крестьянства было сравнительно нѣкоторое приволье развѣ на югѣ. Въ австрійскихъ и баварскихъ провинціяхъ замѣтны были на крестьянахъ даже слѣды рыцарскаго вліянія. Въ крестьянскихъ забавахъ и въ одеждѣ отражались тамъ иногда въ каррикатурѣ рыцарскія манеры и моды. Деревенскіе парни навѣшивали себѣ мечи, придѣлывали шпоры къ сапогамъ и носили перья на шляпахъ. Къ этимъ самозваннымъ рыцарямъ присоединялись въ ухаживаньи за сельскими красавицами и настоящіе рыцари, и ужъ конечно отъ этого нечего было ждать добра.

Стихотворныя новеллы отзываются и о крестьянствѣ тѣмъ же тономъ, какъ о рыцарствѣ и духовенствѣ. Но если онѣ и правы, намъ не зачѣмъ останавливаться на темныхъ сторонахъ крестьянскаго быта. Этотъ классъ не имѣлъ притязаній быть представителемъ прогресса и цивилизаціи, да не имѣлъ на это и средствъ. Это былъ „черный народъ“, по нашему родному выраженію.

Упомянувъ о крестьянствѣ, нельзя однакожь пропустить одного любопытнаго обычая, который существуетъ кой-гдѣ и до сихъ поръ въ нѣмецкихъ селахъ. Это — такъ называемыя *пробныя ночи*. Въ концѣ прошлаго столѣтія нѣкто Фр. Хр. Фишеръ написалъ о нихъ цѣлый трактатъ *).

*) «Die Probenächte der deutschen Bauernmädchen». Перепечатано съ изданія 1780 г. въ Штутгартѣ 1853 г.

Онъ начинаетъ такъ: „Почти по всей Германіи, въ особенности же въ Швабиі и на Шварцвальдѣ, ведется у крестьянъ обычай, что дѣвушки позволяютъ своимъ женихамъ, за долго до свадьбы, тѣ вольности, которыя обыкновенно составляютъ привилегію лишь мужей. Но очень ошибется тотъ, кто изъ этого обычая выведетъ заключеніе, будто дѣвушки теряютъ чрезъ это всякую женскую нравственность и расточаютъ свои ласки любовникамъ. Вовсе нѣтъ. Сельская красавица умѣетъ такъ умно хозяйничать своими прелестями и приправлять умѣренное наслажденіе такою долей скромности, что не уступить въ этомъ любой свѣтской дѣвицѣ“. Далѣе: „Какъ только крестьянская дѣвушка подрастетъ, является множество угодниковъ, которые начинаютъ доискиваться ея благосклонности и продолжаютъ свои исканія до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ, что одинъ изъ нихъ предпочтенъ ею. Этотъ избранникъ имѣетъ право посѣщать свою красавицу по ночамъ. Но обычай требуетъ, чтобы онъ входилъ къ ней не дверями, а слуховымъ окномъ. Притомъ первыя посѣщенія часто вознаграждаются со стороны дѣвушки горькими насмѣшками. Пробравшись въ окно, онъ получаетъ только позволеніе поболтать нѣсколько часовъ съ дѣвушкой, которая лежитъ въ постели вполне одѣтая. Какъ только она заснетъ, онъ долженъ удалиться. Лишь очень постепенно и послѣ много разъ повторенныхъ попытокъ, головоломная дорога по кровлямъ вознаграждается нѣкоторыми вольностями. Эти первыя посѣщенія, бывающія только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, называются *истинными ночами* (Kompenächte). Затѣмъ переходятъ къ *пробнымъ ночамъ*, которыя назначаются уже чаще. Когда такимъ образомъ молодые люди убѣдятся, что они приходятся другъ по другу; молодой человѣкъ дѣлаетъ уже формальное предложеніе родителямъ; а тамъ происходитъ обрученіе и вскорѣ свадьба. Часто случается, что связь разрывается послѣ первой же пробной ночи. Это вовсе не вредитъ доброй славѣ дѣвушки, потому что вскорѣ находится другой, который такимъ же образомъ добивается ея благосклонности. Только послѣ многихъ такихъ опытовъ, оставшихся безъ послѣдствій, про дѣвушку распространяется молва, что она почему нибудь негодна для замужества“.

Простой народный смыслъ слишкомъ хорошо понималъ, какую великую роль играютъ (особенно на извѣстной степени развитія) физическія качества супруговъ для прочности брака. Цитированный нами авторъ указываетъ на примѣры этого обычая и въ дворянствѣ, и даже въ самыхъ высокихъ общественныхъ кругахъ. Но тамъ это было уже просто игрою въ чувственность, безъ всякой иной цѣли.

IX.

Въ числѣ мѣстъ, гдѣ особенно развивалась свѣтски-общественная жизнь средневѣковой Германіи, надо упомянуть и о цѣлебныхъ водахъ. Многія изъ тѣхъ водъ, на которыя устремляются теперь болыные и небольные изъ всѣхъ странъ Европы, рано стали пользоваться извѣстностью. Но самымъ многочисленнымъ сборнымъ пунктомъ былъ между ними въ средніе вѣка Баденъ въ Ааргау, извѣстный еще во времена Тацита, но теперь мало посѣщаемый. Туда съѣзжались изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ духовные и міряне, рыцари и дамы, купцы, каноники, прелаты, аббатиссы. Лечение въ Баденѣ было, какъ видно, очень привлекательно. Одна цюрихская игуменья продала мизу, чтобы только съѣздить туда. Монахини изъ Тесса заплатили не мало денегъ, чтобы получить папское дозволеніе ѣхать въ Баденъ и ходить тамъ въ свѣтскомъ платьѣ. Мужскаго духовенства собиралось тоже множество. Одинъ каппелъскій аббатъ за свой кутежъ поплатился изгнаніемъ изъ монастыря.

Флорентинецъ Поджіо, пріѣзжавшій въ Баденъ въ 1417 году лечиться отъ хирагры, описалъ довольно подробно тогдашнее житіе на водахъ. Онъ говоритъ, что для многочисленныхъ посѣтителей Бадена устроены очень хорошія помѣщенія въ тридцати гостинницахъ. Для простонародья купальня нѣтъ. Мужчины и женщины, молодые люди и дѣвушки купаются вмѣстѣ подъ открытымъ небомъ. Есть, правда, перегородка между ними, но женщины входятъ въ воду голая въ виду мужчинъ. Купальни для высшаго класса очень красиво убраны. Но и тутъ мужчины и женщины нераздѣльны. Досчатыхъ перегородокъ нечего и считать раз-

дѣленіемъ. Въ нихъ столько отверстій, что съ обѣихъ сторонъ можно не только видѣть, но и касаться другъ друга. И это дѣлается часто. Мужчины впрочемъ въ купальных штанахъ, а женщины въ рубашкахъ. Въ водѣ сидятъ по цѣлымъ часамъ. Тутъ и обѣдаютъ на плавающихъ столахъ. Ежедневно купаются по три и по четыре раза. Остальное время дня проходитъ въ пѣньи, питьѣ и танцахъ. Даже въ водѣ нѣкоторые играютъ на томъ или другомъ инструментѣ и поютъ. Надъ водой устраиваются галлерей, гдѣ собираются мужчины болтать съ купающимися дамами. Дамы шутя выпрашиваютъ у нихъ себѣ подарки. Кавалеры бросаютъ букеты цвѣтовъ и небольшія монеты, и красавицы взапуски стараются подхватить ихъ подолами своихъ рубашекъ. Знати и людей низшаго разбора, собирающихся въ Бадень, не перечтешь. Не мало пріѣзжаетъ и очень хорошихъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ тутъ ни мужей, ни братьевъ. Всѣ, кто можетъ, ходятъ въ серебрѣ, въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, будто пріѣхали не на леченье, а на праздникъ. Монахини, аббаты, священники и монахи живутъ тоже вольно и весело. Духовныя особы купаются вмѣстѣ съ женщинами, надѣваютъ на головы вѣнки и забываютъ условія своего обѣта.

Любопытно, что эти воды славились особенно вліяніемъ на мужскія и женскія болѣзни. Поджію, въ своемъ описаніи, не безъ ироніи замѣчаетъ, что дѣйствительно „нѣтъ на свѣтѣ водъ, которыя такъ способствовали бы женскому плодородію“.

Подъ хорошенькими женщинами безъ мужей и братьевъ Поджію разумѣлъ конечно тотъ несчастный разрядъ женщинъ, къ которому принадлежатъ такъ называемыя въ наше время камеліи. Изъ числа такихъ женщинъ однѣ были осѣдлыя, другія странствующія. Ни ярмарки, ни императорскія коронаціи, ни турниры, ни сеймы, ни церковныя празднества, ни соборы не обходились безъ наплыва этихъ кочующихъ красавицъ. Иногда онѣ наѣзжали въ огромномъ числѣ. Такъ на Констанцкомъ соборѣ ихъ было, по однимъ извѣстіямъ, семьсотъ, а по другимъ—даже полторы тысячи. Одна изъ нихъ приобрѣла тутъ восемьсотъ золотыхъ гульденовъ. Это сумма чрезвычайно значительная для того вре-

мени. Толпы такихъ женщинъ сопровождали войска, и еще въ тридцатилѣтнюю войну генераль-профосъ, завѣдывавшій ими вмѣстѣ съ остальнымъ обозомъ, имѣлъ по этому случаю особый офиціальнй титулъ...

Средніе вѣка представляютъ почти столь же развитую регламентацію по этому предмету, какъ и современныя полицейскіе законы. Разницы между этой стариной и нашею новизной не много. Только взглядъ былъ тогда проще и общественная мораль не такъ лицемерна, какъ въ наше время.

Осѣдлыя женщины, промышлявшія проституціей, жили въ такъ называемыхъ *женскихъ домахъ*. Безъ такого дома, хоть одного, не обходились и самыя маленькія мѣстечки. Въ большихъ же городахъ ихъ бывало по нѣскольку. Читатель уже знаетъ, откуда произошло названіе этихъ притоновъ. Женскіе дома допускались и поддерживались въ видахъ будто бы „лучшаго огражденія дѣвической и женской чести“ (разумеется, въ семьяхъ гражданъ). Женскіе дома были собственностью городовъ, и отдавались въ аренду за извѣстную недѣльную плату *женскимъ хозяевамъ*. Нерѣдко доходъ этихъ заведеній составлялъ государственную регалію или лень духовныхъ и свѣтскихъ династовъ. Возмущаться этимъ нечего. Вѣдь это было давно. А развѣ въ наше время правительства въ Германіи не отдають на откупъ рулетку? „Быть женскихъ домовъ“, говоритъ Шерръ, „былъ устроенъ, можно сказать, съ нѣмецкою аккуратностью. Вездѣ повидимому требовались два главныя условія: чтобы, во первыхъ, женскій домъ не пополнялся изъ жительницъ того города, гдѣ находится, а женщины набирались туда въ другихъ мѣстахъ, и, во вторыхъ—чтобы въ женскіе дома принимались только незамужнія. Хозяинъ дома не долженъ былъ допускать въ него духовныхъ лицъ, женатыхъ людей и жидовъ. Но правило это исполнялось строго только относительно жидовъ. Извѣстно также, что даровое угощеніе знатныхъ посѣтителей города въ женскихъ домахъ было однимъ изъ видовъ средневѣковаго городского гостепріимства“. Императоръ Сигизмундъ останавливался со всею своею свитой въ женскихъ домахъ, разъ въ Ульмѣ и разъ въ Бернѣ. „Отношенія хозяина женскаго дома къ городу и его женщинъ

къ хозяину“, продолжаетъ тотъ же авторъ, „были регламентированы до мелочей, такъ же, какъ продовольствіе женщинъ, раздѣлъ барышей и проч. По вечерамъ, наканунѣ воскресныхъ дней и праздникова, и по утрамъ этихъ дней, до обѣда, женскіе дома закрывались. Городскіе магистраты обходились съ этими несчастными женщинами не вездѣ одинаково. Въ однихъ мѣстахъ ихъ держали круто, поручали надзору палача и хоронили особо отъ кладбища. Въ другихъ мѣстахъ онѣ пользовались нѣкоторыми правами, — могли являться съ букетами цвѣтовъ на городскихъ празднествахъ и увеселеніяхъ, а въ Лейпцигѣ даже совершать ежегодно торжественную процессію по городу и вокругъ него, при началѣ поста“. Глядя на продажныхъ женщинъ, какъ на огражденіе своихъ домовъ отъ разврата, городское управленіе считало нужнымъ и отличить ихъ чѣмъ нибудь отъ женъ и дочерей гражданъ. Обитательницы женскихъ домовъ обязаны были всюду носить съ собою свидѣтельство своего позора. Одежда ихъ отличалась чѣмъ нибудь отъ одежды другихъ женщинъ, или цвѣтомъ, или покроємъ. Въ одномъ городѣ онѣ должны были нашивать зеленую тесьму на покрывало (фату), въ другомъ носить желтыя накидки, обшитыя голубыми шнурками, въ третьемъ — красныя шапочки.

Женскіе дома, какъ средневѣковые цехи, не терпѣли конкуренціи. Обитательницы ихъ преслѣдовали женщинъ, пробовавшихъ жить ихъ ремесломъ внѣ привилегированныхъ стѣнъ. Такъ въ Нюрнбергѣ онѣ жаловались въ 1462 году городскому совѣту, что и другіе хозяева держатъ женщинъ, которыя выходятъ по ночамъ на улицу, и проч.; что хозяева эти промышляютъ гораздо грубѣе, чѣмъ ихъ (привилегированный) женскій домъ, и что горько видѣть такія дѣла въ столь достохвальномъ городѣ, какъ Нюрнбергъ. Чѣмъ рѣшилъ городской совѣтъ, неизвѣстно; но онъ вѣрно не оставилъ новыхъ конкурентокъ въ покоѣ. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по рѣшенію въ другомъ подобномъ дѣлѣ, лѣтъ пятьдесятъ спустя. Городской магистратъ далъ тогда жительницамъ женскаго дома позволеніе напасть формальнымъ штурмомъ на вновь появившееся такое же заведеніе, не имѣвшее официальнаго разрѣшенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются впрочемъ и тогда

уже гуманныя заботы объ этихъ несчастныхъ. „Ради пожертвованія ихъ собою для общаго блага“, имъ было тамъ и сямъ даруемо право гражданства въ городѣ. Это, положимъ, было больше наивно, чѣмъ гуманно. Но кой-гдѣ основывались особыя учрежденія съ тѣмъ, чтобы давать приданое такимъ женщинамъ, когда онѣ желали выйти замужъ и находили себѣ жениха. — Католическое духовенство дѣлало тоже нѣкоторыя попытки ограничить проституцію. Чтобы дать возможность жертвамъ ея оставлять свою позорную жизнь, стали основывать монастыри, пріюты. Заведенія для *покаянницъ* (Reuerinnen), какъ ихъ называли, существовали въ Нюрнбергѣ, въ Регенсбургѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе проституція росла, и къ концу XV столѣтія приняла въ Германіи такіе страшные размѣры, что пришлось приняться за дѣло серьезнѣе. Все ограничилось однакожъ тѣмъ, что съ XVI вѣка въ большей части городовъ женскіе дома были закрыты. Это была конечно очень плохая мѣра, и заведенія такого рода не замедлили опять появиться, только въ нѣсколько измѣненной формѣ. Удивительно ли это, когда ни во взглядѣ на женщинъ, ни въ положеніи ихъ ничто не перемѣнилось? Безъ такой перемѣны ни запреты, ни магдалинскія убѣжища не могли ничего сдѣлать.

X.

Образованіе, распространенное и на женщинъ, могло бы конечно много, хотя и не вполне, помочь дѣлу. Но оно оставалось въ самомъ жалкомъ положеніи. Чуть ли даже не стало хуже прежняго. Чѣмъ ближе къ концу среднихъ вѣковъ, тѣмъ меньше встрѣчается въ Германіи женщинъ сколько нибудь замѣчательныхъ по образованію. Двѣ—три женскія школы, существовавшія въ нѣкоторыхъ городахъ, нельзя принимать и въ расчетъ, — такъ онѣ были ничтожны. Главными центрами женскаго воспитанія продолжали быть монастыри. Но они все больше и больше удалялись отъ идеала, въ угоду которому были созданы, а наконецъ и совсѣмъ перестали напоминать о немъ. По прежнему были они пріютами дѣвственницъ поневолѣ, не на-

шедшихъ себѣ въ міру мужей. По прежнему попадали въ нихъ женщины вслѣдствіе родительской воли, безъ всякаго желанія и безъ всякаго религіознаго энтузіазма. Мелкое дворянство смотрѣло на нихъ, какъ на очень удобныя убѣжища для своихъ безприданницъ. Ученые дѣвочки, которыхъ принимали къ себѣ монахини, было чисто механическое. Школьная мастерица, бывшая въ каждомъ почти монастырѣ, и сама знала не много. Пѣть, читать, писать, знать богослужебные обряды, шить и вышивать, — вотъ была и вся задача преподаванія. Наиболѣе развивающимъ занятіемъ было развѣ переписыванье книгъ, которое оставалось до изобрѣтенія книгопечатанія одною изъ специальностей какъ женскихъ, такъ и мужскихъ монастырей.

Излишество досуговъ, обильная и вкусная пища, отсутствіе заботъ о существованіи, какъ нельзя больше способствовали и фантазіямъ, и осуществленію ихъ. Историческія свидѣтельства говорятъ слишкомъ ясно о постепенномъ развитіи въ женскихъ монастыряхъ совсѣмъ не монастырскихъ нравовъ. Особенно богато такими свидѣтельствами XVI-е столѣтіе. Изъ множества примѣровъ можно ограничиться двумя тремя, достаточно характеристичными. Въ женскій монастырь Гнаденцелль на швабскихъ альпахъ сосѣдніе дворяне отправлялись кутить, устраивали тамъ пляски и оргіи. Все это не обходилось безъ извѣстныхъ послѣдствій. Одинъ изъ веселыхъ сіятельныхъ патроновъ монастыря упрекалъ настоятельницу въ письмѣ, что она „нѣсколькихъ бѣдныхъ дѣвицъ“ не удалила во-время, и оттого сосѣди имѣютъ право говорить, что „монастырскія стѣны оглашаются дѣтскимъ крикомъ“. Подобными же нравами отличался монастырь въ Кирхгеймѣ. Виртембергскій герцогъ Ульрихъ писалъ сыну своему, Эбергарду младшему: „Недавно пріѣхалъ ты въ Кирхгеймъ и поднялъ тамъ пляску въ монастырѣ, въ два часа по полуночи. Да еще не удовольствовался грѣшною жизнью, которую самъ ведешь со своими приспѣшниками, — и брата своего съ собою взялъ“. Такія уклоненія отъ общаго цѣломудрія вызывали не разъ реформы и карательныя мѣры. Такъ, не разъ принимались за острастку монастыря Гнаденцелля, и едва водворили тамъ хоть внѣшнее благочиніе. Молва о распущенной жизни въ женскомъ монастырѣ близъ

Ульма заставила произвести тамъ слѣдствіе. Епископъ, производившій его, доноситъ папѣ, что нашель въ монастырскихъ кельяхъ любовныя письма, поддѣльные ключи, роскошныя свѣтскія платья, и притомъ — большую часть монахинь въ „интересномъ положеніи“.

Духовенство и монашество мужское отличалось еще пущимъ распутствомъ. Магистратскіе протоколы нѣмецкихъ городовъ въ XV-мъ столѣтіи наполнялись жалобами на грубую безнравственность и безстыдство духовенства (особенно монастырскаго), и разными строгими мѣрами противъ нихъ. Мужскіе монастыри превратились въ притоны тунеядства, невѣжества и праздности. Раздраженіе противъ духовенства было повсюду. О немъ ходили безчисленные скандальныя рассказы. Сборникъ разнаго рода анекдотовъ, записанныхъ со словъ народа и изданныхъ въ 1506 году Бебелемъ (подъ названіемъ *Facetien*), переполненъ циническими похождениями патеровъ и монаховъ. Въ масляничныхъ фарсахъ духовенство предавалось самымъ жестокимъ насмѣшкамъ. Неизбѣжнымъ лицомъ являлась тутъ наложница или — гораздо безцеремоннѣе — *Pfaffenmetze*. Чѣмъ ближе ко времени реформаціи, тѣмъ громче и рѣшительнѣе раздавался обличительный голосъ сатиры. Высшей силы своей достигла она въ знаменитыхъ *Письмахъ темныхъ людей* (обскурантовъ). Эта сатира почти непосредственно предшествовала сожженію Лютеромъ папской буллы.

Рядомъ съ нравами духовенства, нравы мірянъ не кажутся уже столь вопіющими, хотя въ нихъ тоже былъ изрядный хаосъ. Грубость и безстыдство служатъ главною цѣлью нападковъ тогдашнихъ поэтовъ, проповѣдниковъ и даже хронистовъ. Особенно раздражаетъ ихъ фривольность въ одеждѣ. Видно, даже являться на улицахъ въ костюмѣ Адама и Евы не считалось рѣдкостью. Иначе зачѣмъ бы сант-галленскому совѣту издавать въ 1503 г. запретъ ходить нагишомъ по городу и его округѣ? — Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сатириковъ XV-го вѣка, Себастьянъ Брантъ, восклицаетъ: „Стыдъ нѣмецкой націи! Все, что природа предписываетъ скрывать и прятать, обнажается и выставляется на видъ“. Одинъ страсбургскій проповѣдникъ говорилъ съ каеодры о женщинахъ: „Посмотрите только на ихъ

одежду! Не безуміе ли это и поверхъ и ниже пояса? Рубашки всѣ въ сборкахъ; а воротъ у платья какъ вырѣзанъ! Рукава такіе широкіе, какъ у монашескихъ рясъ; а платья такіа коротенькія, что ни спереди, ни сзади ничего не прикрываютъ“.

Во второй половинѣ XV-го столѣтія появилась въ литературѣ и болѣе серьезная реакція господствовавшей распущенности. Реакція эта выходила изъ среды предшественниковъ такъ называемыхъ гуманистовъ XVI-го вѣка. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи сочиненіе Альбрехта фонъ-Эйба о бракѣ. Авторъ поднесъ свою книгу нюрнберскому совѣту въ видѣ подарка на новый 1472 годъ. Она имѣла въ виду и духовенство, которое провозглашало бракъ чѣмъ-то низкимъ для себя, и свѣтское общество съ его неопредѣленною моралью. Фонъ-Эйбъ ставитъ бракъ и уваженіе къ нему краеугольнымъ камнемъ общественнаго благоденствія. „Всемогущій Богъ, разсуждаетъ онъ, какъ справедливый отецъ, хотѣлъ, чтобы родъ человѣческой былъ вѣченъ, и создалъ сначала мужчину по своему божественному подобію, а потомъ женщину по образу мужчины, дабы было два пола, мужчины и женщины, рождать дѣтей и населять предѣлы земли. Это долженствовало происходить въ формѣ святаго брака, и Богъ-Отецъ самъ установилъ и устроилъ бракъ въ сладостномъ раю и во время невинности. Потомъ Господь Богъ, живя во образѣ человѣческомъ, лично почтилъ и благословилъ бракъ, и удостоилъ его своими божественными знаменіями, превративъ при этомъ воду въ вино. Бракъ похваляется и чествуется и природой, которая вложила въ человѣка побужденіе имѣть дѣтей, сходныхъ съ нимъ. И законоположенія опредѣлили, что бракъ долженъ быть заключаемъ по обоюдной мужа и жены свободной волѣ, въ знакъ того, что между ними долженъ господствовать вѣчный миръ и согласіе, и вѣрная любовь и дружество. Такимъ образомъ бракъ есть честное дѣло, отецъ и наставникъ чистоты. Бракъ есть полезное, благое дѣло: онъ зиждетъ, умножаетъ и содержитъ въ мирѣ дома, города и страны; онъ утишаетъ многія распри и войны, возстановляетъ родство и доброе дружество между посторонними и увѣковѣчиваетъ весь родъ человѣческой. Что можетъ быть отраднѣе

и слаще имени отца, матери и дѣтей, припадающихъ на грудь родителей? Когда мужъ и жена имѣютъ другъ къ другу истинную любовь и истинное доброжелательство, то радость и горе у нихъ общія, и тѣмъ радостнѣе наслаждаются они добромъ, и тѣмъ легче переносятъ неприятое“.

XI.

Въ томъ же духѣ и тонѣ, какъ фонъ-Эйбъ, говорилъ о бракѣ и Лютеръ. Такъ же говорили и другіе сподвижники реформаціи. Взглядъ не новъ; онъ заимствованъ почти цѣликомъ изъ библейскихъ моралистовъ ветхаго заветъа. Безбрачіе духовенства, приведшее къ такому разврату и въ немъ самомъ и въ обществѣ, должно было заставить Лютера прибѣгнуть къ библейскимъ поученіямъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній о необходимости и святости брака. Онъ впрочемъ черпалъ свои доводы и изъ простаго здраваго смысла... Въ природѣ столь же глубоко вѣдрена потребность родить дѣтей, какъ потребность ѣсть и пить. Поэтому Богъ далъ тѣлу члены, жилы, соки и все, что для того нужно. Противиться и не слѣдовать тому, что велитъ исполнять природа,—то же, что хотѣть, чтобы природа не была природой, чтобы огонь не жегъ, вода не мочила, человѣкъ не ѣлъ, не пилъ и не спалъ“. Это разсужденіе какъ нельзя болѣе справедливо и теперь. Но обращаясь къ нравственнымъ качествамъ женщины и ея обязанностямъ, Лютеръ ставитъ женщину въ исключительно служебное подчиненіе мужчинѣ. Она должна существовать какъ бы только для украшенія жизни мужчины, для пополненія его существованія. О самостоятельномъ значеніи и достоинствѣ ея нѣтъ и помину. Въ *Похвалѣ доброй жены* Лютеръ просто перифразируетъ Соломона, къ притчамъ котораго прибѣгаетъ такъ часто и нашъ *Домострой*. „Благочестивая, богобоязненная жена есть рѣдкое благо, выше и драгоцѣннѣе жемчуга“, говорится въ *Похвалѣ*. „Мужъ полагается на нее и довѣряетъ ей все. Она радуется и веселитъ мужа, не печалитъ его, поступаетъ любовно и во всю жизнь не причиняетъ ему горя. Она обрабатываетъ ленъ и шерсть, и охотно тру-

дится собственными руками, и обряжаетъ домъ, и подобится судну купеческому, которое везетъ изъ дальнихъ странъ много добра и товаровъ. Рано встаетъ она, кормитъ челядь домашнюю и раздаетъ уроки служанкамъ. Обо всемъ, что слѣдуетъ, хлопочетъ она, и всѣмъ занимается съ радостью. Что до нея не касается, оставляетъ. Она крѣпко препоясываетъ себя и не полагаетъ рукъ, заботясь по дому. Она замѣчаетъ полезное и отвращаетъ вредное. Свѣтильникъ ея не угасаетъ ночью. Она протягиваетъ руки къ прялкѣ и персты ея берутъ веретено; она работаетъ съ охотой и усердіемъ. Она распростираетъ свои руки надъ бѣдными и немощными; даетъ и помогаетъ съ любовью. Она держитъ свое домашнее хозяйство въ добромъ порядкѣ; не ходитъ неряшливая и запачканная. Нарядъ ея—опрятность и прилежаніе. Она открываетъ уста свои съ мудростью; на языкѣ ея пріятное поученіе; она воспитываетъ дѣтей своихъ словомъ Божиимъ. Мужъ хвалитъ ее; сыновья приходятъ и прославляютъ ее.—Странно было бы и ждательнаго взгляда отъ нѣмецкаго реформатора. Не надо забывать, что реформа его касалась церкви—и только церкви. Соціальныя отношенія казались ему непогрѣшимыми, какъ скоро опирались на систему, которой онъ безусловно подчинялся. Его негодованіе обращалось только на частныя уклоненія отъ нея. Шерръ очень характеристично называетъ Лютера настоящимъ изобрѣтателемъ ученія объ ограниченномъ вѣрноподданническомъ разумѣ. „Самыя опредѣленные свидѣтельства изъ устъ реформатора подтверждаютъ справедливость этого мнѣнія, Всякому извѣстно, что Лютеръ признавалъ законность крѣпостнаго права; что онъ считалъ необходимымъ обременять простаго человѣка тягостями, потому что иначе онъ будетъ слишкомъ своесоленъ; что онъ признавалъ даже за администраціей право измѣнять по произволу правила таблицы умноженія“. Съ такимъ взглядомъ трудно связывать благотворное вліяніе на общественную нравственность. Если мы замѣчаемъ въ лучшихъ и наиболѣе развитыхъ кругахъ того времени большую чистоту нравовъ, большую разумность въ семейныхъ отношеніяхъ, то это слѣдуетъ приписать вліянію общаго гуманитарнаго направленія тогдашней образованности, а не церковной реформѣ. Книгопеча-

таніе давало больше средствъ къ распространенію грамотности и знанія. Женщинамъ стало легче усвоивать себѣ кое-что изъ современной науки. Послѣ реформаціи и разоренія монастырей чаще основывались женскія училища. Латинскій языкъ вошелъ въ такую же моду, какъ потомъ французскій.

Въ дѣлѣ реформаціи участіе женщинъ было значительно. Лютеръ, какъ человѣкъ практической, умѣлъ имъ пользоваться. „Если женщины принимаютъ ученіе Евангелія, говоритъ онъ, то онѣ гораздо сильнѣе и ревностнѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчины, и гораздо крѣпче и упорнѣе ея держатся“. Успѣху новаго ученія помогали своимъ политическимъ вліяніемъ герцогини Катерина Саксонская и Елизавета Брауншвейгская, курфюрстины Сибилла Саксонская и Елизавета Бранденбургская, принцесса Маргарита Ангальтская. Лютеръ былъ въ перепискѣ и съ сестрою своего могущественнаго противника, Карла V-го, королевою Маріей Венгерской. Въ графскихъ фамиліяхъ Мансфельдовъ и Штольберговъ реформація нашла себѣ ревностныхъ приспѣшницъ. Анна Штольбергъ была первою евангелическою настоятельницей знаменитаго Кведлинбургскаго аббатства. Во многихъ городахъ у Лютера были послѣдовательницы и корреспондентки и не такого высокаго положенія. Онѣ тоже помогали ему и дѣломъ и словомъ, публичною проповѣдью. Таковы Магдалина Гаймеръ изъ Регенсбурга, Катерина Юнкеръ изъ Эгера и другія. Но изъ всѣхъ этихъ женщинъ лишь одна, по энергіи, силѣ убѣжденія, одушевленію и пониманію дѣла, стоитъ на ряду съ лучшими пособниками виттенбергскаго монаха. Это Аргула Грумбахъ, изъ Франконіи. Она серьезно изучала Библию и была вся проникнута ученіемъ Лютера. Не смотря на преслѣдованія и гоненія, она съ неостывающею ревностью дѣйствовала въ пользу реформаціи. Посланія ея, распространявшіяся и въ печати, не оставались безъ дѣйствія. Она вошла сначала въ переписку, а потомъ и въ личныя сношенія съ Лютеромъ. Между прочимъ, она же рѣшительно совѣтовала реформатору жениться. Жена Лютера, Катерина Бора, бывшая монахиня, которой онъ самъ помогалъ бѣжать изъ монастыря съ семьєю ея товарками, удовлетворяла повидимому вполне его

идеалу жены. „Сердечная Катя“ („herzliche Kätte“), какъ онъ называлъ ее въ своихъ письмахъ, была добрая хозяйка и умная женщина, но мало участвовала въ дѣлахъ мужа. Эразмъ говоритъ, что Лютеръ послѣ женитьбы сталъ значительно мягче и кротче къ своимъ противникамъ.

Разумѣется, не всѣ обитательницы монастырей покидали ихъ въ эпоху реформаціи для того, чтобы сдѣлаться скромными подружками любимыхъ людей, какъ Катерина Лютеръ. Закрытіе монастырей, часто очень бурное, ясно показываетъ, какъ мало участвовало въ отшельничествѣ религиозно-аскетическое настроеніе. Мнимый аскетизмъ прямо переходилъ въ противоположную крайность. Такъ было напримѣръ въ 1526 году при упраздненіи монастырей святой Клары въ Нюрнбергѣ. А между тѣмъ этотъ монастырь былъ еще однимъ изъ наиболѣе чинныхъ. Тамъ и наука не была совсѣмъ чуждою гостей. Двѣ аббатиссы этого монастыря, Харита и ея преемница Клара, двѣ сестры гуманиста Виллибальда Пиркегеймера, были извѣстны своимъ образованіемъ, переписывались „о матеріяхъ важныхъ“ съ разными учеными, — а старшая оставила по себѣ и любопытные мемуары. Монастырь славился и воспитаніемъ, какое давалось тамъ юнымъ дѣвицамъ. — Современные свидѣтельства представляютъ, кромѣ того, священниковъ, которые извлекаютъ себѣ монахинь изъ обителей и развѣзжаютъ съ ними съ мѣста на мѣсто; монахинь, которыя, несмотря на очень почтенный возрастъ, изловчатся, съ умѣньемъ свѣтскихъ кокетокъ, отыскивать себѣ мужей; цѣлыя шайки высокородныхъ дамъ и кавалеровъ, которые врываются въ монастыри, — и все ставится тамъ вверхъ дномъ, идетъ пьянство, пляска, адскій кутежъ.

Иначе едва ли могло быть. Не могли же нравы измѣниться сразу. Къ тому же въ морали, принятой за основу, не было и задатковъ для лучшаго порядка. Въ то время, какъ Лютеръ выводилъ изъ Библии свой идеаль бракъ, Янъ Лейденскій проводилъ принципъ многоженства. Какъ извѣстно, у этого „истиннаго царя новаго храма сіонскаго“ было четырнадцать женъ, и такіе же гаремы были и у его „вельможъ“ въ Мюнстерѣ. Одна изъ четырнадцати женъ пророка, Елизавета, объявляетъ ему, что ласки его стали ей про-

тивны. Янъ Бокельсонъ облачается въ парчевыя царскія одежды, и въ торжественной процессіи ведетъ ее на площадь. Тамъ онъ собственными руками рубитъ ей годову, и потомъ пляшетъ со своими остальными тринадцатью женами вокругъ обезглавленнаго тѣла.

Но это явленіе исключительное. Возьмемъ нѣсколько болѣе общихъ характеристикъ изъ современныхъ свидѣтельствъ о нѣмецкомъ бытѣ въ вѣкъ реформаціи.

Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка, поэтъ и рыцарь гуманизма, Ульрихъ Гуттенъ, записываетъ разговоръ Фаэтона и Солнца, наблюдающихъ съ воздушныхъ высотъ нравы Германіи:

„Фаэтонъ. Я вижу, тамъ купаются вмѣстѣ мужчины и женщины, и мнѣ кажется, это не можетъ обходиться безъ вреда для ихъ стыдливости и чести.

Солнце. Никакого вреда нѣтъ.

Фаэтонъ. Да вѣдь они, я вижу, и цѣлуются.

Солнце. Точно.

Фаэтонъ. И ласково обнимаются.

Солнце. Да.

Фаэтонъ. Можетъ быть, они слѣдуютъ законамъ Платона, и жены у нихъ общія?

Солнце. Нѣтъ, не общія. Но этимъ они доказываютъ свое довѣріе. Ни въ единомъ мѣстѣ, гдѣ женъ берегутъ, не найдешь ты женскую чистоту въ такой неприкосновенности, какъ у этихъ женщинъ, надъ которыми нѣтъ никакого надзора и присмотра. Нигдѣ не рѣдко такъ прелюбодѣяніе, и нигдѣ бракъ не соблюдается строже.

Фаэтонъ. Будто?

Солнце. Я тебѣ говорю, такъ.

Фаэтонъ. И подозрѣнія никакого не бываетъ? Глядя на то, какъ обращаются съ ихъ молоденькими женами, дѣвухами, никто не боится за ихъ честь?

Солнце. И мысли объ этомъ не приходитъ. Они вполне довѣряютъ другъ другу, и живутъ въ добромъ согласіи и вѣрности, свободно и честно, безъ всякаго обмана и измѣны“.

Что это такое? нравы временъ Цезаря, какъ примѣръ? или очищенные гуманизмомъ рыцарскіе обычаи? Вѣрнѣе всего, что это иронія, и вовсе не тонкая. Шерръ, указы-

вая на кодексъ уголовныхъ законовъ Карла V (Carolina), очень справедливо говорить, что „страшная строгость его относительно половыхъ проступковъ доказываетъ обиліе этихъ преступленій. Лѣтописи уголовной юстиціи XVI вѣка представляютъ и фактическія подтвержденія.

Послушаемъ еще современнаго свидѣтеля другаго склада, нежели Гуттенъ, именно одного изъ послѣднихъ рыцарей Германіи, Ганса Швейнихена, который написалъ свою автобіографію. О гуманизмѣ онъ и не слыхивалъ, и хвалится, что „пьянство доставило ему большой кругъ знакомства въ имперіи“. Со своимъ государемъ, герцогомъ Лигницкимъ, развѣзжалъ онъ изъ мѣста въ мѣсто, имѣя въ виду одно прихлебательство. „Въ 1570 году, рассказываетъ онъ, началъ я съ полной готовностью снюхиваться съ дѣвицами, и, по моему дѣйствованью, молодцомъ („былъ Meister Fix“, какъ онъ выражается). Сталъ развѣзжать по свадьбамъ и другимъ мѣстамъ, куда меня звали, и вездѣ годился, жралъ и пилъ по полуночи и по цѣлымъ ночамъ, и обдѣлывалъ любовныя дѣлишки на славу“.

Любопытно также послушать, что говорятъ современники о тогдашнихъ танцахъ, которые были одною изъ главнѣйшихъ общественныхъ забавъ. Безъ нихъ, какъ безъ обилія яствъ и питей, не обходилось ни одного собранія. Ученый Агриппа Неттестеймскій пишетъ въ своей книжкѣ *О тщетнѣ наукъ*: „пляшутъ съ непристойными тѣлодвиженіями и неистовымъ топаньемъ подѣ сладострастную музыку и вольныя пѣсни. Обнимаютъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ безстыдными руками, какъ любовницъ“... Одинъ пасторъ, въ памфлетѣ, посвященномъ исключительно танцамъ его времени, говоритъ, что „танцующіе безпорядочно снуютъ и бѣгаютъ какъ коровы, мечутся и вертятся. Такое постыдное и паскудное скаканье, круженье и верченье происходитъ отъ плясовыхъ бѣсовъ. Или же кинутся вдругъ вдвоемъ на полъ, а другіе налетятъ, къ нимъ же, и лежатъ кучей. Кто любитъ на всякое безстыдство смотрѣть, тому очень правится такое скаканье, паданье и маханье платьями. Которая дѣвица больше всѣхъ напляшется, наскочится, навертится и выкажетъ себя, та слыветъ за самую лучшую, и сами матери хвалятся этимъ. Чортъ подзадори-

ваетъ и нашихъ молодыхъ и старыхъ вдовъ. Онѣ также ломаются и безстыдничаютъ, какъ и молоденькія дѣвушки, и на ночныхъ танцахъ являются первыя, а уходятъ послѣднія“. Другой моралистъ послѣдней четверти XVI-го вѣка жалуется: „на вечернихъ танцахъ, гдѣ только и дѣлаютъ, что безстыдно пляшутъ, скачутъ, вертятся, не одна женщина теряетъ свою добрую славу. Иная дѣвица научается тамъ тому, чего ей лучше бы никогда не знать. Кто такія пляски одобряетъ — негодай, а кто ихъ защищаетъ — мошенникъ. Не дикое ли это, безобразно-скотское скаканье, бѣганье и снованье? и проч. Въ теченіе всего XVI-го вѣка и государи, и городскіе магистраты издавали предписанія, въ которыхъ требовали, чтобы танцующія „пристойно одѣвались и прикрывались“; танцорамъ же особенно предписывалось „дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ не закруживать и не подкидывать“. — Женская одежда въ XVI-мъ столѣтіи стала впрочемъ вообще скромнѣе прежняго. Только женщины продолжали бѣлиться и румяниться.

Исторія тогдашнихъ дворовъ тоже не богата образцами той нравственности, которой гуманисты и реформаторы требовали отъ семьи и красы ея, женщины. Варварства, невѣжества и разврата было тутъ довольно. Особенно характерично невѣжество, которымъ очень ловко пользовалось шарлатанство. Мы расскажем одинъ такой случай.

Нѣкто чернокнижникъ, въ родѣ Калостро, нѣмецъ, хотѣ и съ греческимъ именемъ, вкрался въ довѣріе герцога Юлія Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Филиппъ Тероциклъ (нѣмецкій Зоммерлингъ) хвалился, что умѣетъ дѣлать „философскій камень“. Герцогъ былъ слабъ и болѣзненъ, и шарлатанъ обѣщаль ему превратить его вновь въ цвѣтущаго юношу. Для этого герцогу слѣдовало оставить жену, съ которою онъ прижилъ десятерыхъ дѣтей и былъ друженъ. Орудіемъ его обновленія должна была служить нѣкая Анна Циглеръ, женщина самаго свободнаго нрава. Удивительно, чему только нельзя было заставить тогда вѣрить! Анна Циглеръ выдавала себя за натуру особенную, исключительную. Она утверждала, что пробыла только восемнадцать недѣль во чревѣ матери; что потомъ ее воспитывали въ особу для того приго-

дать золото и превращать въ золото другіе металлы; что на ней не бывало никакой нечистоты; что она ни съ кѣмъ изъ женщинъ не сходна, и можетъ быть приравнена только къ ангеламъ... что кто будетъ въ связи съ нею, проживетъ безболѣзненно ста годами долѣе другихъ людей. Герцогъ всему повѣрилъ, и началъ дѣло своего обновленія. Все пошло бы хорошо, еслибъ наконецъ чернокнижника, его пріятельницы и всей ихъ нахальной банды, нахлынувшей ко двору, не заподозрили въ покушеніи на жизнь герцогини. Дѣло кончилось тѣмъ, что Тороцикла до смерти заципали раскаленными клещами, Анну Циглеръ сожгли, а сообщниковъ ихъ колесовали.

Вся эта грубость, дичь и безстыдство блѣднѣютъ однакожь передъ тѣмъ галантерейнымъ распутствомъ, которое охватило германскіе дворы въ XVII-мъ столѣтіи, по образцу французскаго двора.

ХІІ.

Католическіе дворы въ Германіи слѣдовали болѣе испанско-итальянскому вліянію; дворы же протестантскіе тщились усвоивать нравы и образъ жизни французской Renaissance. И тѣ и другіе представляли безобразное зрѣлище своею роскошью, своимъ безпутствомъ, рядомъ съ несчастною массой бѣднаго, запуганнаго, задавленнаго народа. Подъ блестящимъ лакомъ иностранной цивилизаціи плохо пряталась туземная грубость и варварство. Современники находили, что при дворахъ протестантскихъ нравственная безурядица была еще хуже, чѣмъ при католическихъ. Вліяніе Венеціи, этого другаго Парижа того времени, казалось имъ не столь пагубнымъ, какъ „гордый, коварный и развратный французскій духъ“. Тѣ нравственные зачатки, которые повидимому таились въ лютеранствѣ, зачахли виною этого самаго ученія. Съ подавленіемъ крестьянской войны подавленъ былъ самый прогрессъ общества, и лютеранство начало костенѣть въ сухомъ догматизмѣ и рабскихъ понятіяхъ. „Прежде, въ папствѣ, жаловался одинъ протестантскій проповѣдникъ въ 1534 г., можно было свободнѣе карать пороки государей и важныхъ господъ. Теперь надо дѣйствовать все по придворному; а то скажутъ—бунтовщикъ. Богъ знаетъ, что та-

кое!“ Одинъ владѣтельный графъ застрѣлилъ нечаянно человека на охотѣ. Его придворный капелланъ утѣшаетъ его, кромѣ непреднамеренности самаго поступка, еще и тѣмъ, что графъ „вѣдь властенъ надъ жизнью своихъ подданныхъ“.

О народѣ и не слышно ничего въ это печальное время. Онъ пассивъ, послѣ своихъ жестокихъ пораженій, какъ покорное стадо, которое „можно рѣзать или стричь“. Тридцатилѣтняя война всею страшною тяжестью своей легла на него и окончательно придавила къ землѣ его побѣдную голову. Не говоря уже о другихъ ужасахъ, что терпѣли въ эту дикую войну женщины! Что дѣлали съ ними солдаты! Эти каннибалства стали чѣмъ-то въ родѣ обычая у буйной солдатчины. Народонаселеніе уменьшилось на двѣ трети послѣ этихъ тридцати лѣтъ кровавой бойни, поднятой изъ-за безумнѣйшихъ предразсудковъ и ни къ чему не приведшей, кромѣ народнаго разоренія. Немногія школы еще болѣе рѣдѣли; женскія же совсѣмъ исчезли.

Нѣмецкіе потентаты конечно не такъ пострадали отъ войны, какъ ихъ подданные. Имъ оставалась еще возможность грабить и нищій народъ. Подражательность иноземцинѣ еще болѣе утвердилась и распространилась въ высшихъ кругахъ послѣ тридцатилѣтней войны. Образованность тогдашней аристократіи замѣчательна развѣ тѣмъ, что учителя и гувернеры въ дворянскихъ домахъ получали меньше платы, чѣмъ кучера, повара и лакеи. Метрессы и фаворитки стали необходимою принадлежностію всѣхъ нѣмецкихъ дворовъ, обезьянившихъ Францію. Вся эта безпутная сволочь рядилась въ золото и бархатъ, устраивала разныя дорогія потѣхи, маскарады, аллегоріи въ лицахъ, пасторали, развратничала, пьянствовала и создавала себѣ мишурную Аркадію, высасывая послѣдніе соки изъ народа.

Мы не будемъ останавливаться на скандалахъ, которыми были полны нѣмецкіе дворы XVII столѣтія. Имъ предстоялъ еще прогрессъ въ этомъ отношеніи и въ слѣдующемъ вѣкѣ. Да притомъ эти скандалы всѣ одного характера. Главную роль вездѣ играли наглѣя, нарумяненные и набѣленные фаворитки въ родѣ графини Платенъ при дворѣ тупоумнаго ганноверскаго курфирста, ставшаго потомъ ко-

ролемъ Англин. — Любопытѣе посмотрѣть на мѣры, какія принимали тѣ же поклонники французской придворной системы, когда дѣло заходило черезъ чуръ далеко. Такъ ландграфъ кассельскій Морицъ и вводилъ при дворѣ французскіе порядки, и самъ же каралъ ихъ послѣдствія. Его вдругъ обуяла удивительная нравственность. Жена его, Юліана, поцѣловалась разъ съ однимъ придворнымъ. Это видѣлъ гофмаршалъ и сообщилъ ландграфу. Придворный отомстилъ гофмаршалу тѣмъ, что застрѣлилъ его на большой дорогѣ. Его схватили, судили и приговорили къ смертной казни. Сначала отрубили ему правую руку, потомъ живому вскрыли грудь и вырвали сердце. Палачъ показалъ сердце ландграфу, который не преминулъ присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. Мать казненнаго и обрученная ему невѣста сошли съ ума отъ ужаса. Вскорѣ вдова убитаго гофмаршала забеременѣла отъ одного офицера. Ландграфъ и тутъ явился немедленно карателемъ. Онъ предложилъ ей на выборъ — или что онъ заложитъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ живую въ каменную стѣну, или чтобы она изволила удалиться изъ его предѣловъ. Разумѣется, она выбрала послѣднее, и вышла замужъ за своего любовника. Но на него ландграфъ нагналъ, видно, не малый страхъ. Онъ отравился, боясь его мстительности. Удивительно только, что Морицъ не сдѣлалъ ничего со своей женой.

Само собою разумѣется, что дворянство не отставало въ образѣ жизни отъ своихъ образцовъ. Придворная испорченность коснулась и менѣе высокихъ сферъ общества. Нравственного оживленія въ городскихъ сословіяхъ трудно было ждать. Они обезсилѣли и пали послѣ погрома и разоренія многолѣтней войны.

Страсть подражанія иностранцамъ во всемъ, начиная съ одежды и нравовъ и кончая образомъ мыслей, распространилась всюду, какъ прилипчивая эпидемія. Всѣ классы, кромѣ народа, тянулись изо всѣхъ силъ жить и быть à la mode. Такъ называли тогда слѣдованіе французскимъ образцамъ. Аристократическіе юноши устремлялись для своего просвѣщенія à la mode въ Парижъ. Нѣмецкія дамы à la mode усвоивали себѣ и тонъ, и манеры, и языкъ, и покрои платьевъ изъ того же Парижа. Къ услугамъ этихъ дамъ съ

обнаженной грудью, съ раскрашенными лицами, залѣпленными мушками, была и цѣлая литература à la mode, такая же размазанная и безвкусная и такая же циническая подъ своею манерной виѣшностью. Говорить о женщинахъ значило для нѣмецкихъ поэтовъ второй половины XVII столѣтія — воспѣвать снѣжную бѣлизну женскихъ грудей, пышность женскихъ бедръ и т. д. Недостигнутымъ образцомъ былъ Пьетро Аретино.

Противъ этого распушеннаго направленія, какъ и противъ обезьянства французамъ и итальянцамъ, раздавалось въ литературѣ нѣсколько голосовъ. Съ особенною сатирическою жолчью и патриотическимъ негодованіемъ возставали противъ подражанія иноземному Мошерошъ и Гриммельсгаузенъ. Въ этомъ подражаніи имъ видѣлась причина всѣхъ золъ. Гриммельсгаузенъ написалъ замѣчательный романъ: *Simplicissimus*, гдѣ очень ярко и характерно изображена картина тогдашняго нѣмецкаго общества. Но такихъ сатириковъ и проповѣдниковъ было немного; значить, въ нихъ выражалось мнѣніе лишь слабаго меньшинства, и они не могли принести большой пользы.

Не на одни свѣтскіе кружки не производили они особеннаго или даже никакого впечатлѣнія. Даже и тамъ, гдѣ болѣе интересовались литературой, гдѣ болѣе читались филиппики современныхъ моралистовъ и сатириковъ, они не производили дѣйствія. Деморализація и паденіе семейнаго начала, противъ которыхъ они вопіяли, господствовали, по словамъ Шерра, „часто болѣе всего въ кругахъ, отъ которыхъ менѣе всего слѣдовало бы этого ожидать, именно въ кругахъ академическихъ. Нечего конечно удивляться распутной жизни студентовъ. Въ это время студенчество сплошь сливалось съ простонародьемъ. Но поразительно то, что на примѣръ въ Тюбингенѣ, гдѣ университетъ такъ превозносился своимъ *чисто лютеранскимъ ученіемъ*, и въ семействахъ профессоровъ господствовалъ сильный развратъ.

Послѣ этого конечно не между солдатками искать идеаловъ семейной чистоты и нравственности.

Церковная и гражданская дисциплина воображала вліять на нравы и поддерживать семейное начало мѣрами въ родѣ тѣхъ, какія принималъ кассельскій ландграфъ Морицъ.

„2-го апрѣля 1658-го года, записано въ кобургской лѣтописи, тюрингенскій извозчикъ Гансъ Виртъ, за то, что соблазнилъ одну дѣвку и обѣщалъ на ней жениться, а потомъ соблазнилъ другую и тоже обѣщалъ на ней жениться, былъ, когда отблаговѣстили въ церкви, поставленъ у колокольни, со вложенною въ цѣпное кольцо шеи, и тутъ съ обѣими дѣвками въ вѣнкахъ изъ соломы долженъ былъ простоять всю обѣдню“. Позднѣе „падшія“ дѣвушки изгнаны изъ мѣста ихъ жительства. Ихъ съ барабаннымъ боемъ обводили три раза вокругъ рыночной площади, потомъ наказывали розгами и выводили вонъ за городскія ворота. Виноватыми оказывались женщины!

Женскіе монастыри стали повидимому скромнѣе, то есть тѣ, которые остались. Кромѣ католическихъ, были впрочемъ, вскорѣ послѣ реформации, устроены и протестантскія заведенія такого рода. Тутъ попадались и ученые женщины въ родѣ Гротсвиты.

Особенно прославилась изъ нихъ одна, Анна Шурманъ, изъ Кельна. Она пользовалась блестящею репутаціей между первыми тогдашними учеными. Салмазій, Бартолинъ, Фоссъ, Гейнзіусъ, придавали ей самыя восторженные эпитеты. Ее именовали и „десятою музою“, и „альфою дѣвъ“, и „новымъ чудомъ вѣка“, и „женственнымъ докторомъ музъ и грацій“, и „красою отечества“, и еще сотнями столь же замысловатыхъ титуловъ. Анна была энциклопедистка и въ наукѣ и въ искусствѣ. Она занималась музыкою, живописью, гравированіемъ, философіей, астрономіей, географіей, но болѣе всего теологіей, какъ и большая часть тогдашнихъ ученыхъ; защищала протестантизмъ въ „ученыхъ“ спорахъ съ іезуитами; знала четырнадцать древнихъ и новыхъ языковъ; писала и стихи, и ученые трактаты, по еврейски, по гречески, по латыни и по французски. Намъ было бы любопытнѣе всего просмотрѣть одинъ изъ нихъ — именно о способности женщинъ къ изученію наукъ. Но какъ нарочно, у нѣмецкихъ историковъ женщинъ нѣтъ ни одного отрывка изъ этой рѣдкой теперь книги *).

*) Свой трактатъ Анна Шурманъ написала и на латинскомъ, и на французскомъ языкахъ. По латыни онъ называется: «Dissertatio de Ingenii Muliebris ad Doctrinam et Meliores Literas Aptitudine» (1641), а по французски: «Question Célèbre s'il est nécessaire ou non, que les Filles soient Savantes» (1646).

XIII.

„Нѣчто святое и вѣщее“, что уважали въ женщинѣ германцы Тацита, стало у ихъ потомковъ предметомъ ожесточеннаго преслѣдованія. Новымъ Веледамъ и Ауриніямъ, вмѣсто всеобщаго почета, доставались пытки и казни. Съ развитіемъ христіанства вѣра въ волшебство, представительницами котораго въ язычествѣ были всеми чтимыя жрицы, приняла мрачный характеръ вѣры въ дьявола, врага Бога и рода человѣческаго. Тайны природы, оставшіяся недоступными тогдашней жалкой наукѣ, вызывали не изслѣдованіе, а игру воображенія, и оно населяло міръ множествомъ фантастическихъ и дивныхъ силъ. Всѣ средніе вѣка были временемъ самаго искренняго вѣрованія въ постоянное вмѣшательство дьявола въ человѣческія дѣла и отношенія. Нервные болѣзни, не поддававшіяся лошадинымъ медикаментамъ того времени, были напущеніемъ дьявола; галлюцинаціи и грезы неудовлетворенной страсти были его искушеніемъ; уродливое дитя, преждевременный выкидышъ — были порожденіемъ дьявола, проникшаго на ложе женщины; страстная любовь, ведшая человѣка чрезъ всѣ препятствія и ничѣмъ неутолимая, была слѣдствіемъ его навожденія.

Какъ ни способенъ умъ человѣческій принимать ложь за истину и вдаваться въ безобразныя заблужденія, но конечно ужъ никогда и нигдѣ не могутъ повториться тѣ ужасы, какіе суевѣріе и вѣра въ колдовство производили во всей Европѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ особенности въ Германіи XVI-го и XVII-го столѣтій. Реформация не остановила кровавыхъ преслѣдованій. Напротивъ, тутъ-то они и разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ. Оно и понятно. Самъ Лютеръ, котораго исторія ставитъ въ число эмансипаторовъ мысли, не отставалъ въ этомъ отъ своихъ современниковъ. Извѣстна всѣмъ исторія, какъ онъ пустилъ въ дьявола чернилицей. Онъ самъ совершенно серьезно рассказываетъ, какъ дьяволъ тревожилъ его по ночамъ въ Вартбургѣ. Не менѣе серьезно говорилъ онъ о дѣтяхъ, рождаемыхъ женщинами отъ дьявольскаго племени. Онъ даже предлагалъ утопить

одного несчастного уродца, котораго ему показали въ Дессау. Только владѣтельный князь Ангальтскій могъ остановить рвеніе реформатора. Лютеръ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ говорилъ, что такихъ уродцевъ „Сатана кладетъ на мѣсто настоящихъ младенцевъ, чтобы терзать людей. Онъ часто утаскиваетъ дѣвушекъ въ воду и держитъ ихъ у себя, пока онѣ не родятъ. Потомъ этихъ дѣтей кладетъ онъ въ колыбели, а настоящихъ дѣтей вынимаетъ и уноситъ съ собой“. Послѣ такихъ разсужденій Лютера нечего уже удивляться его противникамъ изъ ватиканскаго лагеря, что они напримѣръ обвиняли вальдензовъ въ поклоненіи дьяволу, который является имъ въ видѣ кошки, жабы или козла, съ извѣстной цѣлю“. Все, чѣмъ только невѣжественная фантазія народа могла окружить мнимое колдовство, было признано возможнымъ, совершающимся и конечно требующимъ гоненія и истребленія въ интересѣ религіи.

Эти гоненія постигали почти исключительно женщинъ. Это было вполне согласно съ ученіемъ, что женщина есть родоначальница грѣха на свѣтѣ, ученица дьявола. Общественное положеніе женщинъ беззащитно, и карать ихъ было легче, чѣмъ мужчинъ. Одинъ церковный авторитетъ времени Людовика XIII-го, приводимый у Мишле, говоритъ, что въ дѣлахъ колдовства на одного мужчину приходится десять тысячъ женщинъ.

Инквизиція, какъ прочное папское учрежденіе, не привилась въ Германіи. Но такъ называемый „розыскъ вѣдьмъ“ (Hexenprozess), систематически разработанный нѣмцами, стоилъ ея. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ еретичками, жгли иногда на кострахъ и вѣдьмъ. Но теологическая и юридическая организація этихъ сожигательствъ утвердилась въ Германіи только въ исходѣ XV-го вѣка. Два профессора теологіи въ Верхней Германіи, опредѣленные папою въ инквизиторы, именно Яковъ Шпренгеръ и Генрихъ Инститоръ, исхлопотали себѣ папскую буллу для руководства въ дѣлахъ съ вѣдьмами. Непогрѣшимый преемникъ святаго Петра, Иннокентій VIII, объявлялъ въ этой буллѣ, что нѣмецкія вѣдьмы, „не памятуя о спасеніи души своей и отпадая отъ католической вѣры, водятся съ демонами, которые смѣшиваются съ ними въ образѣ муж-

чинъ (incubi, какъ это называлось; succubi были демоны въ образѣ женщинъ), и посредствомъ призываній, пѣсенъ и заклинаній, всякихъ гнусныхъ волшебныхъ формулъ, отступничества, преступленій и пороковъ, портятъ, удушаютъ и губятъ плодъ женщинъ и животныхъ, а также полевые плоды и овощи, виноградники, луга, сады и хлѣбныя поля; притомъ и самыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, равно и скотъ всѣхъ родовъ, поражаютъ и мучатъ жестокими внутренними и наружными болѣзнями; кромѣ того, отрицаютъ богохульными устами принимаемую посредствомъ крещенія вѣру, и по наущенію дьявола совершаютъ безчисленные пороки, злодѣянія и жестокости, на гибель душъ своихъ, на поруганіе величества Божія и на соблазнъ и пагубный примѣръ многимъ“. Въ заключеніе картины всѣхъ этихъ мерзостей, происходящихъ отъ колдовства въ странахъ германскихъ, папа уполномочивалъ своихъ теологовъ выступить въ бой противъ вѣдьмъ во всеоружіи церкви, а въ случаѣ надобности призывать противъ этихъ сообщницъ ада и „свѣтскую руку“. Этихъ указаній было достаточно, чтобы соорудить цѣлую систему. Сооруженіемъ ея занялся тотъ же Шпренгеръ со своими единомышленниками. Такъ возникла книга подъ заглавіемъ *Молотъ на Вѣдьмъ* (по латынѣ *Mal-leus Maleficarum*). Одинъ богословъ начала XVIII-го столѣтія говоритъ о ней: „Все, что только можно себѣ представить въ лицѣ инквизитора по еретичеству, — все, чего только можно ожидать отъ временъ, когда царство мрака и зла достигло высшаго своего развитія, — все это совмѣщено въ этой книгѣ: злоба, глупость, жестокосердіе, лицемеріе, коварство, скверна, баснословіе, пустая болтовня“. Богословскій факультетъ ревностно-католическаго города Кельна одобрилъ *Молотъ* Шпренгера, и онъ былъ изданъ въ 1489-мъ году.

Книга эта вскорѣ стала настольнымъ кодексомъ для теологовъ и юристовъ въ дѣлахъ колдовства. По опредѣленію этого кодекса, колдовство есть „самое тяжкое, самое страшное и самое гнусное“ изъ всѣхъ преступленій. Это въ то же время и *чрезвычайное* преступленіе (сrimen exsertum). Стало быть, оно требуетъ, въ преслѣдованіи и наказаніи, и мѣръ чрезвычайныхъ. Доносъ въ этомъ случаѣ всячески

поощряется, как дѣло богоугодное. Но вѣдь „церковь не пьетъ крови“, то есть не казнить никого сама. Поэтому нужно вступить въ союзъ съ свѣтскою юстиціей, какъ на это намекала и папская булла. Юридическое оправданіе такому союзу найти было не трудно. Колдовство есть и отпаденіе отъ церкви и злоумышленіе на личную безопасность ближнихъ. И такъ, оно—преступленіе и церковное, и въ тоже время свѣтское.

Узаконить доносъ—значило создать себѣ очень широкій кругъ дѣятельности. Всякій могъ ежеминутно запутаться въ сѣти клеветы. Все могло служить поводомъ къ подозрѣнію въ такомъ фантастическомъ дѣлѣ, какъ отношенія къ дьяволу. И точно, болѣе полутора столѣтій (именно съ 1500-го и приблизительно до 1675 года) не было ни единой женщины въ Германіи, даже ни единой дѣвочки, которая могла бы поручиться хоть на минуту, что она избѣжитъ подозрѣнія въ связи съ дьяволомъ, преслѣдованія, пытки и всѣхъ свирѣпствъ вѣдовскаго розыска. Изъ ста доносовъ развѣ одинъ не доводилъ до костра. Стоило только попасть въ кошачьи лапы юстиціи. Доносъ бывалъ впрочемъ иногда орудіемъ обоюдоострымъ. „Однажды утромъ, три дамы въ Страсбургѣ, рассказываетъ Мишле, принесли жалобу, что въ одинъ и тотъ же день и въ одинъ и тотъ же часъ на нихъ посыпались удары отъ невидимой руки. Какъ? Онѣ могли обвинить только одного человѣка злокачественной наружности, который околдовалъ ихъ. Обвиненнаго привели къ инквизитору. Онъ отрицался и клялся всѣми святыми, что совсѣмъ не знаетъ этихъ дамъ и никогда не видалъ ихъ. Судья не хотѣлъ ему вѣрить. Большая симпатія къ дамамъ сдѣлала его неумолимымъ, и заpiresательство только ожесточило его. Онъ уже поднялся съ мѣста. Обвиненнаго ждала пытка, и онъ конечно сознался бы, какъ дѣлали и самые невинные. Онъ попросилъ однако слова и сказалъ:— дѣйствительно, я помню, вчера, въ показанный часъ, я билъ— но не крещеныхъ людей, а трехъ кошекъ, которыя злобно кинулись на меня и хотѣли схватить зубами за ноги. Судья, человѣкъ провицательный, съ разу понялъ, въ чемъ дѣло. Бѣдный человѣкъ невиненъ. Разумѣется, три дамы превращались по временамъ въ кошекъ, и дьяволъ потѣ-

шался тѣмъ, что кидаль ихъ подъ ноги людямъ, чтобы навлекать на добрыхъ христіанъ подозрѣніе въ колдовствѣ“.

Кровожадность благочестивыхъ трибуналовъ доходила до виртуозности. Каждый процессъ начинался съ предзаданной цѣлью довести жертву доноса до *испепеленія* (Einäscherung), какъ это технически называлось. Самыя муки жертвъ, безотносительно къ дѣлу, были какъ будто какимъ богоугоднымъ актомъ.

Взятая по доносу конечно подвергалась прежде всего простому допросу. Нужно было извлечь какое нибудь показаніе, какъ исходный пунктъ для дальнѣйшей процедуры. Первымъ вопросомъ было обыкновенно, вѣрить ли подозреваемая въ вѣдьмъ. Тутъ и *нѣтъ* и *да* были одинаково опасны. Въ первомъ случаѣ она была еретичка, значить повинна смерти; во второмъ—это было *indicium*, къ которому слѣдовало потребовать поясненій. Подозрѣваемую сажали въ тюрьму, гдѣ она подвергалась всякимъ притѣсненіямъ, лишеніямъ и жестокостямъ. Тюремщики, слѣдователи, палачи могли дѣлать тамъ, что хотѣли. Самая тюрьма могла служить достаточнымъ пристрастіемъ, чтобы заставить обвиненную сказать все, что хотятъ судьи, и даже больше, лишь бы покончить чѣмъ нибудь скорѣе. И въ наше время недавно всѣ газеты наполнялись извѣстіями о невинной женщинѣ (Розалии Дуазъ), принявшей на себя вину отцеубійства, чтобы не уморить у себя подъ сердцемъ ребенка во французской тюрьмѣ XIX столѣтія? Что же было въ XVI-мъ, въ XVII-мъ вѣкѣ? Если обвиняемая ничего не признала, ее подвергали особому испытанію, дѣйствительно ли она вѣдьма (Hexenprobe), по образцу „Божьихъ судовъ“. Читатель уже знаетъ, что это были за испытанія огнемъ, водой и проч. Доказать такимъ образомъ свою невинность было очень трудно,—и обвиняемую снова запирали въ тюрьму. Чтобы получить отъ нея *добровольное* признаніе, мучили ее голодомъ, жаждой, не давали ей спать. Кто это выдерживалъ, подвергался *пробѣ иглою* (Nadelprobe). Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что несчастную раздѣвали до гола, состригали ей волосы и вездѣ искали такъ называемаго *вѣдьмина знака* (Hexenmal). Это былъ слѣдъ связи съ дьяволомъ. По общему вѣрованью, дьяволъ отыскивалъ и увле-

каль женщинъ обыкновенно въ образѣ очень приличнаго молодого человѣка, или такого дворянчика, какимъ является Мефистофель въ *Фаустѣ*, или охотника, или рейтара. Утоливъ свои желанія въ объятіяхъ избранной имъ будущей вѣдьмы, онъ прикладывалъ къ тѣлу ея свой штемпель. Определенной формы у этой печати ада не было. Для слѣдователей довольно было найти пятно отъ разстройства печени, родинку, бородавку. Въ это мѣсто втыкали иглу, и если кровь не шла—ясно, что это именно *Stigma diabolisum*. Если же кровь шла—это уловка дьявола. Онъ, значитъ, хочетъ спасти свою любовницу. Совсѣмъ нѣтъ никакого знака—опять его же штуки: онъ стерь. Если и при этомъ сознанія не послѣдовало, начиналась пытка. Передъ обвиняемой раскладывали орудія пытки и говорили: „Мы тебя до того допытаемъ, что сквозь тебя солнышко будетъ видно“. И угроза бывала не напрасна.

Не будемъ останавливаться на гнусныхъ подробностяхъ всѣхъ этихъ „високъ“, „испанскихъ сапогъ“, завинчиванья пальцевъ, обжиганья горячей смолой и проч. Какихъ дикихъ признаній нельзя было вымучить въ эти четверть часа, какъ должно было продолжаться истязаніе. Но такъ должно оно было продолжаться по закону; а гдѣ же въ такихъ дѣлахъ наблюдать законъ?

Вотъ, на примѣръ, что говорятъ подлинныя протоколы:

Вопросъ. Долго ли ты этимъ занималась? (то есть: связью съ дьяволомъ).

Отвѣтъ. Тринадцати лѣтъ отъ роду служила я у одной женщины въ Шрейбергѣ. Она мнѣ сказала, чтобы я пошла на чердакъ и собрала тамъ яйца. Тутъ явился ко мнѣ на чердакъ молодой парень въ зеленомъ кафтанѣ и сказалъ, что если я хочу побыть съ нимъ, онъ дастъ мнѣ вдоволь яицъ. Я сказала ему: хорошо.

Вопросъ. Давалъ ли тебѣ твой дьявольскій любовникъ денегъ?

Отвѣтъ. Онъ далъ мнѣ одну монету; но она черезъ три дня превратилась въ черепокъ.

Вопросъ. Гдѣ сдѣлалъ съ тобой свадьбу твой дьявольскій любовникъ?

Отвѣтъ. У колодца полилъ онъ меня водой и окрестилъ, а звали его *Грюнтль* (зеленая шляпа).

Вопросъ. Въ какомъ видѣ онъ тебѣ являлся?

Отвѣтъ. Егеремъ въ зеленомъ кафтанѣ и съ вострой бородой“.

Далѣе подсудимая входитъ въ такія подробности, которыхъ нынче не приводятъ въ печати безъ особенной надобности. Вообще во всѣхъ показаніяхъ вѣдьмъ ласки дьявола описываются какъ „холодныя“, „непріятныя“, „противныя“.

Въ этой дичи, рассказываемой въ изступленіи, совмѣщалось все, что только приходило пытаемой на память изъ сказочныхъ народныхъ представленій о вѣдьмахъ. Подсудимыя рассказывали во всей подробности о собраніяхъ на Блоксбергѣ, куда (какъ у насъ на кievскую Лысую Гору) слетались вѣдьмы на метлахъ, вилахъ и кочергахъ—служить свою „черную обѣдню“ сатанѣ во образѣ козла и цѣловаться съ нимъ. Подробности были всегда однѣ и тѣже, какъ однѣ и тѣже источники—народныя сказки. До чего только не дознавались такимъ путемъ усердные теологи-юристы? Случалось, вѣдьмы показывали на пыткѣ, что онѣ извели колдовскими средствами людей, которые были живехоньки тутъ, на глазахъ судей. Священная юстиція, удовлетворивъ такимъ образомъ требованіямъ истины, отсылала преступницъ на костеръ. Кровожадность пытокъ не останавливалась и передъ беременными женщинами.

Многія изъ обвиняемыхъ съ отчаянія сами накладывали на себя руки, прежде чѣмъ кончалось слѣдствіе и судъ. Но были и такія, что выдерживали всѣ истязанія героически, защищая свою невинность. Если имъ удавалось выйти изъ судейскихъ когтей, онѣ оставались большею частію калѣками на всю жизнь. Но такіе случаи были очень рѣдки. Судьи брали свое такъ или иначе. Одна молоденькая дѣвушка изъ Нердлингена, въ самыхъ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія, вынесла двадцать двѣ пытки, одна жесточе другой, и ни въ чемъ не созналась. Звѣрскіе юристы не удовольствовались этимъ. Они назначили двадцать третью пытку и истерзали несчастную до смерти.

При назначеніи казни принималась въ соображеніе большая или меньшая *готовность* къ показаніямъ. Клеветавшихъ на себя и раскаивавшихся въ мнимыхъ преступле-

ніяхъ жгли удувленныхъ или обезглавленныхъ. Упорно за-
пиравшихся сожигали живьемъ. Понятно, что передъ смертью
никто не отказывался отъ данныхъ показаній: хоть умереть
не такъ мучительно.

Дѣло Шпренгера и его единомышленниковъ, можетъ быть, и
не приняло бы такихъ широкихъ размѣровъ, если бы у него,
кромѣ религіозной, не было и другой стороны, болѣе близкой къ
ежедневнымъ интересамъ. Одинъ изъ первыхъ противниковъ
истребленія вѣдьмъ, Корнелій Лоосъ, говорилъ, что всѣ эти
процедуры—„новоизобрѣтенная алхимія, какъ дѣлать золото
изъ человѣческой крови“. Дѣло въ томъ; что имущество
„испеленныхъ“ доставалось гражданскимъ и духовнымъ
властямъ. Двѣ трети поступали къ мѣстному владѣльцу, въ
области котораго происходилъ судъ; остальная треть доста-
валась судьямъ, духовнымъ лицамъ, доносчикамъ и пала-
чамъ. Это было большимъ поощреніемъ дѣлу,—и повсюду
явились въ огромномъ числѣ суды, специально устроенные
съ цѣлью истреблять вѣдьмъ (Malefizgerichte). Во время
тридцатилѣтней войны, этой поры всеобщаго обнищанія,
„розыскъ вѣдьмъ“ оказывался очень удобнымъ средствомъ
для полученія денегъ. Имъ пользовались и разорившіеся
сельскіе дворяне-помѣщики, и стѣсненные въ финансахъ
епископы, аббаты, городскіе совѣты. Преслѣдованіе вѣдьмъ
производилось съ одинакимъ рвеніемъ и въ протестантскихъ,
и въ католическихъ странахъ. И нигдѣ къ этому дѣлу не
было примѣнено такой систематичности, какъ у нѣмцевъ.

Количество „испеленій“ было страшно. Въ шесть лѣтъ
съ 1484 по 1489 годъ сожжено было *восемьдесятъ девять*
вѣдьмъ. Въ жалкомъ городкѣ имперіи Нёрдлингенѣ въ че-
тыре года (1590—1594) было *тридцать два* сожженія.
Начиная приблизительно съ 1580 года въ Германіи произ-
водились сожженія en grand, и не прекращались цѣлое
столѣтіе. Подозрѣніе и обвиненіе одной, при системѣ ро-
зысковъ, вело за собою обыкновенно подозрѣнія, обвиненія
и пытки другихъ, и число приговоренныхъ къ казни воз-
растало иногда до огромной цифры. Вюрцбургскій епископъ
Филиппъ Адольфъ Эренбергъ въ два года (1627—1629)
сжегъ *девятьсотъ* вѣдьмъ. Изъ нихъ *двѣсти девятнадцать*
приходилось на одинъ Вюрцбургъ. Въ 1678 году архіепис-

скопъ сальцбургскій сразу сжегъ *девяносто семь* вѣдьмъ. Въ
графствѣ Нейссе въ десять лѣтъ съ 1640 по 1651 годъ
сожжено было ихъ около *тысячи*. Въ городѣ Брауншвейгѣ
съ 1590 до 1600 годъ казни вѣдьмъ были такъ часты, что
обоженные столбы костровъ стояли за городскими воро-
тами „какъ лѣсъ“. Не было города, мѣстечка, аббатства,
помѣщичьяго имѣнія, не было угла ни большого, ни ма-
лаго, гдѣ не пылали бы въ Германіи костры. Одинъ гол-
штинскій помѣщикъ, нѣкій фонъ-Ранцовъ, сожегъ въ своемъ
имѣніи въ одинъ день *восемнадцать* вѣдьмъ. По самому умѣ-
ренному разсчету „розыскъ вѣдьмъ“ истребилъ въ Германіи
болѣе *ста тысячъ* женщинъ.

Оппозиція этому варварству со стороны умныхъ людей
того времени не имѣла большого вліянія. А между тѣмъ
еще авторы *Молота на вѣдьмъ* предчувствовали, кажется,
оппозицію и понимали взглядъ честныхъ людей на свое
дѣло. *Молотъ* прямо говоритъ, что „нѣкоторые дерзаютъ
утверждать, будто колдовство существуетъ только въ заблуж-
дающемъ воображеніи, и что люди приписываютъ чарамъ
естественныя явленія, причины коихъ имъ неизвѣстны“.—
Довольно рѣшительно заговорили противъ „розыска вѣдьмъ“
врачъ Вейеръ и упомянутый выше священникъ Лоосъ во
второй половинѣ XVI-го столѣтія. Но голосъ ихъ былъ не-
достаточно силенъ, чтобы перекричать невѣжество. Такъ же
мало дѣйствія оказало и изданное въ 1593 году сочиненіе
Лерхеймера: *Христіанское сомнѣніе въ колдовствѣ*. Авторъ
особенно выставялъ нелѣпность любовныхъ связей дьявола
съ женщинами.—Однимъ изъ ратоборцевъ здраваго смысла
явился и одинъ изъ членовъ іезуитскаго ордена, графъ
Шпе. Это былъ человѣкъ замѣчательной доброты и чело-
вѣколюбія. Онъ и умеръ заразившись проказой отъ боль-
ныхъ, за которыми ухаживалъ. Книга его противъ „ро-
зыска вѣдьмъ“ (Cautio Criminalis) вышла въ 1631 году.
Графу Шпе были слишкомъ близко извѣстны всѣ мерзости
судовъ надъ вѣдьмами. Не одну изъ ихъ жертвъ пригото-
влялъ онъ, въ качествѣ духовника, къ смерти; не одну дол-
женъ былъ сопровождать на костеръ. По свидѣтельству
Лейбница, волосы добраго іезуита еще въ молодости по-
сѣдѣли отъ слышанныхъ и видѣнныхъ имъ ужасовъ. Не-

годованіе его вылилось все въ его книгѣ. Онъ въ ней доказывалъ, что изъ этихъ инквизиціонныхъ судовъ никто не можетъ выйти невиннымъ, и съ вѣрнымъ психологическимъ тактомъ разбиралъ весь ходъ процессовъ по колдовству. — И этой попыткѣ честнаго человѣка не суждено было образумить людей. Вскорѣ послѣ книги Шпе, какъ бы въ опроверженіе ея, появилось сочиненіе Бенедикта Карпцова: *Юловная практика*.

Карпцовъ былъ знаменитый юристъ своего времени, авторитетъ въ судебныхъ дѣлахъ, на практикѣ и въ теоріи, — и защищалъ со всею своею ученостью процедуру „розыска вѣдьмъ“.

Больше вліянія на общество оказала книга нидерландца Балтазара Беккера, подъ заглавіемъ: *Околдованный міръ*, изданная въ 1691 году. Она нашла широкій кругъ читателей и была переведена на другіе языки. Вѣра въ вѣдьмъ мало по малу начинала ослабѣвать и яростныя сожженія становились нѣсколько рѣже. Еще болѣе сильный ударъ „розыску вѣдьмъ“ былъ нанесенъ Христіаномъ Томазіусомъ, нѣмецкимъ пѣтистомъ и юристомъ конца XVII-го и начала XVIII-го столѣтій. Но бороться съ невѣжествомъ и жаднымъ своекорыстіемъ было не легко. Томазіусъ доказывалъ нелѣпость судовъ надъ вѣдьмами не съ философской и богословской точки зрѣнія, какъ Беккеръ, а съ юридической; но и это не спасло его отъ клеветъ и преслѣдованій.

Дѣятельность судовъ надъ вѣдьмами впрочемъ только съузилась, но не прекращалась совершенно и въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, вѣка Вольтера и революціи. Въ 1749 году, въ Вюрцбургѣ, большинству вѣроятнo вовсе не казалось анахронизмомъ „испепеленіе“ семидесятилѣтней монахини, Маріи Ренаты Зенгеръ-фонъ-Моганъ, обвиненной въ колдовствѣ. Она отдана была въ монастырь поневолѣ, девятнадцати лѣтъ отъ роду. Весь вѣкъ знали ее за очень скромную женщину; она пользовалась общимъ уваженіемъ, стала помощницей игуменьи въ своемъ монастырѣ, — и вдругъ очутилась въ рукахъ благочестивой юстиціи. Дѣло началось съ того, что одна изъ монахинь, передъ смертью, сказала, — или будто бы сказала, — что Марія Рената — вѣдьма. Вѣроятнo тутъ крылась какая нибудь интрига. Ста-

руху подвергли допросамъ и пыткамъ, — и конечно добились отъ нея признанія, что она еще на седьмомъ году отъ роду предалась дьяволу, была вѣдьмою en forme и вгоняла чертей въ утробы своихъ монастырскихъ сестеръ. Слѣдственная коммиссія состояла изъ двухъ духовныхъ совѣтниковъ епископа и изъ двухъ іезуитовъ. Она не могла къ несчастію добыть отъ подсудимой важнѣйшей улики, именно договора ея съ дьяволомъ. У костра Маріи Ренаты іезуитскій патерь сказалъ поучительное слово. Онъ называлъ всѣхъ, кто не вѣритъ въ вѣдьмъ, *атеистами*.

Прекращенію такихъ сожиганій въ католическихъ странахъ Германіи болѣе всего способствовала Марія Терезія. Она энергически ограничила усердіе Malefizgerichte. Но суевѣріе и невѣжество были еще такъ сильны, что въ 1769 году, въ Баваріи, была разослана къ слѣдователямъ и судьямъ въ дѣлахъ о вѣдьмахъ инструкція, которая вся проникнута духомъ шпренгероваго *Молота*.

Послѣдній извѣстный намъ приговоръ надъ вѣдьмою въ Германіи былъ произнесенъ судьями изъ протестантовъ. Это случилось въ Гларусѣ, въ 1782 году. Анна Гельдъ была казнена мечемъ и похоронена подъ висѣлицей за то, что испортила дитя, при которомъ была въ нянькахъ. Порча заключалась въ томъ, что Анна, посредствомъ колдовства, ввела ему въ желудокъ иголокъ, булавокъ и камней.

XIV.

Начало XVIII-го вѣка застало Германію далекою и чуждою тому новому умственному движенію, которое вызывало новую литературу въ Англии и Франціи. Нѣмцы отстали въ этомъ отношеніи. Отчужденіе государей и дворянства отъ народа дошло до крайнихъ предѣловъ. Народъ сталъ ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ для безпутнѣйшаго мотовства высшихъ классовъ. Каждый лиллипутскій деспотъ тянулся изображать собой Людовика XIV, готовъ былъ также повторять, что государство — это онъ; маленькій нѣмецкій султанъ заводилъ „государственныхъ метрессъ“, устраивалъ оргіи на подобіе герцога Орлеанскаго и свой рагс аух

cerfs, какъ Людовикъ XV. „Невозможно пересчитать, сколько это стоило Германіи. Каждый князекъ, подражая французскому королю, имѣлъ свой Версаль, свой Вильгельмсгеа или свой Лудвигслустъ, свой дворъ, свое великолѣпіе, свои сады со статуями, свои фонтаны, своихъ одалискъ, свои брилліанты, свои титулы для этихъ красавиць, свои празднества, свои банкеты, продолжавшіеся по цѣлымъ недѣлямъ. И за все это народъ платилъ своими деньгами, когда онѣ бывали у него, несчастнаго и бѣднаго; платилъ своимъ тѣломъ и своею кровью, когда денегъ не было. Тысячами продавали своихъ подданныхъ эти господа и повелители, весело ставили они цѣлые полки на карту и вымѣнивали на батальоны солдатъ брилліантовыя ожерелья своимъ танцовщицамъ. По просту говоря, они забирали къ себѣ въ карманъ весь свой народъ“ *). Холопство, глядя на все это, сочиняло умиленные оды и именовало этихъ „отцовъ отечества“ новыми Траянами, Августами, Марками-Аврелиями. Не принимать участія въ этомъ рабскомъ хорѣ было опасно. Неосторожное слово о любовницѣ принца вмѣнялось въ государственное преступленіе! Поэтъ и патриотъ Шубартъ годы просидѣлъ въ крѣпости за такое слово. Фаворитка виртембергскаго Эбергарда Лудвига, знаменитая Гревениць, въ крѣпость же упрятала пастора Цорна, который не даль ей причастія.

„Великолѣпнѣйшимъ и галантнѣйшимъ“ дворомъ въ Германіи былъ саксонскій дворъ Августа Сильнаго. Хозяйничанье кровью и потомъ народа ради необузданныхъ неистовствъ и пировъ доходило тутъ почти до невозможнаго. Жизнь при дворѣ Августа была хмѣлемъ безъ просыпа, кутежомъ безъ отдыха, развратомъ безъ предѣловъ. Когда Августъ узналъ, что регентъ Франціи умеръ отъ удара въ объятіяхъ продажной нимфы, онъ воскликнулъ: „о, если бы и мнѣ умереть смертью этого праведника!“ Банкеты этого втораго праведника разрѣшались обыкновенно въ самое безобразное пьянство. О тонѣ ихъ можно судить хоть на примѣръ по тому, что фельдмаршалъ Флеммингъ обращался къ королевской фавориткѣ съ ласковыми названіями Nürchen

*) Thackeray, «The Four Georges».

и Lodechen, на что фаворитка, графиня Дѣнгофъ, точно такъ же какъ и на тисканье ея въ объятіяхъ, отвѣчала однимъ веселымъ смѣхомъ. Придворныя увеселенія всѣ отличались однимъ характеромъ. Когда въ Дрезденъ пріѣхалъ король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I-й, Августъ представилъ гостю зрѣлище въ очень артистическомъ родѣ. Онъ велѣлъ раздѣться до нага хорошенькой итальянскою танцовщицѣ Формерѣ и показывать обществу эту живую Венеру. Пруссскій король былъ не охотникъ до такихъ пріаностей. Онъ заслонилъ Формеру отъ глазъ своего кронпринца шляпой, и только сухо сказалъ: „Да, хороша“..

Дворъ Фридриха Вильгельма представлялъ своею мѣщанскою грубостью рѣзкій контрастъ аристократической утонченности Августова двора. Это былъ въ тоже время единственный дворъ въ Германіи, гдѣ не играли роли метрессы. Впрочемъ и Фридриху Вильгельму приходили въ голову эротическія мысли, какъ говорить въ своихъ *Запискахъ* дочь его и сестра Фридриха Великаго, маркграфиня Байрейтская. Вотъ ея рассказъ о дѣвицѣ Панкевиць, фрейлинѣ королевы: „Король очень откровенно спросилъ у Панкевиць, хочетъ ли она быть его любовницей. Красавица отказалась самымъ рѣзкимъ образомъ. Смѣлость ея понравилась королю, и какъ ни плохо вознаграждались его старанія, онъ ухаживалъ за нею цѣлый годъ. Наконецъ въ Брауншвейгѣ онъ охладѣлъ къ ней (il se désamouacha). Панкевиць пріѣхала туда съ королевой. Однажды, когда она шла къ ней, король встрѣтилъ ее на очень узкой потаенной лѣстницѣ. Онъ вздумалъ было обнять ее... Но Панкевиць не понимала шутокъ, и отпарировала очень грубо... Король впрочемъ на это не разсердился“. Другой рассказъ маркграфини о домѣ ея родителя тоже не лишень интереса. Другой фрейлинѣ хотѣлось, напротивъ, во что бы то ни стало, попасть въ метрессы къ королю. Это была нѣкая Вагниць. Она, вмѣстѣ съ матерью своей, очень опытной въ такихъ дѣлахъ, вела всевозможныя интриги, чтобы попасть къ нему въ эту роль. Но король и знать ее не хотѣлъ. Дѣло кончилось даже тѣмъ, что ее за интриги удалили отъ двора. Королева была въ то время беременна и, прощаясь съ Вагниць, сказала, что если у нея, королевы, родится сынъ, то она будетъ просить

мужа помиловать фрейлину. „Вагниць пришла тутъ въ такую страшную ярость, что вся почернѣла“. На прощанье королевы она отвѣтила словами: „а чортъ бы побралъ вашего сына! чтобы васъ обоихъ разорвало!“

Принцы изъ „лучшихъ“ фамилій стремились наперерывъ жениться на наложницахъ, отставляемыхъ отъ должности. Августъ Сильный выдалъ своихъ любовницъ за принца Карла Гольштейнъ-Бекскаго (Оржельскую) и за Фридриха Лудвига Виртембергскаго.

Во все продолженіе XVIII-го столѣтія рѣдко гдѣ найдешь при нѣмецкихъ дворахъ что нибудь лучшее. Въ этотъ вѣкъ метрессы жены и дочери нѣмецкихъ государей не играли замѣтной роли. Похвалы, какими осыпаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ иные современники, основываются большею частію на воздухѣ.

Вторая жена перваго прусскаго короля, Софія Шарлотта, въ самомъ началѣ XVIII-го столѣтія, прославилась своею ученостью и покровительствомъ наукъ. За ней осталось даже названіе „философской королевы“. Всѣ права ея на такой титулъ заключаются въ томъ, что обычнымъ гостемъ ея былъ Лейбницъ и чрезъ нее добился у короля основанія въ Берлинѣ академіи наукъ. Образованіе Софіи Шарлотты было лишь нѣсколько выше обыкновеннаго уровня знаній тогдашнихъ принцессъ. Она знала хорошо по французски, по англійски и по итальянски. Правда, Лейбницъ говорилъ ей: „удовлетворить васъ невозможно. Вы хотите знать *почему* всѣхъ *почему* (das Warum des Warum)“. Но принимать за чистую монету такія фразы, произносимыя при дворѣ, было бы странно. Точно также нельзя придавать никакого вѣса и отзыву сына Софіи Шарлотты, Фридриха Вильгельма, что мать его была „умная женщина, но плохая христіанка“. Самыя простыя вещи могли представляться ему вольнодумствомъ.

Одна женщина въ Германіи XVIII-го вѣка имѣла несомнѣнно великое значеніе въ политическихъ дѣлахъ Европы. Это Марія Терезія. Но въ ея дѣятельности мало характеристическаго для исторіи положенія нѣмецкихъ женщинъ.

Знаменитыя веймарскія герцогини, поощрявшія литературу, едва ли также стоятъ своей знаменитости. Несомнѣнно

то, что Гете и Шиллеръ обязаны Веймару тѣмъ, что ихъ воззрѣнія на міръ суживались по мѣрѣ сближенія съ міромъ веймарскимъ. Въ Шиллерѣ еще многое изъ свѣжихъ силъ уцѣлѣло; Гете же превратился напоследокъ въ самодовольнаго рутинера, годнаго лишь на сочиненіе плохихъ стиховъ къ придворнымъ маскаратамъ. Похвалы Луизѣ, женѣ герцога Карла Августа, и матери его, Амаліи, слишкомъ голословны. Такими же кажутся намъ и отзывы Гете и Виланда о Каролинѣ Гессенъ-Дармштатской, матери веймарской Луизы.

XV.

Великія идеи, начинавшія съ половины XVIII столѣтія все болѣе проникать въ европейское общество, коснулись въ Германіи лишь немногихъ избранныхъ. Если онѣ имѣли тамъ дѣйствительное вліяніе, то уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Тогда же подражательность нѣмцевъ продолжала усвоивать отъ Франціи только внѣшность ея цивилизаціи. Рокко одежды и обычаевъ принималось всѣми какъ законъ. Башмаки на верхковыхъ каблукахъ, прически изъ проволоки и конскаго волоса, пудра, перья и ленты, перетянутыя талии, фижмы, корсеты, мушки, проволочныя юбки, родоначальницы кринолинъ, длинные хвосты, платочки на каркасѣ, которые именовались *мунами* (menteurs), потому что придавали небывалую полноту груди,—все это, немедленно по изобрѣтеніи, перенималось и въ Германіи.

Какъ женщины не уставали слѣдить за модой, такъ моралисты, разумѣется, не уставали возставать противъ нея. Но эти два дѣла шли рядомъ, не мѣшая другъ другу. Моралисты пригодились развѣ только теперь, какъ историческіе свидѣтели. Мода касалась не одного платья. Съ моднымъ платьемъ принимались и модныя манеры, и модныя нравы и обычаи. Все это еще больше опошлялось въ Германіи. Мы приведемъ лишь нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ изъ разныхъ годовъ XVIII столѣтія.

Одинъ достовѣрный свидѣтель рассказываетъ, въ 1740 году, что въ вѣнѣ „многія дамы прямо съ постели, безъ шнуровки, набросивъ на себя лишь *volante*, бѣгутъ въ цер-

ковъ и къ причастію. Священники по этому случаю высказываютъ свое негодованіе съ кафедры въ очень странной формѣ. Лэди Монтегю, бывшая въ Вѣнѣ въ 1716 году, съ изумленіемъ замѣчаетъ, что вѣнскія дамы, своими любовными похождениями, не теряютъ репутаціи, а напротивъ выигрываютъ въ мнѣніи свѣта. Онѣ уважаются по положенію своихъ любовниковъ, а не по положенію мужей. Другой наблюдатель говоритъ почти тоже и прямо называетъ всѣхъ женщинъ въ Вѣнѣ кокетками. „Никто, добавляетъ онъ, не порицаетъ смѣшенія обоихъ половъ, пока не обнаружатся плоды слишкомъ близкой интимности“. Настоящая семейная жизнь, по согласному отзыву многихъ, была „рѣдкимъ феноменомъ“.

Нѣмцы приписывали и приписываютъ всѣ эти вольности французскому вліянію. Такъ смотрѣлъ на дѣло и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I. Онъ противодѣйствовалъ французоманіи всѣми средствами. Но это ему плохо удавалось. Никто не хотѣлъ подражать нравамъ его „табачной коллегіи“, а всѣ напротивъ плѣнялись блестящими французскими формами. Да и какъ было согласить заботы о чистотѣ нравовъ съ страстью къ солдатчинѣ? „По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число прусскихъ солдатъ, женитьба которыхъ была сопряжена съ большими затрудненіями,—въ Берлинѣ съ каждымъ годомъ возрастало и число жалкихъ женщинъ. Король отъ времени до времени дѣлалъ на нихъ набѣги и населялъ ими смиренныя дома. Но не много пользы было отъ такихъ мѣръ *) Фридрихъ Великій, какъ извѣстно, былъ самъ французомъ. Но точно ли Франція была виновата, что англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ, лордъ Мамсбери, могъ въ 1772 году говорить о Берлинѣ, какъ о городѣ, гдѣ нѣтъ ни одной чистой женщины. „Полная испорченность господствуетъ здѣсь въ обоихъ полахъ всѣхъ классовъ“ пишетъ Мамсбери. „Къ этому присоединяется скудость, необходимое слѣдствіе отяготительныхъ налоговъ, назначенныхъ нынѣшнимъ королемъ, а частью и любовь къ роскоши, которой онъ научился у дѣда. Мужчины постоянно озабочены,

*) Шлоссеръ, Исторія XVIII-го столѣтія.

потому что ведутъ роскошную жизнь при ограниченныхъ средствахъ. Женщины—гарпіи, погрязшія такъ низко больше отъ недостатка стыда, чѣмъ отъ недостатка чего либо другаго. Нѣжное чувство и истинная любовь для нихъ предметы неизвѣстные“.—Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нѣмцевъ того времени, Георгъ Форстеръ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Мамсбери, говоритъ почти тоже. „Я очень ошибался въ своихъ понятіяхъ о Берлинѣ, съ какими пріѣхалъ сюда. Я нашелъ внѣшность гораздо красивѣе, внутреннее же гораздо чернѣе, чѣмъ воображалъ. Берлинъ конечно одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Европы. Но жители! Гостепріимство и изящное наслажденіе жизнью выродились въ роскошь, кутежъ и обжорство, а свободный, просвѣщенный образъ мыслей—въ наглую необузданность. Женщины вообще испорчены“.—Что было въ Берлинѣ въ царствованіе преемника короля-философа, его племянника, читатель видѣлъ изъ перваго отрывка.

До развитія новой, болѣе идеальной и художественной литературы въ концѣ вѣка, тонъ въ обществѣ отличался еще или грубостью XVI-го столѣтія, или лакированнымъ цинизмомъ XVII-го. Вѣнскія дамы хлопали изъ ложъ перваго яруса самымъ грязнымъ фарсамъ. Все женское образованіе заключалось въ болтовнѣ по французски, въ знакомствѣ съ двумя—тремя французскими романами (въ родѣ *Фоблаза* или *Клевеланда*), въ бречанѣхъ на шпинетѣ, старинныхъ клавикордахъ, да въ умѣннѣхъ спѣтъ какую нибудь итальянскую арію.—Въ романѣ Николаи, *Себалдусъ Нотанкеръ* (1773), гувернантка теряетъ свое мѣсто въ дворянскомъ домѣ потому, что не умѣетъ внушить своимъ воспитанницамъ „дворянскихъ манеръ“ (состоявшихъ между прочимъ въ самомъ презрительномъ обращеніи съ прислугой) и не просвѣтила ихъ по *Mercure de France*, „какъ слѣдуетъ вести une affaire de coeur“.

Въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества грубость поддерживалась въ особенности близостью съ солдатами, изъ которыхъ систематически создавали стадо скотовъ. Студенты хвастались буйствомъ и кутежами. Пьянство было въ большомъ ходу. Ему предавались не рѣдко и женщины. На улицахъ происходили безпрестанные скандалы. Марія Терезія

вздумала исправлять нравы полицейскими мѣрами. Но ея Keuschheits-Commissarien произвели больше зла, чѣмъ пользы.

Только въ городахъ, гдѣ не было резиденцій, въ высшемъ классѣ горожанъ замѣтно было нѣкоторое стремленіе къ осуществленію въ семьѣ идеаловъ фонъ-Эйба и Лютера. Тутъ господствовалъ суровый семейный чинъ, въ родѣ того, какой изображаютъ комедіи Островскаго, съ педантической обрядностью взамѣнъ свѣтской моды. „Сыновнее повиновеніе было строгимъ закономъ, и палка или ременная плеть не рѣдко помогали отеческой власти. Даже братья имѣли почти родительскую власть надъ сестрами. Дѣйствительно, положеніе женщинъ было вовсе не таково, чтобы его могли сносить съ терпѣніемъ наши женщины. Онѣ не только находились подъ игомъ родителей, мужей и братьевъ; и общество ограничивало ихъ дѣйствія своими предразсудками гораздо больше, чѣмъ въ наше время. Ни одна женщина изъ лучшаго класса горожанъ не могла, на примѣръ, выходить изъ дому одна; служанка слѣдовала за нею въ церковь, въ лавку, даже на прогулку“ *). Точно также не существовало и той простоты и свободы въ обращеніи и разговорѣ, какая теперь обща всѣмъ. Образование ограничивалось грамотностью. При этомъ выборъ для чтенія былъ очень строгъ. Читать романы—просто считалось грѣхомъ. Въ протестантскихъ домахъ маленькихъ дѣвочекъ держали на одномъ катихизисѣ.

Конечно, при этомъ педантскомъ и грубомъ взглядѣ на семью, трудно было развиться нравственнымъ отношеніямъ. Но все-таки тутъ были хоть какія нибудь нравственныя начала, которыхъ вовсе не знало дворянство. Ифландъ и другіе тогдашніе писатели для сцены старались выставить мѣщанскія добродѣтели въ самомъ идеальномъ свѣтѣ, и пьесы ихъ имѣли огромный успѣхъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Наконецъ Шиллеръ выступилъ противъ аристократіи со своею *мѣщанскою* трагедіей *Коварство и Любовь*.

*) S. H. Lewes, Life of Goethe.

XVI.

Догматическая сухость лютеранства и неподвижныя формы, въ которыхъ онъ застылъ, заставили религіозныхъ людей, еще въ концѣ XVII-го вѣка, обратиться къ тѣмъ самымъ источникамъ, откуда Лютеръ черпалъ свое ученіе, и искать въ нихъ большаго удовлетворенія своему чувству и фантазіи. Такимъ образомъ возникло новое ученіе, извѣстное подъ именемъ піэтизма. Какъ оппозиція мертвенности лютеранства, и какъ нравственная доктрина, желавшая согласить съ собою жизнь, піэтизмъ имѣлъ нѣкоторый смыслъ. Но скоро смыслъ этотъ совсѣмъ затерялся, и отъ сущности осталась одна внѣшняя форма.

Въ началѣ эта новая церковь привлекала мало прозелитовъ. Она ужъ слишкомъ аскетически строго относилась не только къ общественной нравственности, но и къ самымъ невиннымъ забавамъ, къ музыкѣ, къ танцамъ, къ театру, считая все это грѣховными потѣхами. Надо замѣтить однакожъ, что театръ не отличался тогда особенною пристойностью, и именно послѣ того, какъ на сценѣ стали являться женщины. Какъ извѣстно, во всѣ средніе вѣка, женскія роли въ „мистеріяхъ“ и потому подобныхъ драматическихъ представленіяхъ занимали мужчины. Только въ послѣдней трети XVII-го вѣка образовался въ Германіи особый классъ сценическихъ пѣвицъ и актрисъ. Непристойныя аріи, которыми были полны тогдашнія комическія оперы, пѣлись ими въ безстыдныхъ костюмахъ и съ безстыдною мимикой. Преслѣдуя театръ за безстыдство, первые піэтисты конечно не подозрѣвали, что самое ихъ ученіе разовьется въ безстыднѣйшія лицедейства.

Мало по малу кругъ приверженцевъ піэтизма сталъ расширяться. Первыя бросились въ него женщины. Изъ нелѣпаго положенія своего въ семьѣ и въ обществѣ онѣ искали прибѣжища въ другой нелѣпости. Праздный умъ и праздное или обиженное сердце думали найти тутъ хоть какое нибудь утѣшеніе. Женщины изъ аристократическаго круга, которыхъ тяготила пустота свѣтской жизни, — дѣвушки, оставшіяся безъ мужей вслѣдствіе сословныхъ пред-

разсудковъ, вступали съ энтузіазмомъ въ станъ *пробужденныхъ*. Такъ назывались члены новой церкви. Онѣ дѣйствовали на своихъ мужей, сыновей, братьевъ, — и піэтистская община стала вскорѣ считать въ своей средѣ множество дворянскихъ фамилій, и графскихъ, и княжескихъ, во всѣхъ краяхъ Германіи.

Отъ мистическаго идеализма не далеко до маніи, — и точно, за „пробужденными“ скоро явились разныя сумасшествующія пророчицы, и т. п. Подъ наружнымъ благочестіемъ стала развиваться болѣзненная, противоестественная чувственность, превращавшая развратъ въ родъ культа. Въ 1702 году, въ Шварценау, въ графствѣ Витгенштейнъ, основалась цѣлая колонія піэтистовъ и піэтистокъ. Во главѣ ея стояла одна гессенская дворянка, Ева Магдалина Бутларъ, которую именовали „святою матерью Евой“. Тутъ по ночамъ разыгрывались, подъ видомъ религіозныхъ обрядовъ, самыя циническія сцены.

Къ необузданной чувственности не доставало только крови, этого втораго необходимаго атрибута религіозныхъ заблужденій. Но исторія піэтизма не обошлась и безъ нея. Возродившійся въ нашемъ столѣтіи піэтизмъ украсилъ себя и преступленіями.

Въ апрѣлѣ 1831 года казнили женщину, которая всю молодость свою провела въ піэтистскихъ кружкахъ. Она усвоила себѣ сентиментально-выспренній тонъ піэтизма, и на всѣ свои преступленія налагала какую-то мнимо божественную санкцію. Это была Гёше Маргарита Готфридъ, изъ Бремена. Она долго пользовалась славой доброй и хорошей женщины, — на столько долго, что могла отравить въ разное время *пятнадцать* человекъ. Между прочимъ она отравила отца своего, мать, двухъ мужей и дѣтей своихъ. Кромѣ того, *пятнадцать* же попытокъ ей не удалось. Такихъ хладнокровныхъ убійцъ немного; но едва ли много и такихъ лицемѣрокъ, какъ эта Готфридъ. Это была воплощенная ложь. Она умѣла даже наружность свою измѣнить съ такимъ искусствомъ, что казалась совсѣмъ иною, нежели была. Когда ее арестовали и, по тюремнымъ правиламъ, стали раздѣвать, на ней оказалось тринадцать корсетовъ, одинъ на другомъ, которые играли роль стройнаго стана. Когда

со щекъ ея и шеи смыли все, что было на нихъ намазано и наклеено, передъ тюремными прислужницами, раздѣвавшими ее, вмѣсто полной, красивой и здоровой женщины, очутилась блѣдная, изсохшая, безобразная мумія. Кромѣ отравленій, Готфридъ оказалась по суду виновною въ воровствѣ со взломомъ, въ подлогѣ, и проч. Было бы не справедливо сваливать всю вину подобнаго явленія на піэтизмъ. Нравственное безобразіе Готфридъ зависѣло конечно отъ органической уродливости. Но характеристично то, что женщина съ такими наклонностями кинулась именно въ піэтизмъ, и нашла удобнымъ пользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Если о ней можно бы и не упоминать, говоря о піэтизмѣ, то ужъ никакъ нельзя пропустить кроваваго спектакля *страстей* (Passionsspiel), который былъ разыгранъ, чисто подъ вліяніемъ піэтистической маніи, въ домѣ одного крестьянина въ Вильденшпухѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ, 15-го марта 1823 года. Здѣсь, подъ именемъ „Вильденшпухской святой“, уважалась во всемъ околдѣ нѣкая Маргарита Петеръ. Въ этой женщинѣ разгулъ чувственности соединялся съ мрачнымъ и дикимъ мистицизмомъ. Въ поминутый день Маргарита пригласила свою піэтистическую общину для „покоренія сатаны“. Для этого поклонники ея должны были между прочимъ умертвить ея сестру Елизавету, а потомъ и самую Маргариту. Это и было исполнено. Въ этой безумной трагедіи женщины принимали участіе наравнѣ съ мужчинами.

Кстати будетъ здѣсь упомянуть и о знаменитой баронессѣ Юліанѣ Крюднеръ, урожденной Фитингофъ, которая юродствовала въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ своемъ французскомъ романѣ *Валерія* она изложила свою религіозно-нравственную систему, которая въ сущности можетъ быть вся передана одною фразой: „Кути напропалую въ молодости, — кайся и ханжи въ старости“. Для характеристики понятій госпожи Крюднеръ довольно знать, что она отвергала всякое человѣческое знаніе, какъ ничтожное и суетное, и называла преступленіемъ стараніе проникнуть въ таинства природы. Она пророчествовала, творила чудеса и собирала вокругъ себя разныхъ невѣждъ и тунеядцевъ. Подъ видомъ бѣдныхъ

и несчастныхъ къ ней стекалась всякая сволочь. Съ этими сподвижниками своими она разъѣзжала по Европѣ. Полиція не разъ высылала ее и ея адептовъ; а разъ ихъ надо было разогнать даже солдатами. Послѣ этихъ неудачныхъ разъѣздовъ Крюднеръ отправилась въ Россію. На русскую границу она явилась тоже съ восемнадцатью спутниками, не то мошенниками, не то дураками. Ихъ не пропустили и позволили проѣхать только самой пророчицѣ. Въ Россіи баронесса Крюднеръ не успѣла ничего сдѣлать. Она умерла въ 1824 году.

XVII.

И литературная исторія, и исторія искусства упоминаютъ о нѣсколькихъ замѣчательныхъ женщинахъ въ Германіи въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Но ни одна изъ нихъ не имѣетъ того обще-историческаго значенія, какое всегда останется за нѣсколькими женщинами Франціи, Англій и Америки въ этотъ самый періодъ. Нечего искать между нѣмками именъ, которыя могли бы стоять не только на ряду, но хоть въ почтительномъ отдаленіи, съ именами Сталь, Жоржъ-Санда, Елизаветы Браунингъ, Бичеръ Стоу, Розы Бонѣръ. Все тоже „древнегерманское уваженіе къ женщинамъ“ оттѣсняло ихъ на задній планъ и дома, и въ обществѣ.

Одной изъ самыхъ извѣстныхъ именъ въ исторіи нѣмецкаго искусства—это Ангелика Кауфманъ. Безъ картинъ—преимущественно портретовъ—этой живописицы не обходится ни одна галерея. Но это надо приписать больше всего ея плодовитости. Она примыкала къ новѣйшей школѣ въ живописи, переходной отъ стиля рококо къ большей естественности и простотѣ; но вообще достоинства произведеній Ангелики Кауфманъ очень блѣдны.

Менѣе извѣстны ученые и писательницы Германіи конца XVIII столѣтія. Да о нихъ забыли и сами нѣмцы. А между ними одна была даже докторомъ философіи. Это дочь извѣстнаго Шлецера, Доротея. Геттингенскій философскій факультетъ вручилъ ей дипломъ въ 1787-мъ году. Другая ученая женщина, жена педанта Готшеда, этого нѣмецкаго

Сумарокова, была любезною хозяйкой перваго литературнаго салона въ Германіи. Салонъ у Готшеда! Тутъ невольно приходитъ въ голову мольеровскій споръ Трипотена и Вадюса. Вѣроятно такіе именно споры велись въ немъ.—Перечислить всѣхъ нѣмецкихъ женщинъ-поэтовъ невозможно; но едва ли одна изъ нихъ отличалась даже такими скромными достоинствами, какъ напримѣръ англійская Фелисія Гимансъ. Глава этихъ стихотворицъ, Луиза Каршъ, была совершенно по достоинству оцѣнена Фридрихомъ Великимъ. Онъ выдалъ ей за стихи два талера. —Рядъ нѣмецкихъ романистокъ открываетъ въ прошломъ столѣтіи Софія Ларошъ. Ея *Исторія Дюшисы Штернеймъ* (1771) пользовалась въ свое время большою извѣстностью; теперь она совершенно забыта, какъ и другіе многочисленные романы этой писательницы. Та же судьба постигла и плодовитую Каролину Пихлеръ.

Дѣятельное участіе въ литературѣ нѣмецкія женщины начали принимать въ особенности съ сантиментальной эпохи семидесятыхъ годовъ. Стремленіе облагородить тѣ грубыя отношенія къ женщинамъ, какія продолжали существовать въ обществѣ, вызвало идеализмъ Клопштока и его послѣдователей. Онъ скоро перешелъ въ какую-то слезливую мечтательность и чувствительность, которая стала модой во всѣхъ кружкахъ, желавшихъ слѣть образованными.—Невѣста Гердера писала ему, лирически замѣняя „пустое *вы* сердечнымъ *ты*“: „О, что вы дѣлаете, милый, сладостный юноша? Думаете ли еще обо мнѣ? любите ли меня? О, простите, что я объ этомъ спрашиваю! Въ вашемъ послѣднемъ божественномъ письмѣ я вѣдь *твоя милая*,—и все таки я спрашиваю. Это потому, что я съ нѣкотораго времени такъ много тревожусь изъ-за васъ во снѣ. Но это только сонъ,—и ты мой, мой, ахъ! въ сердцѣ моемъ вѣчно мой! Или вы не слышите ничего, что витаетъ вокругъ васъ,—о, ты, сладкій человекъ!—и теперь, при свѣтѣ луны, когда я по цѣлымъ часамъ одна и у васъ,—или вы не слышите ничего, ничего изъ моихъ мыслей? Или нашъ ангелъ не шелеститъ около васъ крыльями и не говоритъ вамъ, что я съ вами? О, симпатія! симпатія!“—Семнадцати-лѣтній Виландъ, влюбленный въ Софію Гунтерманъ, о которой сказано выше какъ о Ла-

рошъ, заключилъ съ нею *вѣчный* союзъ любви. Они „часто бросались вмѣстѣ на колѣни, клялись въ вѣчной вѣрности добродѣтели и потомъ цѣловались въ мечтательномъ восхищеніи“. Но изъ Бибераха, гдѣ это происходило, Виландъ отправился въ Цюрихъ, и тамъ то и дѣло увлекался швейцарскими красавицами. Потомъ въ Бернѣ онъ встрѣтился съ замѣчательно умной дѣвушкой, Юліей Бонделли, вдохновенной миссіонеркой ученій Руссо. Виландъ такъ плѣнился ею, что предложилъ ей руку. Но Юлія плохо довѣряла его постоянству. „Скажите мнѣ, спросила она его однажды съ испытующимъ взглядомъ, вы никогда не полюбите никого, кромѣ меня?“ Послѣ клятвъ въ вѣчной вѣрности Софіи, Виланду можно бы поклясться и тутъ. Онъ было и началъ: „никогда! Это невозможно!“ Но тотчасъ же прибавилъ: „впрочемъ на нѣсколько минутъ это могло бы случиться, если бы я встрѣтилъ женщину прекраснѣе васъ, которая была бы въ высшей степени несчастна и въ то же время въ высшей степени добродѣтельна“. Юлія отказала Виланду. Раненное сердце его скоро однакожь утѣшилось. Прежнюю возлюбленную свою встрѣтилъ онъ уже замужемъ за Ларошемъ. Они жили въ замкѣ графа Стадіона, у котораго Ларошъ былъ домашнимъ секретаремъ. Сантиментальная любовь смѣнилась не менѣе сантиментальною дружбой. Мѣщанская женитьба по расчету не помѣшала Виланду продолжать какія-то слезоточивыя отношенія къ Софіи Ларошъ. Что за чувствительныя сцены происходили между нимъ и его прежнею возлюбленною, когда онъ пріѣзжалъ въ замокъ, очень чувствительно рассказываетъ Фридрихъ Якоби. „Мы слышали стукъ экипажа и взглянули въ окно. Это былъ Виландъ. Господинъ Ларошъ сбѣжалъ съ лѣстницы на встрѣчу къ нему; я нетерпѣливо послѣдовалъ за нимъ,—и мы приняли нашего друга на крыльцѣ. Виландъ былъ тронуть и какъ бы оглушенъ. Пока мы здоровались съ нимъ,—съ лѣстницы спускалась госпожа Ларошъ. Виландъ только что спрашивалъ о ней съ какимъ-то безпокойствомъ, и казалось, съ величайшимъ нетерпѣніемъ хотѣлъ ее видѣть. Внезапно онъ замѣтилъ ее,—и я очень хорошо видѣлъ, какъ онъ весь содрогнулся. За тѣмъ отвернулся онъ въ сторону, рѣзкимъ движеніемъ дрожавшей руки сбросилъ

силъ съ себя шляпу назадъ, на полъ, и невѣрными шагами пошелъ къ Софіи. Все это сопровождалось такимъ необыкновеннымъ выраженіемъ во всей фигурѣ Виланда, что я чувствовалъ себя потрясеннымъ во всѣхъ моихъ нервахъ. Софія пошла на встрѣчу къ своему другу съ распростертыми объятіями. Но онъ, вмѣсто того, чтобы принять ея объятія, схватилъ ея руки и наклонился, чтобы скрыть въ нихъ свое лицо. Софія склонилась надъ нимъ съ небеснымъ выраженіемъ лица, и сказала тономъ, котораго не воспроизвести никакой Клеронъ, никакой Дюбуа:—Виландъ... Виландъ... Да, это вы... Вы все еще мой милый Виландъ!—Виландъ, пробужденный этимъ трогательнымъ голосомъ, приподнял немного голову, взглянулъ въ плачущіе глаза своей пріятельницы и склонился потомъ лицомъ на ея плечо. Никто изъ окружающихъ не могъ удержаться отъ слезъ. У меня онѣ сбѣжали по щекамъ; я всхлипывалъ. Я былъ внѣ себя,—и до настоящей минуты не могу объяснить, какъ кончилась эта сцена, и какъ мы очутились всѣ вмѣстѣ наверху, въ залѣ“. Въ своихъ романахъ пріятельница Виланда была такъ же сантиментальна, какъ въ своей любви и дружбѣ. Верхомъ этого чувствительнаго направленія былъ слезливый романъ Миллера *Зигвартъ*. Онъ имѣлъ громадный успѣхъ и еще болѣе распространилъ въ обществѣ нелѣпую чувствительность и мечтательность.

Но въ лучшихъ людяхъ того времени это настроеніе было вызвано недовольствомъ, нелѣпными общественными предразсудками и отношеніями, и переходило въ стремленіе преобразовать ихъ. *Вертеръ* Гете, искаженный Миллеромъ въ его *Зигвартъ*, былъ не однимъ пассивнымъ выраженіемъ современнаго сантиментализма. Вмѣстѣ съ первыми трагедіями Шиллера, онъ примыкалъ къ тому движенію въ литературѣ, которое нѣмцы—по заглавію одной драмы Клингера—называютъ періодомъ „бурныхъ стремленій“. Жанъ-Поль писалъ въ 1799 году изъ Веймара: „Въ сердцѣ міра происходитъ духовная революція, большая, чѣмъ политическая революція, и столь же смертоносная“. Одною изъ представительницъ этой революціи была женщина великаго ума и сердца, обреченная великимъ страданіемъ въ жизни, Шарлотта Кальбъ, въ которую были влюблены Шиллеръ и Жанъ-Поль. Но Шар-

лотта слишком высоко поднималась над уровнем других женщин. Жанъ-Поль называлъ ее *титанидой*; Ему и Шиллеру казалась слишкомъ страшною женщина, которая говорила, что „всѣ наши законы—слѣдствіе жалчайшаго безсилія и рѣдко благоразумія“, что „любовь не нуждается ни въ какихъ законахъ“. Жанъ-Поль прямо говоритъ въ своемъ дикомъ тонѣ, что онъ съ Шарлоттою „выкурилъ трубку въ пороховомъ магазинѣ“. *Геніальныя* женщины (какъ нѣсколько иронически выражались тогда) не могли быть такими служанками, какихъ требовали эти художники, влюбленные больше всего въ своихъ героинь. Жанъ-Поль и Гете женились именно на такихъ служанкахъ, и конечно это не мало содѣйствовало постепенному суженію и обмельчанію ихъ мысли. Шиллеръ былъ нѣсколько счастливѣе. Жена его выходила хоть немного изъ круга посредственности.

Живое литературное движеніе „бурныхъ стремленій“ было непродолжительно. Оно смѣнилось чисто-художественнымъ, далекимъ отъ жизни направленіемъ. Сантиментализмъ принялъ новую форму въ грезахъ романтизма. Владычество Наполеона въ Германіи какъ будто задушило въ нѣмцахъ всякую память объ идеяхъ прогресса, которымъ они начали было сочувствовать. Литература обратилась за идеалами къ прошлому, — и возникло тупое поклоненіе средневѣковымъ формамъ жизни, странная поэтическая тоска по невѣжеству и кулачному праву. Не оживляющее, а мертвящее вліяніе могла имѣть такая литература на духъ общества. Она превращала весь міръ въ какую-то юдоль плача, гдѣ слышался только горячешный бредъ, или мистическіе хоры. Въмѣстѣ съ мистицизмомъ на впечатлительныхъ людей нападало гнетущее отчаяніе и въ себѣ, и въ будущности отечества.

Въ своихъ взглядахъ на значеніе женщины романтики стояли не выше средневѣковыхъ миннезенгеровъ. Въ любви того времени было что-то болѣзненное и мрачное. Генрихъ Клейстъ, безспорно геніальнѣйшій изъ поэтовъ романтической школы, не находитъ другаго выхода изъ своей любви къ женѣ другаго, кромѣ смерти. Онъ стоваривается со своею Адольфиной, что убьетъ ее, когда она скажетъ ему, что наскучила жизнью. И точно, въ ноябрѣ 1811 года Клейстъ

застрѣлилъ ее, а потомъ пробилъ пулею черепъ и себѣ.— Въ 1808 году романтическая красавица, Каролина Гюнттеродер, закалывается отъ неудовлетворенной любви.

Въ политической жизни всеобщая подавленность, запуганность и жалкое безсиліе были таковы, что Германіи приходилось ждать клича свободы изъ Россіи.

«Vorwärts! fort und immer fort!
Russland rief das stolze Wort:
Vorwärts!» *)

Тутъ только снова зашевелились въ нѣмецкомъ обществѣ живыя силы. Въ общемъ внезапномъ одушевленіи встрепенулись и женщины. Въ такъ называемыхъ войнахъ за независимость онѣ приняли горячее участіе. „Поведеніе женщинъ заслуживаетъ похвалы“, пишетъ Нибуръ изъ Берлина въ концѣ 1813 года. „Сотни изъ нихъ отказываются не только отъ всякихъ удовольствій, но и отъ излишнихъ заботъ о своемъ домашнемъ хозяйствѣ, чтобы служить въ лазаретахъ, стряпать тамъ, ходить за больными, штопать бѣлье, снабжать раненыхъ деньгами и всѣмъ нужнымъ, присматривать за наемною прислугой и побуждать ее къ дѣлу. Многія стали уже жертвою нервной горячки“. Богатыя женщины дѣлали большія пожертвованія деньгами, отдавали свое серебро, дорогіе уборы. Многія дѣвушки ѣздили въ войско съ припасами. Многія брались и за оружіе, какъ наша кавалеристъ-дѣвица Александровъ-Дурова, около того же времени. Юганна Штегенъ, Юганна Лурингъ, Лотта Крюгеръ, Доротея Завошъ, Каролина Петерсенъ, — вотъ имена этихъ амазонокъ. Но особенно прославилась воспѣтая Рюккертомъ храбрая Прохаска, бывшая въ отрядѣ волонтеровъ Лютцова. При Гёрде она была смертельно ранена. „Въ числѣ тяжело раненныхъ“, рассказываетъ очевидецъ, „были Лютцовъ и геройская дѣвушка Прохаска. Когда послѣднюю, полъ которой былъ неизвѣстенъ, по окончаніи сраженія надо было перевязать, такъ какъ ядро раздробило ей стегно, она не согласилась на это, и сначала потребовала къ себѣ фельдфебеля своей роты. Когда же онъ пришелъ, оказалось, что

*) Такъ начинается очень популярная тогда пѣсня Лудвига Уланда.

подъ военною аммуниціей, никому невѣдомо, скрывалась женщина, именемъ Прохаска, и помогала намъ одержать подѣду. Это возбудило всеобщее удивленіе и уваженіе къ ея геройской храбрости и къ ея терпѣнью въ перенесеніи всѣхъ тягостей войны“. Черезъ три дня героиня умерла отъ раны.

XVIII.

Какъ ни обидно должно было казаться нѣмцамъ иноземное владычество, но то, чего они добились войною за освобожденіе, было несравненно обиднѣе и позорнѣе. Эта война была какъ будто мимолетною вспышкой народнаго духа. За нею наступило самое жалкое и отвратительное безсиліе. Названіе *Freiheits-Krieg* звучитъ такой злой, безпощадной ироніей. Нѣмцамъ утѣшаться можно было развѣ тѣмъ, что не ихъ однихъ постигла печальная участь въ эпоху реставраціи, что не въ нихъ однихъ угасли надежды на новый порядокъ вещей, возбужденныя движеніемъ конца прошлаго столѣтія. Во всей Европѣ наступила пора жалкаго униженія съ одной и нахальнаго произвола съ другой стороны. Но изъ тѣхъ самыхъ мѣръ, которыми хотѣли достигнуть въ обществѣ могильнаго спокойствія, должно было вырости новое движеніе. Снова начали возникать въ обществѣ идеи, отъ которыхъ искали прибѣжища въ реакціи.

Политическія движенія въ Германіи, къ которымъ сигналомъ послужила іюльская революція въ Парижѣ, были, какъ извѣстно, такъ слабы, что дали правительствамъ только поводъ усилить реакцію. Революціонныя стремленія выразились почти исключительно въ литературѣ. Такъ называемая Юная Германія, наряду съ политическими, подняла и социальныя вопросы. Въ общество стали проникать идеи о женской эмансипаціи, которыя во Франціи пытались ввести и въ практику. Идеи эти были плохо поняты въ Германіи. Это видно ужъ изъ того, что сторонники эмансипаціи раздумывали до какого-то міроваго значенія литературную свѣтскость барынь въ родѣ Рахели и Беттины.

Рахель Фарнгагенъ фонъ-Энзе, урожденная Левинъ, собирала въ своемъ берлинскомъ салонѣ представителей поэ-

зи, науки, литературы и—дипломатин. Всѣ, бывавшіе въ гостиной der Frau Geheimen Legations-räthin *), говорятъ съ такимъ-то благоговѣніемъ объ ея умѣ, искренности и проч. Съ такимъ же благоговѣніемъ къ ея памяти издалъ Фарнгагенъ переписку Рахели. Изъ этой переписки видно, что Рахель интересовалась общественнымъ и литературнымъ движеніемъ. Но изъ разныхъ ея разсужденій и афоризмовъ очень трудно составить себѣ какое нибудь понятіе объ ея образѣ мыслей. Вѣрнѣе, что у нея вовсе его не было, и она была не больше, какъ приятная свѣтская собесѣдница. Ея гостиная могла же быть равно открыта и Генцу, и Гейне. Этого одного, кажется, довольно для ея характеристики.

Поэтическая Беттина—проще, дѣйствительная тайная совѣтница Ахимъ фонъ-Арнимъ—не имѣла и такого общаго вліянія, какое приписываютъ Рахели. Это была очень эксцентрическая женщина. Она прославилась, какъ извѣстно, своею восторженной перепиской съ Гете, которая была издана подъ заглавіемъ: *Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde*. Такимъ ребенкомъ Беттина тщилась оставаться до старости, и вся растерялась въ своей безсвязной, причудливо-романтической болтовнѣ.

До самаго движенія 1848 года мысли объ улучшеніи и расширеніи женскаго образованія, объ увеличеніи правъ и свободы женщинъ постоянно высказывались въ нѣмецкой литературѣ,—и нѣсколько женщинъ приняли участіе въ политическихъ событіяхъ, слѣдовавшихъ въ Германіи за февральскою революціей. Неудачи, за которыми наступила опять реакція, хотя и лишенная уже прежней силы, заставили, какъ всегда, большинство общества усомниться въ примѣнности тѣхъ идей, которыя еще такъ недавно одушевляли всѣхъ. Съ этими сомнѣніями—или, лучше сказать, съ этимъ непониманіемъ всплыли опять разные отжившіе принципы. Женщины-писательницы, старавшіяся распространять новыя идеи въ популярной формѣ романа, сошли на время со сцены, или круто повернули въ другую, противоположную сторону. Такъ было напримѣръ съ графиней

*) Съ этимъ титуломъ обращается къ Рахели глава «Молодой Германіи» Гейне, въ одномъ изъ своихъ посвященій.

Идой Ганъ-Ганъ, которая, послѣ своего ратованья за права женщинъ, ударилась въ католицизмъ, пошла въ монастырь,—и ея новѣйшія книжки раздаются въ видѣ награды въ іезуитскихъ школахъ. Даровитѣйшая изъ нѣмецкихъ писательницъ новаго времени, Фанни Левальдъ, осталась впрочемъ вѣрна своему направленію *).

*
* *

Вотъ всѣ сколько нибудь характеристическія черты изъ исторіи женщинъ въ Германіи. Вотъ все, на чемъ нѣмцы основываютъ свое притязаніе, что „уваженіе къ женщинамъ“ есть одна изъ самыхъ яркихъ сторонъ ихъ національнаго характера.

Мы видѣли, что съ самаго начала ихъ исторіи и до послѣдняго времени женщина является (какъ это было и вездѣ) постоянно рабски-подчиненною. Всѣ ея стремленія выйти изъ этого рабства доводятъ господствующую сторону только до вѣдшихъ уступокъ. Уступки эти не улучшаютъ ея положенія, а только развращаютъ ее, а съ нею и все общество. Мало по малу, съ развитіемъ общественности и званія, нравы смягчаются. Прежде женщину били,—тутъ перестали бить. Прежде она была рабой,—тутъ стала хозяйкой, то есть всетаки служанкой мужа,—но болѣе всего куклой. Лишенная всякой самостоятельности, она видитъ единственную опору свою въ нравственномъ вліяніи на мужчину. Но ее всячески нравственно портятъ воспитаніемъ и отдаляютъ отъ образованія,—и ей приходится дѣйствовать только своими вѣдшими качествами. И она старается стать сколько возможно похоже на куклу, потому что только кукла нравится мужчинамъ. Они не выпускаютъ изъ рукъ своихъ ни одного изъ тѣхъ мнимыхъ правъ, которыми завладѣли при первой организаціи общества. Какъ всякое насиліе единожды захватившее власть, они готовы на всякія средства, чтобъ удержать ее. Въ законахъ, касающихся женщины и

*) Для полноты мы перечислимъ здѣсь самыхъ замѣчательныхъ изъ нѣмецкихъ писательницъ послѣдняго періода. Это поэтессы—Бетти Паоли, Аннета Дросге, Элизе Шмитъ; новеллистки—Августа Паальцовъ, Ида Дюрингсфельдъ, Юлія Буровъ, наконецъ знаменитая кругосвѣтная путешественница Ида Пфейферъ и серьезная ученая Луиза Якобъ, извѣстная подъ псевдонимомъ *Тальон*. Ея *Исторія колонизаціи Новой Англіи* и изслѣдованія по народной славянской и германской поэзіи—труды, имѣющие серьезное достоинство.

ея положенія въ семьѣ, не произошло никакой существенной перемѣны со временъ Карла Великаго. Да и могли ли быть перемѣны, когда законы эти основаны на той системѣ понятій, которую всѣми мѣрами стараются поддерживать и теперь?

Впрочемъ и это ужъ добрый знакъ, что ее надо поддерживать. Значитъ, начинается убѣжденіе въ ея непрочности.—И точно, пора понять, что основная идея этой системы совершенно чужда человѣческой природѣ; что люди никогда не могли осуществить ее на практикѣ, не смотря на всѣ свои чрезвычайныя усилія, и никогда не могутъ осуществить. Она не могла существовать безъ уступокъ естественнымъ требованіямъ жизни, и расплодила только ложь, лицемеріе, вообще много всякаго разврата.

Одинъ изъ современниковъ Жанны д'Альбрэ, энергической матери Генриха Наваррскаго, говорилъ о ней, что „въ ней не было ничего женскаго, кромѣ пола“ („elle n'avait de femme que le sexe“). Это великая похвала для того времени. Но нашему времени предстоитъ задача устроить наши отношенія такъ, чтобы въ женщинѣ и не могло быть ничего женскаго, кромѣ пола. Вѣдь то, что называютъ женскимъ *еще*—это рабство и всѣ его пороки и несчастія. Да; въ женщинѣ нѣтъ и не должно быть ничего женскаго, кромѣ пола. Все остальное да будетъ въ ней не мужское или женское, а чисто-человѣческое!

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Женскій вопросъ. — Прудонъ о женщинахъ. — Мишлэ о любви. — Женщина во Франціи. — Миссъ Елисавета Блеквель и г-жа Женни д'Эрикуръ. — Комедія съ Монталамберомъ.

Въ прошломъ письмѣ моемъ я успѣлъ только мелькомъ упомянуть о новой книгѣ Мишлэ: *Любовь*. Благодаря знаменитому имени автора и заманчивому заглавію, она читается наперерывъ и возбуждаетъ много толковъ. Какъ эти толки ни разнорѣчивы, изъ нихъ можно вывести одно заключеніе, и заключеніе очень невыгодное для автора. Успѣхъ его книги — успѣхъ скандальный, un succès de scandale, какъ говорятъ французы.

Странная и печальная судьба! Сочиненіе, задуманное съ благороднѣйшей цѣлью и пропитанное желаніемъ общаго блага, производитъ впечатлѣніе безнравственной книги.

Мишлэ нельзя заподозрить въ неискренности, въ лицемеріи, и остается жалѣть объ обществѣ, испорченность котораго такъ глубока, что даже въ лучшихъ умахъ и въ лучшихъ сердцахъ можно открыть, всматриваясь, черты родства съ маркизомъ де-Садомъ и съ Лувэ де-Кувре, авторомъ „*Любовныхъ походовъ Шевалье де-Фоблаза*“.

Вопросъ о положеніи женщины и объ организаціи семейства есть одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ нашего времени. Только отъ его разрѣшенія зависятъ твердые и правильные успѣхи цивилизаціи. Мысль всѣхъ сознательно или бессознательно обращена къ этому вопросу. Но

всѣ попытки создать справедливыя, законныя отношенія между мужской и женской половинами человѣчества были до сихъ поръ шатки и неопредѣленны.

Предъявленіе свободы чувства было первымъ шагомъ къ эмансипаціи женщины. Отъ предъявленія какого бы то ни было права далеко еще до внесенія его въ жизнь. Старинныя, вросшіе въ общество предразсудки не скоро уступаютъ мѣсто новымъ началамъ. Притомъ прогрессъ совершается большею частію крайностями: одна крайность вызываетъ другую, противоположную, борьба становится ожесточеннѣе и побѣда труднѣе.

Въ предъявленіи свободы чувства заключалось уже отрицаніе брака въ томъ смыслѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время. Но на этомъ новаторы не остановились: они стали безусловно отрицать бракъ вообще. Это безусловное отрицаніе повело къ утверженію законности безбрачнаго многоженства и тому подобнымъ крайнимъ нелѣпостямъ.

Я не стану припоминать всѣмъ извѣстныхъ теорій, которыя, какъ теоріи, отжили уже свой вѣкъ; но не могу умолчать о вліяніи ихъ на общественную нравственность.

Не имѣя силы явно сокрушить старый порядокъ вещей, эти теоріи стали подтачивать его тайно. Онѣ льстили неразвитію, легкомыслію и животнымъ инстинктамъ массы, и развратъ быстро принялъ громадныя размѣры. Препре зданіе почти разрушено, а новаго нѣтъ, и самый матеріалъ для его постройки на половину сгнилъ. Надо сохранить отъ гнили остатокъ годнаго матеріала и постараться употребить его въ дѣло; а такіе строители, какъ Прудонъ и Мишлэ, воображая, что создаютъ вновь, только ворочатъ отжившіе обломки непоправимыхъ развалинъ.

Ни сентиментальная теорія Мишлэ, ни циническая система Прудона не поворотятъ общества назадъ. Эмансипація женщины началась, и остановить ее невозможно. Надо признать за женщиной инныя права, нежели признаютъ эти писатели, обращаясь отъ печальнаго настоящаго къ прошедшему и отыскивая тамъ идеалы будущему. Золотой вѣкъ не такъ-то легко водворить. Ни картинами аркадскихъ хижинъ, ни законами, почерпнутыми изъ быта

готтентотовъ и изъ руководство къ коннозаводству, — не поможешь развращенному обществу.

Пока мы будемъ считать женщину существомъ большимъ и жалкимъ, какъ Мишлэ, самкой, какъ Прудонъ, рабой, какъ средневѣковые учителя, куклой, какъ современные романисты, — невозможны ни нравственная твердая семья, ни нравственное и здоровое воспитаніе новыхъ поколѣній, стало быть невозможны и успѣхи общества. Только въ признаніи за женщиною человѣческихъ и гражданскихъ правъ — охрана отъ страшнаго разврата, развѣдающаго современное общество въ самыхъ его основаніяхъ.

Обратимся къ книгѣ Мишлэ. Она поможетъ намъ копнуть глубже этого вопроса.

Мишлэ говоритъ, что въ немъ въ три разныя эпохи пробуждалось желаніе написать эту апологію любви.

„Въ первый разъ (объясняетъ онъ) это было въ 1836 году. Мутному литературному потоку, затоплявшему насъ, мнѣ хотѣлось противопоставить свидѣтельство исторіи. Я изучалъ тогда средніе вѣка. Но необходимые тексты не были еще изданы. Я написалъ нѣсколько бѣглыхъ страницъ о средневѣковыхъ женщинахъ и, къ счастью, остановился.“

„Въ 1844 году довѣріе юношества и, смѣю сказать, сочувствіе всѣхъ окружали мою кафедру нравственности и исторіи. Я увидалъ и узналъ многое. Я познакомился съ общественными нравами. Я почувствовалъ необходимость серьезной книги о любви“.

Въ другомъ мѣстѣ Мишлэ справедливо называетъ жизнь современной молодежи постояннымъ самоубійствомъ.

„Въ 1849 году (продолжаетъ онъ), когда наши соціальныя трагедіи сокрушили сердца, въ воздухѣ распространился страшный холодъ; казалось, вся кровь застывала у насъ въ жилахъ. Въ виду этого явленія, грозившаго истощеніемъ всякой жизни, я обратилъ призывъ къ малой долѣ теплоты, еще оставшейся въ обществѣ. Я призывалъ на помощь законамъ — обновленіе нравовъ, очищеніе любви и семьи“.

Въ послѣдніе десять лѣтъ положеніе общества не улучшилось.

Напротивъ. „Страшныя цифры (говоритъ Мишлэ), неопровержимыя, официальныя, доходившія по временамъ до меня, казались слуху моему похороннымъ звономъ и возвращали мнѣ, что самой расѣ, этой физической основѣ народа, угрожаетъ опасность. Такъ, напримѣръ, число молодыхъ людей, неспособныхъ къ военной службѣ, малорослыхъ, горбатыхъ, хромыхъ, въ продолженіе семи лѣтъ отъ 1831 до 1837 года равнялось цифрѣ 460,000; въ семь слѣдующихъ лѣтъ оно увеличилось на цифру 31,000; число браковъ уменьшалось, и въ нѣкоторые года поразительно. Въ 1851 году браковъ было на 9,000 меньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году; въ 1852 на 7,000 меньше, чѣмъ въ 1851 (т. е., на 16,000 меньше сравнительно съ 1850 годомъ) и т. д. Официальная статистика 1856 года показываетъ, что народонаселеніе уменьшается или остается на одной степени, вдовцы еще женятся, но вдовы уже не выходятъ замужъ. Прибавьте къ этому ужасное число женщинъ, кончающихъ жизнь самоубійствомъ, умирающихъ отъ нищеты, и т. д.“

Гдѣ же надежда для этого умирающаго общества? этотъ вопросъ не выходитъ изъ ума и приводитъ на память послѣднія времена Рима.

„Но паденію римской имперіи (отвѣчаетъ Мишлэ) предшествовало необыкновенное истощеніе ума. Здѣсь, напротивъ, успѣхи изобрѣтательнаго генія, непрерывные въ послѣдніе три вѣка (дѣло десяти тысячъ лѣтъ совершено въ эти три вѣка) идутъ неутомимымъ crescendo.“

„Движеніе науки свидѣтельствуетъ о неистощимой мощи не только умовъ, но и самой жизни.“

„Какъ же умереть въ такомъ состояніи, при такомъ великомъ свѣтѣ, въ такомъ полномъ сознаніи міра и себя? Римская имперія разрушаясь, погрузилась во мракъ. Прежде смерти наступила для нея ночь.“

„Нравственное чувство притупилось; но умъ не истощился. Мозгъ не пораженъ, но онъ расплывается и колеблется отъ истощенія низшихъ органовъ. Въ насъ громадная сила, но сила эта страшно распухлена, разбросана.“

„Изъ книги моей одинъ выводъ:

„*Или сосредоточься, или умирай!* Для сосредоточенія жизненныхъ силъ нуженъ прежде всего твердый очагъ.“

„Не должно презирать себя и опускать руки. Тогда всему конецъ.“

„Мы испорчены, это правда. Но испорченная вода можетъ стать снова годною для питья.“

Изъ приведенныхъ нами строкъ достаточно ясна благородная цѣль, которую предположилъ себѣ Мишлѣ. До сихъ поръ слова его дышатъ и правдой. Но отрицать и разрушать легче, чѣмъ утверждать и создавать, и какъ скоро онъ начинаетъ развертывать передъ нами планъ семьи, на которой должно утвердиться обновленное общество, мы забываемъ благородную цѣль автора и горько негодуемъ.

Какой-то мудрецъ сравнилъ сердце женщины съ ларцомъ, ключъ отъ котораго закинуть въ море. Мудрецъ этотъ могъ бы сказать тоже не только про сердце, но и про все существо женщины, и не сталъ бы отъ этого менѣе мудрымъ, — такъ по крайней мѣрѣ можетъ показаться, какъ посмотришь на усилія, съ которыми съ незапамятныхъ временъ трудятся надъ разрѣшеніемъ вопроса: что такое женщина?

Сократъ сказалъ, что женщина есть источникъ всякаго зла. Онъ сказалъ это конечно, не первый; тоже самое говорили до него и китайскіе, и индѣйскіе, и еврейскіе мудрецы.

Въ наше время французскій философъ пишетъ цѣлый томъ о женщинѣ и выводитъ заключеніе, что женщина есть источникъ всякаго зла. Прудонъ такъ же не первый, какъ и Сократъ, и вѣроятно такъ же будетъ не послѣдній.

Другія опредѣленія женщины испытываютъ ту же судьбу. Женщина — кукла, женщина — раба, женщина — роза, женщина — змѣя, женщина — любовь, женщина — ложь, женщина — поэзія, женщина — правда, женщина — самка, и т. д., и т. д. Все это повторяется испоконъ-вѣку то порознь, то разомъ, и поневолѣ думаешь, что ключъ къ пониманію женщины лежитъ гдѣ нибудь въ глубинѣ моря.

Но наука изслѣдуетъ морское дно и скажетъ же наконецъ простое и ясное опредѣленіе.

Женщина есть человѣкъ.

Тогда явится и эта неизбежная семья, о которой мы

мечтаемъ, и желанная чистота нравовъ, а съ ними и твердость и благосостояніе общества.

Прудонъ яснѣе и логичнѣе всѣхъ формулировалъ ветхіе предрасудки, отталкивающіе женщину отъ всякой умственной и нравственной дѣятельности въ человѣчествѣ и обрекающіе ее на темную, рабскую и животную жизнь самки. Онъ призвалъ на помощь и естественныя науки, и исторію, и современную нравственность, чтобы сказать, что женщина — не человѣкъ, и доказать, что она ниже мужчины и въ физическомъ, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ.

По расчету Прудона физическая сила мужчины относится къ женской силѣ, какъ 3 къ 2. Объ этомъ не можетъ быть и спору. Примѣръ львицъ, самокъ гиббоновъ и горилловъ, и т. д., который приводятъ защитники женщинъ въ доказательство, что, при правильномъ развитіи обоихъ половъ, можно бы уравнивать между ними и физическую силу, вовсе нейдетъ къ дѣлу. Во-первыхъ, самый фактъ, приводимый въ примѣръ, сомнителенъ. Во-вторыхъ, если бы и возможно было такое уравнишеніе физической силы, материнскія обязанности, оставаясь за женщиной, все-таки нарушили бы его.

На основаніи неравенства физическихъ силъ Прудонъ требуетъ и неравенства правъ для мужчины и женщины.

„Предположимъ (говоритъ онъ), что въ странѣ живутъ въ смѣшеніи двѣ расы, изъ которыхъ одна такъ же физически выше другой, какъ мужчина выше женщины.“

„Предположимъ также, что отношеніями этого общества управляетъ самая строгая справедливость, то, что мы выражаемъ словами: *равенство правъ*; сильная раса, при равномъ числѣ и при полномъ равновѣсїи получить три доли на пять въ общей производительности; таковъ законъ общественной экономіи.“

„Но это не все: по той же самой причинѣ воля сильной расы будетъ превышать въ дѣлѣ управления волю слабѣйшей расы, какъ 3 превышаетъ 2, т. е. при равномъ числѣ будетъ управлять другою, какъ это мы видимъ въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ дѣла рѣшаются большин-

ствомъ акцій, а не большинствомъ голосовъ: таковъ законъ политическій“.

Прудону кажется очень справедливымъ вывести изъ этихъ положеній слѣдующее заключеніе:

„При всѣхъ возможныхъ условіяхъ воспитанія, развитія и инициативы, перевѣсъ долженъ всегда оставаться на сторонѣ сильнаго, въ пропорціи 3 къ 2, т. е. мужчина долженъ быть господиномъ, а женщина повиноваться. „Dura ex, sed lex“.

Законъ, точно, жестокій, потому что основанъ на *правн силнаго*, хотя Прудонъ всячески старается увѣрить читателя, что онъ вовсе не партизанъ этого мнимаго права. Подумаешь, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь первобытномъ обществѣ, гдѣ физическая сила была высшимъ достоинствомъ. Но вѣдь человѣчество не даромъ жило тысячелѣтія: ему уже не нужно бороться съ чудовищами; силы, подчиненныя ему наукой, все болѣе и болѣе облегчаютъ личный физическій трудъ: И неужто оттого, что женщинѣ не подѣ силу быть нагрузчикомъ тяжестей или солдатомъ, слѣдуетъ ее признать существомъ низшимъ? Въ то время, какъ стараются и лошадей избавить отъ тяжелой работы, неужто считать великой привилегіей способность поднимать гири и носить на спинѣ пятипудовые тюки? неужто можно гордиться этой верблюжьей способностью передъ женщиной, которая обречена на тяжкій и святой трудъ рожденія?

Въ глазахъ Прудона не только материнскія заботы не даютъ женщинѣ права, равнаго праву крѣпкихъ мышцъ и здоровой спины; даже высшее умственное развитіе не спасаетъ ее отъ рабства.

Впрочемъ, въ какомъ умственномъ развитіи способна женщина?

Прудонъ отрицаетъ въ ней существованіе здороваго мозга и способность мышленія. Мысли женщины безсвязны, сужденія бессмысленны, химеры принимаетъ она за дѣйствительность, изъ аналогій выводитъ правила, и т. д., и т. д. Онъ идетъ еще дальше. Признавая женщину и въ умственномъ, какъ въ физическомъ отношеніи, существомъ страдательнымъ, онъ въ тоже время считаетъ ее опасною для мужчины. Самая бесѣда съ нею, по его словамъ, истощаетъ,

какъ поцѣлуй. „Кто хочетъ сохранить въ цѣлости свою физическую силу и силу своего ума, убѣжитъ отъ женщины: она убьетъ и ту, и другую. Inveni amariorum morte mulierem“.

Женщинѣ, которая жаждетъ развитія и проситъ свѣта, Прудонъ говоритъ: „поди прочь! судьба заклемила тебѣ лобъ; ты не довольна долей рабы, такъ будь камеліей, будь публичной женщиной. Другаго мѣста тебѣ нѣтъ“.

И вотъ лекарство отъ разврата, остановившаго во Франціи успѣхи народонаселенія, подточившаго самую расу! Въ чемъ тутъ разница съ азіатскими понятіями о женщинѣ? По мнѣнію Прудона, женщина эмансипированная развратила общество; но женщина — раба не можетъ развратить его развѣ лишь потому, что она есть явленіе, понятное только въ развращенномъ въ конецъ обществѣ.

Я уже сказалъ, что эмансипація только-что началась; съ первыми успѣхами ея неизбежны крайности и отклоненія отъ прямого пути. При существованіи въ обществѣ дикихъ предрасудковъ (къ числу которыхъ принадлежитъ и Прудоновъ взглядъ на женщину) невозможна еще полная эмансипація, и потому, совершаясь несвободно, неравномерно, она нарушаетъ общественное равновѣсіе.

Еще недавно у насъ былъ поднятъ горячій споръ о грамотности. Изъ-за зла, неизбежнаго при полуобразованіи, нѣкоторые признавали вредъ самой грамоты, стало быть и дальнѣйшаго образованія. Тоже и съ эмансипаціей женщины. Но грамотѣ въ обществѣ безграмотныхъ, полуэмансипированная женщина посреди общества, закованнаго въ цѣпи десяти тысячъ церемоній,—лишь отчасти превышаетъ общій уровень, но еще не совсѣмъ выходитъ изъ него. Дурное въ нихъ только остатокъ грубыхъ инстинктовъ темной или рабской массы. Но грамотѣ можетъ просвѣтиться, женщина, сознавшая свою матеріальную независимость, можетъ развиваться нравственно. Съ истиннымъ просвѣщеніемъ, съ истиннымъ развитіемъ несовмѣстна безнравственность.

Одна изъ наиболѣе развитыхъ французенокъ нашего времени, Даніэль Стернь говоритъ:

Даже въ самыхъ блестящихъ проявленіяхъ своихъ, женскій гений не достигалъ крайнихъ высотъ мысли, онъ оставался, такъ-сказать, на полудорогѣ, человѣчество не обя-

зано женщинам ни одним замѣчательнымъ открытіемъ, даже ни однимъ полезнымъ изобрѣтеніемъ. Не только въ наукахъ и въ философіи являются онѣ лишь во второмъ ряду, и въ искусствахъ, къ которымъ такъ склонны, не произвели онѣ ни одного образцоваго творенія. Я не говорю о Гомерѣ, Фидѣ, Дантѣ, Шекспирѣ, Мольерѣ; женщины не дали намъ даже Корреджію, Донателло, Делия, Гретри⁴.

Доказательства Прудона умственной слабости женщины не сильнѣе этого отрывка, цитируемаго имъ. Онъ тоже справился, сколько было выдано въ теченіе пятидесяти лѣтъ привилегій женщинамъ, тоже не нашелъ между ними ни Гомеровъ, ни Шекспировъ — и рѣшилъ, что говорить о женскомъ гениіи невозможно...

Не находя въ исторіи науки и искусства великихъ женскихъ именъ, легко свалить вину на натуру женщины и покончить этимъ дѣло; но разумнѣе и согласнѣе съ справедливостью было бы поискать, нѣтъ ли какихъ обстоятельствъ, облегчающихъ вину.

Какое было до сихъ поръ положеніе женщины въ обществѣ и семьѣ? Было ли признано за нею право голоса? Не считалось ли и не считается ли, къ несчастію, и нынче прямымъ ея долгомъ слѣпо покоряться мужской силѣ и молчать? Была ли женщина свободна въ выборѣ состоянія, въ выборѣ мужа? Какое воспитаніе давалось ей? Была ли она допущена на университетскую скамью?

Одно съ дѣтства внушаемое понятіе о необходимости подчиненія, о нравственномъ ничтожествѣ женщины способно было убить въ ней всякую возможность развитія. Но она не убита: это лучше всего доказываетъ протестъ произволу и насилію, поднятый въ наше время женщиной.

И что же? Деятнадцатый вѣкъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, становится въ оборонительное положеніе передъ этимъ великимъ движеніемъ впередъ.

Женщины раздѣляютъ въ этомъ отношеніи судьбу юныхъ народовъ. Старые опытные народы, съ вѣками богатой тревогами и приобрѣтеніями жизни за спиной, глядятъ свысока на молодой народъ, насмѣшливо качаютъ головой и говорятъ: „ты хочешь имѣть право голоса! Да что ты можешь

сказать? Гдѣ твои Шекспиръ, Кювье, Канты! Ты былъ при томъ до сихъ поръ рабомъ, какъ же ты хочешь равняться съ нами силой?“ И много нужно времени, чтобы заставить признать законность силы, не погасшей подъ вѣками гнета и рабства, чтобы заставить слушать слово, не умершее подъ вѣковымъ запретомъ.

И то слабое участіе, которое принимали до сихъ поръ женщины въ общемъ ходѣ цивилизаціи, принесло не малую долю пользы и не мало содѣйствовало успѣхамъ просвѣщенія. Кто этого не знаетъ, и стоитъ ли это доказывать?

Впрочемъ, виноватъ! Прудонъ отрицаетъ благотворительность женскаго вліянія на общество. Онъ находитъ, что общество было бы лучше, если бы женщина оставалась затертою въ недоступномъ теремѣ. Она, по его мнѣнію, развратила общество, ослабила, внесла въ нравы вялость, распущенность, нѣгу; сдѣлала мужчину неспособнымъ къ гражданской доблести и, разумѣется, развративъ общество, развратила и литературу.

До сихъ поръ всѣ были согласны въ мнѣніи, что вялость, распущенность, нѣга, развратъ и т. д., всѣ пороки, приписываемые Прудономъ вліянію женщины, отличаютъ преимущественно тѣ общества, гдѣ женщина стоитъ на низшей степени развитія, гдѣ она считается рабой, вещью. До сихъ поръ считали женскій элементъ образовательнымъ, развивающимъ. Все это оказывается ошибкой!

Какъ губительно было вліяніе женщины на литературу, Прудонъ доказываетъ примѣрами. Онъ разбираетъ въ быстромъ очеркѣ характеръ произведеній Руссо, Беранже, Ламартина и отказываетъ имъ во всякой инициативѣ, какъ произведеніямъ ума женственнаго (эпитетъ, разумѣется, очень неуважительный), расплывающагося и неспособнаго сосредоточиться.

Если въ этомъ судѣ и есть нѣкоторая доля справедливости, то женщина ли виновата въ этой женственности? Нѣтъ, не женщина, а ея неестественное положеніе. Сентиментальность, въ которую впадаютъ, къ несчастію, самыя щедро одаренныя натуры, происходитъ отъ постоянной жажды разумной любви, врожденной человѣку, но не находящей себѣ удовлетворенія въ средѣ куколъ, которыхъ об-

щество воспитываетъ вмѣсто женщинъ; натуры менѣ высокія оттого же впадаютъ въ чувствительность. И отъ той, и отъ другой—умы лишаются энергіи, характеры слабѣютъ; этотъ недостатокъ энергіи, эта слабость характеровъ отражаются на воспитаніи, и новыя поколѣнія съ колыбели обречены повторять жизнь отцовъ.

Любовь, которую Прудонъ желалъ бы изгнать изъ міра, утратить тогда свой животный, исключительно чувственный характеръ; равенство развитія упрочить союзы и дать имъ характеръ разумности.

Это ясно, какъ день, и только крайности, порожденныя во Франціи первымъ движеніемъ къ эмансипаціи женщины, движеніемъ наполовину бессознательнымъ, могли вызвать такую беспощадную оппозицію, какъ оппозиція Прудона.

Въ этомъ случаѣ на немъ отразилась исключительность, свойственная французамъ. Франція для нихъ—все, и за предѣлами ея они ничего не видятъ.

А между тѣмъ въ то время, какъ начало эмансипаціи женщинъ породило такія горькія явленія во французскомъ обществѣ, тѣ же идеи движутся инымъ ходомъ въ Англии и преимущественно въ Америкѣ: строгая послѣдовательность и неуклонная настойчивость, отличающая англо-саксонское племя, ведутъ къ разрѣшенію и этотъ вопросъ. Все тверже и глубже входятъ здѣсь въ общество эти великія и благотворныя идеи, все шире раздвигается кругъ ихъ разумнія, и можетъ быть этому племени суждено первому осуществить новый порядокъ, на которомъ незыблемо утвердятся свѣтъ и свобода.

Я не стану ни приводить, ни опровергать мнѣній Прудона о врожденной женщинѣ безнравственности, о совершенномъ отсутствіи въ ней чувства стыда, и проч. На все это есть уже отвѣтъ въ томъ, что я сказалъ.

Странно подумать, что проповѣдникомъ такихъ дикихъ идей является Прудонъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ и глубокихъ умовъ не только Франціи, но и всего современнаго міра. Это явленіе можно объяснить развѣ только тѣмъ, чѣмъ я объяснилъ въ началѣ моего письма безнравственность послѣдней книги Мишлэ, къ которой теперь и возвращаюсь.

Мишлэ начинаетъ, какъ водится съ вопроса: что такое женщина“?

Отвѣтъ на это слѣдуетъ довольно неожиданный.

„Женщина есть—больная“.

Это открытіе принадлежитъ однакожь не Мишлэ: онъ самъ говоритъ, что вычиталъ его у Гиппократъ.

„Женщина есть—болѣзнь“,—сказалъ Гиппократъ.

„А мужчина—лекаръ“,—прибавляетъ Мишлэ. Онъ забываетъ только придѣлать необходимый конецъ къ этому афоризму:

„Стало быть, земля есть большая больница“.

И точно, съ такими врачами, какъ Мишлэ, не трудно превратить весь міръ не только въ больницу, но и въ домъ умалишенныхъ.

Любовь, которую онъ хочетъ водворить въ обществѣ, точно стоила бы филиппикъ Прудона. Эта любовь обрекаетъ женщину на самую рабскую и жалкую роль въ человѣчествѣ. На чемъ основываетъ Мишлэ прочность брака? Не на равенствѣ развитія, не на одинаковости нравственныхъ началъ, не на общности интересовъ, а исключительно на животномъ чувствѣ, которое изъ естественнаго и здороваго явленія превращается въ великое зло, когда въ него примѣшиваются сентиментальность. Любовь Мишлэ—не законное чувство, врожденное человѣку, а внесенная въ чувство извращенность, чувствительность, Только при чувствѣ чистомъ и разумномъ возможны прочныя союзы; чувствительность же живетъ непостоянствомъ и переменной. Положивъ въ основаніе своего ученія такое гнилое начало, Мишлэ, кажется, смутно чувствовалъ его непрочность и однимъ изъ главныхъ стараній его было доказать своею книгой, что любимая женщина всю жизнь измѣняется, что въ ней всегда найдется что нибудь новое и что потому она не можетъ никогда надобѣсть. Два существа, стремящіяся къ одной цѣли, рядомъ развивающіяся нравственно, восполняющія такъ сказать одно другое, далеки отъ опасенія надобѣсть другъ другу. Самое слово *надобѣсть* не существуетъ для нравственнаго міра; разумная сила человѣка не знаетъ пресыщенія и подъ ея санкціей чувство крѣпнетъ и живетъ долгой вѣкъ. Только союзы, основанные на томъ что Бальзакъ называетъ *affaire*

de saparè, боятся распадения и ищутъ себѣ поддержки въ разныхъ нововведеніяхъ, вымышляемыхъ для этой affaire. За проституціей чувства слѣдуетъ охлажденіе, за охлажденіемъ....

Все это такія элементарныя понятія, что смѣшно было бы и повторять ихъ, если бы они не оказывались неизвѣстными даже такому писателю, какъ Мишлè.

Женщина есть — больная. Эта болѣзнь обрекаетъ ее на вѣчное рабство. Каждый мѣсяць женщина чувствуетъ высшяя стремленія, и каждый мѣсяць природа напоминаетъ ей страданіемъ о единственномъ ея призваніи — любви. Мишлè употребляетъ всѣ цвѣты поэзіи для описанія этого ежемѣсячнаго страданія, которымъ онъ наполняетъ почти всю жизнь женщины.

„Она, Говорить Мишлè: — все это время, — или раздражена или мечтательна. Она несовсѣмъ увѣрена въ себѣ. Порой у ней наворачиваются слезы, иногда изъ груди ея вырываются вздохи. Шадите ее, говорите съ ней какъ можно нѣжнѣе. Ухаживайте за ней, окружайте ее, впрочемъ, если можно, безъ настойчивости, такъ, чтобы она не чувствовала этого. Она очень впечатлительна. Странныя слова, часто краснорѣчивыя, совсѣмъ неожиданныя срываются у нея съ языка и изумляютъ васъ. Но преобладающее въ ней чувство (если только вы не были на столько варваромъ, что раздражали ее), избытокъ нѣжности, даже любви. Жаръ крови оживляетъ движеніе сердца“.

Мишлè гордится своею дружбою съ первыми докторами Франціи. Увы! эти доктора не объяснили ему хорошенько физическихъ явленій, передъ которыми онъ готовъ расплыться въ слезахъ умиленія. Не говоря уже о томъ, что царапины кажутся ему незакрывающимися ранами, — какъ никто не сказалъ ему, что по мѣрѣ изнѣженности физическаго и нравственнаго воспитанія усиливается и болѣзненность въ этихъ простыхъ явленіяхъ? Съ системой Мишлè, основанной на хлопкахъ и баловствѣ, на развитіи воображенія и на гнетеніи мысли, можно скоро прійти къ полному осуществленію его афоризма, заимствованнаго у Гиппократата. Въ жизни женщины (за исключеніемъ дѣтства и старости) не будетъ и дня, въ который она могла бы встать съ постели.

Какое же благотворное вліяніе можетъ имѣть на обще-

ство это жалкое больничное существо? Да и возможно ли какое нибудь общество съ этой больной своей половиной?

Странно слышать отъ историка, что семью скрѣпили не общія заботы о воспитаніи потомства, а чувственность.... Какъ иначе понимать слѣдующія строки:

„Она (женщина) любитъ, она страдаетъ, ей нужна подпора любящей руки. Вотъ что болѣе всего укрѣпило любовь въ человѣческомъ родѣ, упрочило связь.

„Говорятъ, что семью создала слабость ребенка, требующая долгихъ заботъ о его воспитаніи. Да, ребенокъ удерживаетъ мать, но мужъ остается дома собственно для нея, ради нѣжности своей къ женѣ, ради счастья покровительствовать ей.

Она и выше и ниже мужчины: униженная природой, тяжкую руку которой она чувствуетъ на себѣ, и въ тоже время возвышенная до мечтаній, до предчувствій, до высшихъ наитій, которыхъ мужчина никогда бы не узналъ, она очаровала его, невинно околдовала на вѣки. И, очарованный, онъ остался. — Вотъ начало общества.

„Непреборимое могущество, прелестная тираннія приковала мужчину около женщины. Этотъ вѣчно возобновляющийся кризисъ, это таинство любви, страданія, удерживали его изъ мѣсяца въ мѣсяць. Она остановила его на мѣстѣ однимъ словомъ:

— Я тебя еще больше люблю, когда больна!

А послушайте, какъ эта женщина, лежащая въ постели со своей несчастной любовью, способствуетъ энергіи мужа, открываетъ его на дѣятельность.

„Когда прекращаются теплыя заботы о ней доброй матери, которая нѣжить и балуетъ ее, она требуетъ добраго мужа, которымъ бы могла распорядиться, злоупотреблять (user, abuser). Она проситъ его, зоветъ его, нужно ли, не нужно ли. Она взволнована, она боится, ей холодно, ей снится сонъ! Мало ли что! Вечеромъ будетъ гроза или ночью! она ужъ чувствуетъ ее: гроза въ ней.

— Дай мнѣ пожалуйста руку... мнѣ нужно успокоиться.

— Но мнѣ надо идти работать...

— Такъ воротись поскорѣе... Сегодня я не могу обойтись безъ тебя.“

Мишлэ вѣроятно стоило немалыхъ усилій дать этой сценѣ такой оборотъ: какихъ поэтическихъ страницъ лишилъ онъ себя! То ли бы дѣло, еслибъ больная умолила мужа вовсе не работать, а сидѣть около нея, утопать въ блаженномъ созерцаніи, упиваться ароматомъ любви, слушать этотъ прелестный младенческій лепетъ!.. какая возвышающая душу картина!

Вспомните при этомъ, что женщина всего два—три дня въ мѣсяцъ не больна, а эти два—три дня опять-таки должны быть посвящены любви; какъ же не процвѣтаетъ обществу съ такими доблестными гражданами и гражданками?

Читая книжку Мишлэ, то и дѣло думаешь, не смѣется ли онъ надъ читателемъ, не иронія ли этотъ возвышенный слогъ и эти идиллическія картины?

И такими книгами хотятъ исправлять общество!

Признавая женщину постоянной, неизлечимой страдалицей, надо признать за ней право капризничать, ничего не дѣлать. Мишлэ даже требуетъ, чтобы она капризничала и ничего не дѣлала. О знаніи онъ ничего не говоритъ; но и безъ того понятно, что женщина должна оставаться въ нравственномъ отношеніи на степени безсловеснаго животнаго *). При другихъ условіяхъ была бы невозможна для нея эта судьба, въ которой жалкое рабство соединено съ еще болѣе жалкимъ барствомъ.

Женщины въ восточныхъ гаремахъ жалѣютъ европейскихъ женщинъ, что онѣ принуждены учиться въ дѣтствѣ, трудиться въ зрѣломъ возрастѣ. Эти несчастныя, въ простотѣ сердечной, думаютъ, что ихъ беззаботная участь завидна учащейся и трудящейся женщинѣ. Если бъ онѣ умѣли читать и могли понять книгу Мишлэ, онѣ бы еще болѣе утвердились въ этомъ простодушномъ мнѣніи.

Я забываю впрочемъ, что Мишлэ хочетъ, чтобы мужъ былъ образователемъ жены, взявъ ее за себя ребенкомъ въ умственномъ отношеніи. Если подъ образованіемъ понимать элементарныя понятія о природѣ и жизни, то это еще возможно, на это достанетъ досуга и у очень занятого чело-

*) У женщины, по словамъ Мишлэ, особый языкъ... «это вздохъ, страстное дыханіе». Какая же послѣ этого разница женщины съ безсловесными? Къ вздохамъ и страстному дыханію способны и кошки.

вѣка. Но дастъ ли такое образованіе женщинѣ возможность понимать развитаго мужа? можетъ ли она, оставаясь вѣчно младенцемъ, быть подругой зрѣлаго челоѣка? Кромѣ постоянного недовольства съ обѣихъ сторонъ, кромѣ неизбежной тиранніи, которая мало по малу породитъ сначала холодность, а потомъ и вражду, нечего ждать отъ подобныхъ неравныхъ связей. Единственное ручательство за прочность всякаго людскаго союза есть равенство, и къ нему тяготеетъ все болѣе и болѣе современное общество; какъ же быть ему прочнымъ, когда необходимость равенства отрицается въ семьѣ, главномъ его основаніи?

Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ моихъ я упомянулъ мимоходомъ о печальномъ направленіи французскаго воспитанія. Не нужно долго жить въ Парижѣ, чтобы увидеть чрезвычайную поверхностность и общаго образованія. Здѣсь не удивительно встрѣтить извѣстнаго писателя, незнающаго такихъ простыхъ предметовъ, незнаніе которыхъ мѣшаетъ нашему гимназисту перейти изъ втораго класса въ третій; чего же ждать отъ женщинъ?

Въ женскихъ пансіонахъ учатъ немножко географіи, немножко исторіи, то-есть на столько, чтобы не знать, какъ Александръ Дюма, разницы между Аральскимъ моремъ и Байкаломъ, или, какъ Теофиль Готье, на какой рѣкѣ стоитъ Берлинъ, чтобы смѣшивать Марію Терезію съ Маріей Стюартъ, и т. под. Изученіе языковъ, которое такъ расширяетъ горизонтъ мысли, совсѣмъ заброшено; литература существуетъ только въ отрывкахъ изъ Расина, которые учатся наизусть... Съ такими познаніями вступаетъ дѣвушка въ свѣтъ.

Мать ея была воспитана такъ же, и потому вся жизнь ея посвящена блестящимъ тряпкамъ и жалкому тщеславію, пустой суетѣ.

„Французскія матери ужасны“ говоритъ даже Мишлэ.— Онѣ обожаютъ свое дитя, но въ то же время ведутъ съ нимъ войну, уничтожаютъ его своимъ собственнымъ блескомъ, своею силою и прелестью. Онѣ гораздо привлекательнѣе своихъ дочерей, и даже часто красивѣе, моложе, гораздо моложе. Пока дочь живетъ съ матерью, ей приходится каждый вечеръ слышать съ горестью, какъ мужчины гово-

рять: *малютка не дурна, но как же можно сравнить ее с матерью*

И дѣвушка кидается на шею первому встрѣчному, который удостоить ее своимъ вниманіемъ, чтобы только избѣжать этой ревнивой тиранніи. Она рада браку, какъ свободѣ ѣсть хорошенько (дома ее и кормили плохо, чтобы она оставалась въ черномъ тѣлѣ и не была соперницей матери), рада, какъ свободѣ рядиться и видѣть около себя завистницъ или ухаживателей. Дикіе и сухіе уроки школы отвратили ее отъ всякаго желанія учиться, и мужъ съ указкой только опротивить ей. Развѣ любовь соединила ихъ? Мужу понравилось въ ней личико: большаго онъ не могъ узнать въ ней; ей понравилась въ мужѣ возможность жить такъ же весело и беззаботно, какъ маменька.

И начинается эта лихорадочная жизнь, которая во всей простотѣ и мерзости ея описана Бальзакомъ и такъ мефистофильски оправдана.

Кто-то сказалъ, что у женщины бываютъ минуты серьезнаго размышленія только передъ баломъ, когда она думаетъ о своемъ бальномъ платьѣ. Это великая истина въ примѣненіи къ французскому обществу.

Мишлѣ находитъ глубокое значеніе въ этой пошлой мишурности, характеризующей современную женщину. Онъ видитъ въ ней безпокойство за измѣняющую съ каждымъ днемъ молодость, красоту, за любовь, которая можетъ измѣнить вмѣстѣ съ молодостью и красотой. Хороша любовь! на нравственныя начала опирается она!

Но эта любовь, несмотря на всѣ ухищренія, достойныя изобрѣтательности маркиза де-Сада, должна же пройти. Что остается для женщины въ старости? Пропитанное чувствительностью воображеніе ищетъ себѣ пищи въ ханжествѣ, или тупѣетъ вмѣстѣ съ другими способностями, и эта отвратительная старость возбуждаетъ въ васъ такое же содроганіе, какъ пышный гробъ, въ которомъ гниетъ раздувшееся тѣло развратницы.

Для этихъ страшныхъ язвъ современнаго общества нужна не розовая вода, приправленная мускусомъ, которую прописываетъ Мишле, нужны не мѣстныя прижиганья и ампутаціи, предлагаемыя Прудомъ, а радикальное леченіе,

которое метаморфозировало бы исподоволь зараженную кровь всего организма.

Воспитаніе, воспитаніе, воспитаніе!... Нельзя устать повторять эти слова для всякаго общества, а тѣмъ болѣе для общества французскаго.

Я укажу на нѣсколько мѣстъ въ книгѣ Мишле, изъ которыхъ особенно ярко видна развращенность этого общества. Тонъ простодушія, съ какимъ онъ говоритъ; придаетъ еще болѣе грустной правды этимъ мѣстамъ. Мишле какъ будто думаетъ, что это такъ и быть должно и такъ бываетъ вездѣ. Оно и не удивительно: Мишле какъ и Прудонъ — прежде всего французъ, а для француза нѣтъ ничего достойнаго вниманія за предѣлами Франціи.

Говоря о матеряхъ, онъ считаетъ нужнымъ похвалить ихъ за то, что онѣ *берегутъ* дочерей, которымъ воспитаніе не даетъ никакой точки опоры, оставляя ихъ весь вѣкъ несовершеннолѣтними.

„Онѣ желаютъ (продолжаетъ Мишле о матеряхъ), чтобы дочь ихъ вошла подъ кровлю мужа чистой и дѣвственной, даже ничего незнающей, если возможно, и чтобы мужъ былъ счастливъ, встрѣчая въ ней такую *дѣвочку*. И точно, это его удивляетъ (онъ зналъ только потерянныхъ женщинъ), удивляетъ до того, что онъ подозрѣваетъ ее въ лицемеріи.

„Это невѣдѣніе впрочемъ очень естественно и понятно при надзорѣ безпокойной и ревнивой матери, особенно если у дѣвушки не было молодыхъ подружекъ, которыя наставили бы ее. Но ничего не знать опасно; невинное существо подвергается вслѣдствіе своего незнанія не одной случайности. Матери слѣдовало бы просвѣтить ее, предупредить, какъ скоро она стала женой...

Въ этихъ немногихъ строкахъ, какъ вы видите, много удивительныхъ вещей. Вспомните, что Мишле обращается въ своей книгѣ не къ простому народу, а къ такъ называемому образованному классу. И въ этомъ классѣ приходится хвалить мать за то, что она не желаетъ видѣть развратную свою дочь до выхода замужъ! Да въ самомъ невѣжественномъ народѣ это желаніе такъ обыкновенно, что о немъ смѣшно говорить. Но откуда же это недовѣріе

у мужа, эти подозрѣнія? Значитъ, желанія материнскія не всегда исполняются. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ приписать эту подозрительность единственно знакомству мужа до свадьбы съ женщинами двусмысленнаго поведенія! Но положимъ, она ни на чемъ не основана,—какой нравственный смыслъ въ союзѣ этихъ двухъ существъ, которые такъ далеки другъ отъ друга, такъ незнакомы другъ-другу, что дѣлаютъ возможными такіа унижительныя подозрѣнія. Мишле ни на минуту не задумывается надъ этимъ фактомъ; онъ ему кажется, вѣроятно, очень разумнымъ.

Мишле обращается съ совѣтомъ къ новобрачному. Онъ напоминаетъ ему истину, почерпнутую изъ естественной исторіи: *le mâle est très sauvage*, и рекомендуетъ не предаваться такой животной дикости въ своей юной подругѣ жизни. Это первая половина совѣта.

А вотъ и второе предостереженіе, *чрезвычайно серьезное*, какъ говоритъ Мишле, *и неизмѣримо важности*.

Послушаемъ его вмѣстѣ съ новобрачнымъ.

„Знаешь ли ты,—отечески спрашиваетъ онъ:—что въ эту тревожную минуту въ тебѣ борются двѣ очень враждебныя одна другой мысли? Ты не понимаешь ни себя, ни своей новобрачной. Эта бѣлая статуя, которую ты пожираешь глазами, которая внушаетъ такую нѣжность, такъ трогаетъ тебя, боясь обличить свою боязнь и улыбаясь блѣднѣющими устами... ты воображаешь, что знаешь ее? А она остается для тебя загадкой.

„Это женщина современная, въ ней есть душа и умъ. Древняя женщина была только тѣломъ. Такъ какъ бракъ былъ въ тѣ времена только средствомъ къ продолженію рода, то въ супруги выбиралась дѣвушка здоровая, красная (*красная* и *красивая* синонимы въ варварскихъ языкахъ). Отъ нея требовалось много крови и чтобъ она была готова пролить ее...

„Въ современномъ бракѣ, который есть преимущественно союзъ душъ (вы уже видѣли, какую роль играетъ душа въ идеальномъ союзѣ Мишле), душа—главное. Женщина, о которой мечтаетъ современный человѣкъ,—нѣжная, эфирная, не похожа на эту красную дѣву. Она вся живетъ нервами. Кровь ея лишь движеніе и дѣйствіе. (Я

перевожу слово въ слово, и многого рѣшительно не понимаю: вообще красота слога, оказывающаяся въ переводѣ бессмыслицей, играетъ большую роль въ книгѣ). Кровь въ ея живомъ воображеніи, въ подвижности ея мозга; она въ этой нервической граціи, въ этой болѣзненной блѣдности (кровь-то!); она въ этой взволнованной, порою блестящей рѣчи она въ особенности въ этомъ глубокомъ взглядѣ любви, который то восхищаетъ и плѣняетъ, то смущаетъ, а еще чаще трогаетъ, проникаетъ въ сердце и заставляетъ плакать.

„Вотъ что мы любимъ, вотъ о чемъ мечтаемъ, вотъ къ чему стремимся, вотъ чего желаемъ. И что же? По заключеніи брака, по какой то странной непоследовательности, мы забываемъ обо всемъ этомъ и хотимъ видѣть въ нашей подругѣ дѣвушку крѣпкой расы, деревенскую красавицу, у которой былъ бы изобилень алмъ источникъ жизни...“

Довольно! Вы уже знаете, въ чемъ дѣло. Переводить эти цвѣтистыя и пустыя фразы, о которыхъ говорятъ! *quel style! quelle poésie!*—тяжелый и бесполезный трудъ.

Не говоря объ этомъ возведеніи въ перлъ созданія блѣдной немочи, не говоря о картинахъ, достойныхъ „*Arg amandi*“, какъ надивиться этому совѣту *неизмѣримо важности* для союза душъ! Впрочемъ при такихъ *союзахъ душъ* можно ждать не только унижительныхъ подозрѣній, но и медицинскихъ свидѣтельствъ.

День за днемъ, начиная съ этой грязной минуты, описываетъ Мишле жизнь своей образцовой четы. Вы присутствуете, читая его книгу, при всѣхъ фактахъ супружескихъ отношеній, и на послѣдней страницѣ спрашиваете: для чего жили эти супруги? Это постоянное няньченъе съ чувствомъ любви, это вѣчное любовное созерцаніе съ одной стороны и вѣчное кокетничанъе съ другой, кокетничанъе всѣмъ,—и красотой, и кротостью, и нѣжностью, и страданіями, и слабостью, и даже невѣжествомъ, могутъ, пожалуй, наполнить жизнь; но отъ такой жизни мысль здороваго человѣка отвращается съ негодованіемъ.

Въ этой поэмі вы найдете патетическія страницы о мукахъ рожденія, но ни одной разумной строки о заботахъ воспитанія. Какъ будто родить—все! Чѣмъ же отличается

человѣкъ отъ другихъ животныхъ, и какая опора обществу въ семьѣ?

Въ предисловіи къ своей книгѣ Мишле между прочимъ говорить:

„Каждый вѣкъ характеризуется своей главной болѣзью. Тринадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ проказы; четырнадцатый— черной язвы; у девятнадцатаго поражены оба полюса нервной жизни, мысль и любовь; у мужчины пораженъ мозгъ, истощенный, потрясенный, парализованный, у женщины— утерусъ, болѣзненно изъязвленный. Нашъ вѣкъ будетъ названъ вѣкомъ болѣзней утеруса, иначе сказать— вѣкомъ горя и отчужденія женщины, вѣкомъ ея отчаянія.“

Да, и мозгъ и утерусъ страшно поражены въ современной Франціи; но больше всего—мозгъ. Книга Мишле— одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ этому. Другое, не менѣе убѣдительное— критика этой книги. Ни одинъ журналъ не посмотрѣлъ съ должной строгостью на это печальное явленіе и не осудилъ его, какъ безнравственное и вредное для общества. Изъ полусловъ, намековъ, легкихъ укорищъ и крупныхъ комплиментовъ, изъ всей этой путаницы понятій и фразъ можно заключить, что мнѣніе критики въ пользу Мишле.

Публика приняла книгу по своему: она читаетъ ее съ тѣмъ самымъ интересомъ, какъ читала полгода тому назадъ „Фанни“ Федо, какъ читала въ свое время сказки Лафонтена, „Rucelle“ Вольтера, и проч. Нѣтъ еще и мѣсяца, какъ появилась „Любовь“, а ужъ, говорятъ печатается второе изданіе.

Жаль Мишле ради его прошедшаго.

Въ то время, какъ я дописывалъ эти строки, я узналъ о пріѣздѣ въ Парижъ знаменитаго американскаго доктора медицины, миссъ Елисаветы Блэквель. Она приглашена изъ Нью-Йорка въ Лондонъ для чтенія тамъ лекцій физиологіи.

Имя этой героини, самоотверженно и неустанно бившейся за права женщины съ закоснѣлыми предразсудками и съ тупою враждой разныхъ Мишле и Прудоновъ науки и торжественно завоевавшей признаніе этихъ правъ въ своемъ лицѣ, это благородное имя будетъ вписано крупными буквами въ исторію эмансипаціи, — эмансипаціи не только жен-

щины, но всего человѣчества отъ вѣковыхъ оковъ произвола, насилія и разврата.

„Le mâle est sauvage“, повторю и я. Онъ до сихъ поръ видитъ въ женщинѣ только предметъ физическаго обладанія, только служительницу своей похоти. Это мнимое уваженіе къ женщинѣ, говорящее на балѣ: „place aux dames“ и кричащее: „procul est, profanae!“ съ профессорской кафедры, эта жалкая куртуазія, снявшая съ себя мишуру чтобы надѣть ее на женщину, вручающая женщинѣ господство въ пышной залѣ, чтобы лишить ее права голоса въ семьѣ и въ обществѣ, создавшая для женщины особаго рода *святъ*, чтобы оставить ее, внѣ этого свѣта балльных люстръ и свѣтъ, во мракѣ невѣжества, это уваженіе и эта куртуазія обличаютъ, что подъ профессорскими мантиями и черными фраками живутъ еще инстинкты павіановъ.

Этимъ профессорскимъ мантиямъ и чернымъ фракамъ жалко разстаться со своимъ исключительнымъ господствомъ и со своими секретными побужденіями. Провозглашая неправоту привилегій, они хотятъ оставаться привилегированною частью человѣчества; провозглашая служеніе разуму, они служатъ страсти.

И всѣ они сторонятся съ какимъ-то страхомъ отъ женщины, которая высвободилась отъ путъ привилегіи и стала выше ихъ страстей, сравнившись развитіемъ своимъ съ лучшими мужскими умами. Пусть она не совершила великихъ открытій, пусть не дала міру высокихъ твореній искусства, — она выше всѣхъ двигателей науки и свѣтилъ поэзіи, какъ живое проявленіе высшаго человѣческаго достоинства, какъ осуществленіе той гармоніи, къ которой идутъ люди темными, имъ самимъ невѣдомыми путями.

Я говорю не о такихъ женщинахъ, какъ Жоржъ Сандъ: это печальныя, хотя и симпатическія явленія переходной страстной эпохи, — а о такихъ служительницахъ истины и свободы, какъ благородная миссъ Блэквель.

Гдѣ такой ученый, мыслитель, изобрѣтатель, который былъ бы достоинъ развязать ремень сапога или пожалуй ленту башмака этой скромной женщины? Передъ ними было широкое поприще, настезь отворенныя двери науки, заранѣе припасенное уваженіе къ ихъ труду. Никто изъ нихъ

не выносилъ такой тяжелой борьбы, никто не тягался съ такою страшною силой, никто не испытывалъ такихъ жестокихъ насмѣшекъ и безчеловѣчныхъ поруганій. Тысячи мужскихъ энергій сокрушились бы на полдорогѣ; а это слабое, страдательное существо (какъ мы называемъ его съ своимъ барскимъ самодовольствомъ), твердо дошло до цѣли, не утративъ ни силы своей, ни достоинства *).

И миссъ Блэквель не одна, она не исключеніе. Для исключенія поставили бы почетное бархатное кресло въ Сорбоннѣ и въ Академіи; но приходится запираеть двери, когда надѣо уступить третью часть скамеекъ женщинамъ. И двери заперты. Не даромъ нѣкоторые мистическіе мыслители толкуютъ о какомъ-то вѣчномъ антагонизмѣ между мужчиной и женщиной.

И вѣроятно долго еще Прудоны будутъ гремѣть на весь свѣтъ о глупости, тупости и безстыдствѣ женщинъ, Бальзаки — изучать женщину въ мишурномъ и тряпичномъ салонѣ и сочинять законы всемірнаго разврата, Мишле — плакать надъ этимъ развратомъ и стараться водворить въ обществѣ нравы, описанные въ идилліяхъ Теоокрита...

Но здравый смыслъ челоѣчества возьметъ свое: наука перестанетъ быть исключительнымъ достояніемъ одного пола, какъ была нѣкогда исключительнымъ достояніемъ одной касты, женщина займетъ слѣдующее ей мѣсто въ обществѣ, и матери, какъ Корнелія, и граждане, какъ Гракхи, не будутъ рѣдкими явленіями.

Прежде чѣмъ кончить объ этомъ предметѣ, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о представительницѣ женскаго движенія во Франціи въ настоящую минуту, о г-жѣ Женни д'Эрикуръ, которая такъ же докторъ, какъ и миссъ Блэквель.

Докторство впрочемъ для нея лишь скудное средство существованія; мысль ея вся принадлежитъ вопросу объ эмансипаціи женщинъ, которому г-жа д'Эрикуръ такъ горячо служить перомъ. Ея „Библия и женскій вопросъ“ и

*) Подробная біографія миссъ Елизаветы Блэквель была бы чрезвычайно полезна для нашего молодого общества, которому можетъ быть суждено ранѣе гордой своею восточною Европою признать великое значеніе идей, такъ благородно и смѣло развертывающихъ знамя свое въ Америкѣ.

„Христіанство и женскій вопросъ“ произвели глубокое впечатлѣніе и не остались, разумѣется, безъ предостереженія свыше. Г-жа д'Эрикуръ первая изъ женщинъ рѣшилась поколебать предрасудки, которыхъ главными хранительницами были донинѣ женщины, и показать, что въ этихъ самыхъ предрасудкахъ сильнѣйшее препятствіе свободѣ женщины. Она первая изъ французскихъ женщинъ совершенно свободна отъ несчастнаго сентиментализма, которымъ заражены лучшіе мужскіе умы во Франціи.

Иезуиты и свѣтскіе ихъ послѣдователи во вкусѣ Вельйо не могутъ не видать, что вліяніе г-жи д'Эрикуръ опаснѣе для ихъ ученій всякихъ Прудоновъ, что она старается поколебать ту среду, въ которой они находили главную точку опоры, а потому и неудивительно, что отъ этихъ господъ ей нѣтъ другаго имени, какъ *la fille du diable*.

Кто бы подумалъ, глядя на эту простую, добродушную, скромную женщину, что ей могутъ придать такое странное прозвище!

Теперь она занята большимъ сочиненіемъ „Права женщины“, которое вѣроятно выйдеть въ свѣтъ въ началѣ будущаго года. По тому, что я знаю изъ него, это будетъ одно изъ замѣчательныхъ явленій не въ одной французской литературѣ.

Р. S. Я не говорю вамъ ничего о комедіи, разыгранной Монталамберомъ, о его апелляціи, поданной имъ въ день помилованія, о новомъ его осужденіи, и проч. Газеты принесли уже вамъ эту новость. Я съ своей стороны прибавлю только, что парижская публика гораздо больше занимается теперь *étrennes* къ новому году, чѣмъ усиліями графа Монталамбера заставить во что бы то ни стало считать себя челоѣкомъ прогресса и поборникомъ свободы. Какъ ни притупилось чутье общества, все-таки его обмануть еще не такъ легко.

24 декабря 1858 г.

